

Серия «Евровосток»

**РОССИЯ
И
«САНИТАРНЫЙ КОРДОН»**

Сборник информационного
агентства REGNUM

Москва
Издательство «Европа»
2005

УДК 323.226.233
ББК (Т)63.3(2)6
О 64

Серия «Евровосток»
Серия основана в 2005 году в Москве

Россия и «санитарный кордон»:
Сборник / сост.: ИА REGNUM, –
М.: Издательство «Европа», 2005. – 220 с. – (Евровосток)

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя

ISBN 5-9739-0005-3

© Павловский Г.О., предисловие 2005
© Информационное агентство REGNUM,
составление, 2005
© Издательство «Европа», 2005

РОССИЯ КАК БОЛЕЗНЬ, ГЕОСАНИТАРИЯ КАК БИЗНЕС

Мир видит странный спор: Владимир Путин напоминает об угрозе целостности и суверенитету России, а либералы Москвы, их друзья в Варшаве и Таллине всё начисто отвергают. То, как жестко Владимир Путин поворачивает общество к вопросу суверенитета и целостности России – в недавнем послании к ФС суверенная демократия это главная тема, продолженная следующими выступлениями, – многим кажется нарочитым. Разве мир не сложился? А поскольку Россия в нем есть, то и она уцелеет, если научиться подчиняться рулю внешнего управления. Между тем спорщики родились в мире, которого уже нет, в странах, которые стерли с карт – например, в СССР. Известный факт! Но простое напоминание Путина об этой недавней катастрофе вызвало новый шквал возражений. (Правда, и сама Россия внесла «великий исторический вклад» в крушение старого мира. Не оттого ли ее не хотят видеть в новом?)

Стоит ли российской политике обсуждать угрозы независимости России? Как ни удивительно, и здесь нет согласия. В этом видят национальную паранойю, реликт русских осадных веков. Нам разъясняют, что демократии не воюют друг с другом. Этот несвежий софизм относится к одной-единственной «эпохе Ялты», ныне всеми проклина-

емой. Тогда действительно демократии не воевали друг с другом, собранные под американским зонтиком и готовясь к ядерной войне с Red Russia. Кроме того, демократии перед началом войны могут объявить объект атаки «недемократическим», процедура несложная. Война стран НАТО с Югославией была всего шесть лет назад, и вот НАТО есть, а Югославии нет.

* * *

Те, кто наблюдает за ожесточением политической лексики в Варшаве, Риге и Таллине, заметили, что та перешла грань простого недружелюбия. Это ненависть, нашедшая себе цель: русские, эти сеятели зла в истории, они ее только портят! Изошренная риторика ненависти, сфокусированная на России, русских и Владимире Путине, сродни риторике антисемитов и, подобно той, обрела виновника «современного хаоса, от которого нужно оградить Европу» (Хавьер Солана). Само суверенное государственное бытие русских патологично, их экономическая деятельность болезнетворна. (Зря Москва вовремя не обратила внимания на злостный миф русской мафии, этот последний вариант «кровавого навета»...)

Санитарный кордон против Востока изобретается странами, мечтающими о карьере высокооплачиваемых пограничников. Бизнес, ничего личного – европейский бизнес на отбрасывании России. Суверенитет это болезнь России, наши союзники – разносчики опасного вируса, Евровосток – зона заражения... Санитары Запада специализировались на дезинфекции Востока; польско-прибалтийские администрации разрабатывают средства защиты от русской эпидемии. (Диктаторов Грузии и Украины рекламируют как излечившихся. Но если то, что мы видим в Украине и Грузии, «демократии», кто бы поручился за их миролюбие?)

Аналитики REGNUMа предупреждают о рисках «санитарной войны» против России. Своевременно или запоздало? Это мы скоро узнаем.

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

От составителя

**Фронт против России:
«санитарный кордон»
и «внешнее управление»**

Мировой порядок, создававшийся в 1945-1975 годах, разрушен. Надежда на то, что уничтожение старого мирового порядка закончится вместе с уничтожением коммунизма, не оправдалась. Теперь нескрываемой целью западных «злых полицейских» является расчленение России, а целью «добрых полицейских» - «внешнее управление», ограничение ее суверенитета, установление международного контроля над ее ядерной обороной. Стоит ли удивляться, что в заново переписанных национальных историях бывших коммунистических государств и советских республик новые герои — фашисты, эсэсовцы и шовинисты, чья единственная «заслуга перед мировой демократией» — борьба против России.

Если более не существует системы международного права, в котором были суверенитет, невмешательство во внутренние дела и нерушимость границ, в котором территориальная целостность, право наций на самоопределение и права человека мыслились как единое целое, — то «все позволено». Теперь, когда удобная «глобализация» выше национального суверенитета, «вашингтонский обком» и брюссельская бюрократия — единственные толкователи норм демократии, Милошевич перед Международным трибуналом, а армия США избавлена от юрисдикции меж-

дународного суда, — у России нет шансов «примерным поведением» заслужить снисхождения. Нам сказано: Россия «слишком большая» для выживания в новом мировом порядке.

«Мир с позиции силы» обращен к России единственным на планете географически выстроенным фронтом, в строительстве которого нет перерывов: постколониальный эшелон против СССР сменился посткоммунистическим эшелонном против России, а тот — новым, постсоветским «санитарным кордоном». Россия реформировалась, либерализовывалась, демократизировалась, исполняла условия, соглашалась с инспекциями и мониторингом, смирялась с капризными ревизорами, научилась терпеть двойные стандарты, встроилась, наконец, в коалицию против террора — строительство «санитарного кордона» не остановилось ни на секунду. И его движение в глубь России само уже не остановится никогда.

У нас перед глазами пример Югославии — Сербии. Даже капитулировав, даже отправив в Гаагу Милошевича, она не заслужила «прощения»: Сербская Краина истреблена, Республика Сербская изолирована, Косово отчленено, Черногория отделена. Можно было бы поверить, что искренний Запад действительно искренне становится на сторону каждого самоопределяющегося «против империи» народа, а судьба антисербских разделов подобна судьбе антипакистанской независимости Бангладеш, антиэфиопской Эритреи, антииндонезийского Восточного Тимора, антиюгославских Словении, Хорватии, Боснии, Македонии. А развод Сербии и Черногории подобен разводу Чехии и Словакии... Но в Сербии на очереди — автономная Воеводина, где венгры не составляют достаточной для суверенизации доли населения.

Но албанское этническое меньшинство при поддержке Запада уже дробит Македонию, а завтра примется за Черногорию. Инициировав разрушение старого мира, новый мировой порядок не может предложить своим сторонникам ничего кроме странного союза брюссельской бюрократии

тии с провинциальными националистическими этнократиями. От них требуются только лояльность и умение уместить свое «национальное возрождение» в рамки НАТО — ЕС.

Достигнув национальной независимости, они уже на следующий день становятся в очередь в НАТО. Едва закончив свою легендарную борьбу против брежневского «ограниченного суверенитета», полудохлых Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора, они жертвуют еще большим ради самоподчинения жесткому и бесцеремонному Европейскому союзу. Гордясь своими посткоммунистическими либеральными реформами, эти «новые демократии», однако, готовы радикально истребить свое сельское хозяйство и высосать свои трудовые ресурсы на Запад ради социалистических субсидий ЕС.

Они горды и своей новой задачей — своим прифронтовым положением и самозванным статусом «главных посредников» и «специалистов» по постсоветским странам и России. Но Россия к посредничеству их не приглашала, хорошо помня, что в оккупационной жестокости против нас лидировали именно «национальные» формирования СС.

Их ждут неожиданности. Все эти новые этнократии — лишь часть дробящейся европейской мозаики, в которой традиционная самостоятельность местных властей уже не удовлетворяется возможностями немецкой и австрийской федераций, швейцарской конфедерации, более чем обширными правами испанских автономий. На очереди — претендующие на непосредственное членство в Европейском союзе испанские Баскония и Каталония, французская Корсика, итальянские Ломбардия и Тироль, греческий Кипр отдельно от турецкого Северного Кипра. Шотландия, Гренландия, Израиль без Палестины.

Разрушая национальные суверенитеты, самодостаточная брюссельская бюрократия неизбежно провоцирует внутри Европы мозаичный федерализм вовсе не для того, чтобы национальный голос Польши, сравнившись с национальным голосом Люксембурга, укрепил сводный хор ев-

ропейских народов. Хор — архаика. Современность — «технологическая» власть Брюсселя. Ее фундаментальная задача — распределять. Ее практика — вечная борьба за новые ресурсы ЕС и новые обеспеченные ресурсами США задачи по развитию «санитарного кордона» вокруг России.

Двигая фронт все дальше на Восток, накрывая военной инфраструктурой все постсоветское пространство, включая Среднюю Азию, Брюссель не может не поглотить Турцию и Украину. Европейские аналитики не скрывают, что «судьба ЕС зависит от Турции и Украины», но не говорят, что это значит. А это значит, что к 380 миллионам граждан ЕС через ряд лет прибавится 120-130 миллионов турок и украинцев, а к тысячам брюссельских бюрократов — квотные 3-4 тысячи турецко-украинских евробюрократов.

Допустим, ЕС переживет шок тюркизации-украинизации. Но пережитый Турцией — ради вступления в ЕС — шок «трудных решений» в отношении курдов и геноцида армян будет компенсирован совершенно особым турецким присутствием в Германии, на Балканах, в молдавской Гагаузии, украинском Крыму, грузинской Абхазии, не говоря уже об Азербайджане.

Помня о «слишком большой для Европы» России, новая украинская власть начинает административно-территориальную реформу. Видимо, укрупняя и укрепляя Галицию, она стремится не только уравновесить Закарпатье, Новороссию и Донбасс, но и сделать свою карту более удобоваримой для европейской «интеграции». Горьким юмором истории станет встреча в Брюсселе полноправных басков, каталонцев и крымских татар.

Чтобы справиться с внутренним федералистским и этнократическим хаосом в Европе, ЕС и США жизненно важно укреплять внешние границы объединенного европейского суверенитета. Интенсивное развитие и расширение «санитарного кордона» против России, чьи пределы и есть пределы этого суверенитета, — предмет бюрократического консенсуса ЕС и США, на фоне которого любые «особые отношения» старой Европы с Россией — это отно-

шения вчерашнего дня, память о старом мировом порядке, безобидная фронда.

«Санитарный кордон» нестабильности, созданный из постсоветских национальных государств в конце 1980-х годов, видимо, уже не может технологически удовлетворять потребностям тотального евроатлантизма. Обусловленные политически, исторически и географически, нежелание или неготовность таких национальных государств, как Белоруссия, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, подчинить свой суверенитет новому мировому порядку сделали их негодными в качестве элементов «кордона». И первые перемены в этой цепи — в Грузии и на Украине — породили надежду, что Западу удастся подчинить ее новым задачам, превратив из «линии соприкосновения», на которой главное — поддержание напряжения, в «передовой эшелон фронта», в котором главное — жесткий порядок и дисциплина.

Чтобы наступать дальше и самоутверждаться, Брюсселю нужна стабилизация «санитарного кордона» вокруг России и противоречащее принципам ЕС (признавшего Восточный Тимор, Словению, Хорватию, Боснию, Македонию, Косово) истребление постсоветской «естественной суверенизации» Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха. Борясь с Россией, Запад всегда будет игнорировать на словах столь дорогие ему суверенитет, федерализм, меньшинственные права русских в Латвии и Эстонии. Запад готов признать независимость Иракского Курдистана и готов думать об отчленении Иранского Азербайджана, но никогда не изменит ориентации своего главного фронта против России.

Не особенно скрываясь, Запад показал — куда именно будут направлены усилия нового «санитарного кордона», имеющего в тылу новую власть в Грузии и на Украине. После поражения сепаратизма в Чечне — новый «горячий» фронт выстраивается в целом на Северном Кавказе. После активизации (в первую очередь, согласованными усилиями Эстонии) вопроса о положении финно-угорских народов — потенциальным «холодным» фронтом становятся Карелия и Поволжье. При этом мало кого волнует, что, на-

пример, марийцы имеют в России национальную автономию, а русские в Эстонии — не имеют даже полноты гражданских прав...

Очевидно, что теперь речь идет уже не о периметре границ России и не о пограничном ее вытеснении, а об ее «взламывании» в самой сердцевине, по оси Волги, что на практике означает претензию на введение «внешнего управления» Брюсселя в Европейской части России.

* * *

В этих условиях у России, желающей сохранить свою территориальную целостность и суверенитет, нет большего союзника, чем прежний «санитарный кордон», возведенный против нее при издыхании старого мирового порядка. Нет большей поддержки, чем скорейшее вступление Турции и, может быть, даже Украины в Европейский союз. Нет более искреннего партнерства, чем с национальными государствами, отстаивающими свой суверенитет против экспортных «революций», и самоопределившимися народами, борющимися за признание своего максимально возможного государственного статуса.

Малосимпатичный союз империалистического «образца демократии» США с антинациональной социалистической бюрократией ЕС не оставляет России выбора.

«ОРАНЖЕВЫЕ» ПОЛИТТЕХНОЛОГИИ

Виген Акопян
Арменика Кивирян

РЕВОЛЮЦИИ-КЛОНЫ: ЧЕМ АРМЕНИЯ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ГРУЗИИ И УКРАИНЫ

Одна из последних пресс-конференций депутата Национального собрания Армении, члена армянской делегации в ПАСЕ, выдавшего виды оппозиционера из блока «Справедливость» **Шаварша Кочаряна** началась с исторического экскурса в начало девяностых, когда рухнул Союз. Проанализировав путь, пройденный каждым из постсоветских государств после обретения независимости, парламентарий пришел к следующему выводу: демократические ценности прижились и дали всходы лишь в Грузии и на Украине, остальные же государства (Армения, Азербайджан, Россия, Белоруссия и страны Средней Азии) деградировали в авторитарные системы. Почему Армения, когда-то пользовавшаяся на Западе славой перспективной и цивилизованной страны, оказалась в этом «постыдном» списке, почему грузины и украинцы смогли, а армяне нет — вопрошает оппозиционер и отвечает: «общество не осознает своей силы, оно связывает все надежды с оппозицией, с неким мифическим героем, который одним ударом меча решит все проблемы». А между тем «бороться должен каждый индивидуально, демократия должна стать общенациональным заказом», — говорит Шаварш Кочарян, который, собственно, и готов этот заказ воплотить в жизнь.

Далее Кочарян, более года бойкотирующий работу парламента, пытается прощупать ответ на весьма модный в Армении вопрос: «А друг ли нам Россия?» Оказывается, вовсе нет. Россия, прокладывая железнодорожные коридоры через Азербайджан в Иран и через Грузию в Турцию, окончательно загоняет своего стратегического партнера (Армению) в тупик, увливающая от голосования по острым вопросам армяно-азербайджанской и армяно-турецкой повестки в международных организациях Россия — не друг. Таков вывод армянского парламентария.

От проспекта Руставели до Майдана Незалежности — от роз к апельсинам

Флаги Грузии с пятью красными крестами на Майдане в Киеве — стал ли оранжевый бунт сторонников **Виктора Ющенко** продолжением розового переворота **Михаила Саакашвили**? Не совсем. Цепную реакцию грузинских событий ощутили сначала в Армении и Азербайджане. И если в Баку митинг оппозиции разогнали без излишних сантиментов, то в Ереване марафон митингов и шествий, довольно массовых на старте и заметно поредевших в середине дистанции, был разогнан в ста метрах от финиша — здания администрации президента **Роберта Кочаряна**. Затем наступил разлад оппозиции — структурный и идейный. То была лишь цепная реакция без сценария и реквизитов, без символа, цвета, лидера и его соратницы.

Другое дело на Украине. Дуэт Виктор Ющенко — **Юлия Тимошенко** (сравните: Михаил Саакашвили — **Нино Бурджанадзе**) случайных действий и заявлений практически не допускает. Он планомерно осуществляет второй этап программы развала каркаса Союза, развала полного, уничтожения уже не идеологической, а географической его сущности, самой логики (стратегического, политического, экономического, культурного и т. д.) союза с Россией. Эта цель могла быть достигнута лишь инспирированием локальных переворотов с антироссийскими лозунгами в каждом из новых субъектов рухнувшего Союза. Полностью несостоятельным оказался и устоявшийся стереотип революции, предполага-

ющий как минимум стрельбу и массовые волнения, а как максимум — расстрелянного диктатора.

«*В моду вошли революции цветные, театрализованные, сродни выборам в США — восторженный электорат, цветные флажки и прочая мишура.*»

Для Запада было важно и нужно, чтобы универсальный сценарий сработал именно в Грузии (южный мост к Армении и Ирану) и на Украине («санитарный кордон», западные ворота, крупный рынок сбыта и важнейший плацдарм в Восточной Европе). США, если не полностью отрезав Грузию и Украину от России, то как минимум утвердив в этих странах режимы, проталкивающие **курс наибольшего препятствования** политике Москвы, решают серьезную задачу — делают крайне проблематичным расползание российского политического влияния далее фактической границы Российской Федерации. В силу целого ряда обстоятельств, о которых будет сказано ниже, те же маневры оказались бы бессмысленны и неэффективны в Армении, а тем более в Азербайджане.

Фактическим катализатором свержения режима **Эдуарда Шеварднадзе** стали парламентские выборы в Грузии в ноябре 2003 года. Как известно, к занявшему впоследствии пост президента Грузии Михаилу Саакашвили в те дни примкнули спикер парламента Нино Бурджанадзе и экс-премьер **Зураб Жвания**. Тезисы грузинских оппозиционеров были логичны — наказание фальсификаторов выборов, установление законности в стране, возвращение под юрисдикцию Тбилиси Абхазии и Южной Осетии. О том, в какой мере удалось команде Саакашвили осуществить свои обещания, распространяться бессмысленно.

«*Зато основную свою миссию молодой грузинский лидер исправно выполнил. Отношения с Россией натянуты как никогда, с целью интернационализации искусственно обострен конфликт в Южной Осетии, острые заявления по Абхазии практически не ведут к возобновлению переговоров.*»

Грузинские деятели высказывают необходимость выхода из Содружества Независимых Государств, при этом бес-

поворотом очертив атлантический вектор во внешней политике. Между тем дальнейшее ухудшение отношений с Россией грозит и вовсе исключить перспективы решения конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. Признавая весомость российского фактора, президент Грузии тем не менее называет Россию «воплощением зла» (благо, что сразу не причисляет к очерченной Вашингтоном «оси зла»). Стоит ли после этого говорить о возможности диалога между Москвой и Тбилиси вокруг абхазского и южноосетинского конфликтов? С трудом. А ведь без такого диалога (сложность которого была когда-то predetermined именно грузинской стороной) эти две проблемы не разрешимы. Таким образом, придя к власти, Саакашвили повел Грузию не путем прагматичного диалога с Россией, а, наоборот, путем силового давления на Сухуми и Цхинвали с параллельным дипломатическим натиском на Москву, подкрепленным политической и финансовой поддержкой Запада. Конек Саакашвили был плавно трансформирован от призывов восстановить территориальную целостность до необходимости защиты от «агрессивного соседа» посредством вступления в НАТО.

Сегодня, когда методы и тактика команды Виктора Ющенко буквально скалькированы с грузинского аналога, сомнений в том, что Киев поведет политику отдаления от Москвы, практически не остается. Только если в первом случае Грузия может потерять последнюю возможность вернуть Абхазию и Южную Осетию с предоставлением им широчайшей автономии, то Украина и вовсе рискует быть втянутой в гражданскую войну и, как следствие, — оказаться разорванной на две части. Отдавал ли себе в этом отчет Ющенко, когда давал присягу в Верховной раде вопреки тому, что формула о фальсификации выборов еще не была принята Верховным судом? Вероятно, отдавал, ровно настолько, насколько и Саакашвили, называя Россию «воплощением зла». Значится ли в перечне задач Ющенко такой пункт как недопущение развала страны, — покажет время. Одно можно сказать с уверенностью: и Ющенко, и западные сценаристы оранжевого восстания прекрасно понимали всю опасность затеи, четко представляли, какие

идеи грянут в восточной части страны. Более того, иного развития событий и быть не могло — по существу наличие или отсутствие фактов фальсификации имели второстепенное значение: Львов восстал бы при любом невыгодном для Ющенко раскладе, что и произошло. Последний лишь поддержал этот порыв, прямо противопоставив позицию и устремления западной части населения своей страны амбициям восточной. По сути желание рядового жителя города Черновцы иметь беспрепятственный въезд в Польшу был противопоставлен стремлению харьковчанина избавиться от формальностей при въезде в Россию. В этом противопоставлении и заключался конек украинской оппозиции — опасный, действенный, готовый к трансформации. Здесь не все еще решено, многое предстоит — кризис грозит затянуться.

Армения в поисках правды: «А друг ли нам Россия?»

Тем временем от киевского Майдана устремилась вторая цепная реакция (первая, как уже отмечалось, пошла от тбилисского проспекта Руставели). Судя по всему, в эпицентре вновь окажется «незадачливая в своих революционных порывах» Армения, а может, даже и еще более «тугой» Азербайджан. При этом если в Баку позывы носят довольно поверхностный характер — главный азербайджанский оппозиционер, председатель партии «Мусават» **Иса Гамбар** лично отправляется в Киев, а ознакомившись с ситуацией, делится своими умозаключениями (без всяких параллелей с азербайджанскими реалиями) с журналистами в Баку, в Милли меджлисе звучит фраза «украинский сценарий в Азербайджане не пройдет» — в Ереване происходит глубинный пересмотр оппозиционной тактики. Действительно ли армянское общество уступает своим грузинским и украинским собратьям в стремлении к демократии, отчего так сокрушается оппозиционер **Шаварш Кочарян**? И случайно ли лейтмотивом его пресс-конференции становится поиск ответа на вопрос: «Друг ли нам Россия?» Важно отметить, что этот тезис до последних пор начисто отсутствовал в армянской оппозиционной риторике, меж-

ду тем, он превалировал в Грузии и упрямо был внедрен на Украине. Наивно предполагать, что рядовые граждане Армении вдруг, подобно Дон Кихоту, снаряжаются на борьбу за весьма эфемерное понятие — демократию. Бойцы оппозиционного фронта зачастую обходят вниманием тот факт, что демократия в классическом ее толковании является своего рода венцом обеспеченной, стабильной, безопасной, исторически сформировавшейся государственности, а не появляется на следующее утро после революции. Что же касается России...

Как отмечает вице-спикер армянского парламента Ваан Ованнисян, «в нормальных обществах та или иная политическая сила приходит к власти по воле народа». «Я не считаю, что армянский избиратель даст вотум доверия силе с радикально антироссийской идеологией», — продолжает он. Ованнисян считает, что сценарии, сработавшие в Грузии и на Украине, в принципе могут быть применены в любой стране СНГ, и опасность заключается в том, что эти сценарии особого отношения к воле народа не имеют».

«*Нам лишь приходится гадать — что на самом деле опаснее: когда власть формируется под давлением местных олигархов и удостаивается неприятия со стороны народа или же когда она формируется под давлением внешних олигархов и международных фондов и опять-таки отвергается народом. Очевидно, в обоих случаях говорить о пользе не приходится, это тот случай, когда выбираешь меньшее из зол*», — отмечает вице-спикер.

С другой стороны, по словам парламентария, развитие антироссийских настроений в общественных кругах Армении становится фактом, «и это происходит небезосновательно, на то есть глубинные и поверхностные причины».

К поверхностным причинам, по всей видимости, и стоит отнести слова Шаварша Кочаряна, обвиняющего российскую сторону в осуществлении, к слову сказать, весьма выгодных для себя проектов. На самом деле требовать от Москвы проложить через Армению, допустим, нефтепровод, когда нефть по нему переправлять будет

неоткуда, или железную дорогу, которая опять-таки упрется в границу с Азербайджаном или Турцией, — нелепо. Глубинные же причины могут быть выявлены лишь при рассмотрении армяно-российских отношений в геополитическом (с учетом роли США и Европейского союза), национальном (с учетом антикавказских настроений в Москве и на юге России) и региональном (с учетом карабахского и турецкого факторов) преломлениях. Сложность повестки, столкновение интересов новых региональных игроков так или иначе порождают острые вопросы.

На фоне этих размышлений если не знаковым, то во всяком случае не случайным стало появление информации о зарождении нового оппозиционного блока подчеркнуто прозападного толка. В беседе с корреспондентом Информационного агентства REGNUM лидер Либерально-прогрессивной партии Армении, претендующей на членство в блоке, **Ованнес Ованнисян** заявил буквально следующее: «Когда действующие власти ведут политику, в результате которой Армения становится вассалом России, то это отнюдь не значит пророссийская политика. Это политика предательства страны, собственного государства и ее независимости. Прозападная политика значит распространение западных ценностей, установление демократии, защита прав человека, осуществление новых выборов, в результате которых сформируется легитимная власть. Во всяком случае, в России таких ценностей нет». По его словам, переговоры на предмет объединения в новый блок ведутся с лидерами четырех оппозиционных партий, состоящих в блоке «Справедливость», в частности, партией «Республика» (**Арам Саркисян**), Народной партией (**Степан Демирчян**) и еще двумя, назвать которые Ованнисян пока отказался. Возможным участником нового альянса станет и партия «Наследие» во главе с первым министром иностранных дел Армении **Раффи Ованнисяном**. Не исключается также возможность переговоров с экс-правящей партией Армении — Армянским общенациональным движением. Хотя... Слухи о возможном возврате в большую полити-

ку экс-президента Армении **Левона Тер-Петросяна** (одного из идеологов Армянского общенационального движения) так и остаются слухами, несмотря на его внезапную словоохотливость в аэропорту «Звартноц» по возвращении из США. Там он, по версии Армянского общенационального движения, провел краткую беседу с **Джорджем Бушем**, а по версии не этой партии, лишь пожал ему руку. Тем не менее дыма без огня не бывает. А о том, что «дым» есть, свидетельствуют слова министра обороны **Сержа Саркисяна**: «Люди, не принимающие сегодняшнюю власть Армении, мечтают о том, что кто-то извне придет и установит иные порядки, хотя до выборов осталось всего два-три года и для них возможна победа демократическим путем. В этом контексте больно видеть некоторых наших политиков, откровенно предлагающих себя внешним силам».

Как быть с Ираном?

В настоящее время основным гарантом безопасности Армении продолжает оставаться Россия — ее военная база в Гюмри и пограничники Федеральной службы безопасности России на границе с Турцией. Заявление **Ованнеса Ованнисяна** о том, что «российские военные вовсе не обеспечивают безопасность, а являются лишь фиктивным отображением армяно-российского стратегического союза», является как минимум некорректным, покуда свежи в памяти события, последовавшие на турецкой границе сразу после вывода российского контингента с армянской территории в период правления Армянского общенационального движения. Тогда армянскому руководству стоило немалых трудов вернуть все на круги своя...

Оппозиционной силе, задавшей целью пустить Армению по западному вектору, придется учитывать и иранский фактор, на текущий период не менее весомый, чем российский. С осуществлением проекта газопровода Иран — Армения и перспективой прокладки прямого железнодорожного сообщения между Ираном и Арменией интересы стабильного южного соседа для Еревана становятся решающими. Так что любая сила, которая попыта-

ется внести разлом по российскому направлению, неминуемо столкнется с иранским фактором, а в итоге с проблемой безопасности: политической, экономической и энергетической. Осознают это и на Западе, уготовившем Армении роль плавающей территории, которая в конце концов встанет перед фактом (тем более вероятным, чем пассивнее Москва, отгороженная Грузией, и чем сложнее положение Ирана в условиях неослабевающего давления США). Программа по Армении носит долгосрочный характер еще и в силу того, что республика не представляет для Запада такого же значения в геостратегическом плане, как Грузия и Украина. Так что основным общественным заказом в Армении еще долго будет оставаться безопасность. Именно по этой причине антироссийский конек предстает заведомо хилым.

«*Что касается Азербайджана, то оперировать здесь антироссийским козырем и вовсе бесполезно, поскольку Запад получил в этой стране доступ практически ко всему, что можно было.*»

«Непоследовательность» же Баку в отношениях с Москвой все больше связана со стремлением нивелировать результативность армяно-российского диалога, добиться возможного прорыва в вопросе Нагорного Карабаха. Этот факт в Москве тоже, по всей видимости, осознают.

«Черная революция»?

Мучительный поиск символов и идей для оппозиционных сил в Армении и Азербайджане будет продолжаться сколь угодно долго... с одной лишь оговоркой. Значительным, способным смести с кресла любого политика в этих двух странах был и остается карабахский ребус, а точнее, его возможная разгадка — одинаково каверзная как для **Роберта Кочаряна**, так и для **Ильхама Алиева**. Революция с раскруткой карабахского фактора, будь то в Армении или в Азербайджане, заранее видится в черном цвете, а не в оранжевом или, тем более, розовом. Грузино-украинский сценарий для армян и азербайджанцев не является прикладным, поскольку вопрос снижения влияния Москвы в этих странах на данный момент не является актуальным.

ОРАНЖЕВЫЙ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ ПРОТИВ «РУССКОГО МИРА»: ВЗГЛЯД ИЗ ПРИБАЛТИКИ

О причинах и последствиях выборного кризиса на Украине сказано много: проводятся круглые столы, в прессе высказали свое мнение практически все политические эксперты России, внятно сформировать позицию пытаются даже публичные политики. Вызов, который ощутило российское общество, стимулировал мозговую атаку по основным русским вопросам «кто виноват?» и «что делать?». Однако отличительной позитивной особенностью этой дискуссии можно назвать постановку новых вопросов: «что это было?» и «почему?» Практически впервые в истории общественной мысли постсоветской России интеллектуальная и политическая элита, прежде чем приступить к «разбору полетов» по извечным русским темам, ощутила необходимость анализа и осознания концептуальной роли своей страны в мировом сообществе. И впервые пытается сделать это исходя не из уже выстроенных в своем сознании или привнесенных извне политических доктрин, а отталкиваясь от реалий ситуации, какими неприятными они бы ни были. Фактически в ходе этой дискуссии и в степени реакции на выработанные тезисы российской власти решается вопрос: сохранится ли «русский мир» как среда обитания миллионов людей, духовно, этнически и политически связанных с Россией, но проживающих за ее современной территорией?

Естественно, такое определение концепции «русского мира» примитивно, но достаточно для анализа некоторых последствий украинских событий. Сразу оговорюсь, что для меня результат развернувшейся дискуссии важен лично как для обитателя «русского мира». Поэтому возникла необходимость прокомментировать предложенные в этой дискуссии ответы на новые вопросы с точки зрения наблюдателя, находящегося «в тылу врага», и обратить внимание на некоторые аспекты ситуации, может быть, не столь заметные из России.

Что это было?

В качестве основной версии выдвигается атака Запада во главе с США через череду «революций» на российское влияние в постсоветском пространстве и, в конечном счете, на саму Россию. В этом сходится практически вся российская политическая элита, причем большинство указывает на проигрыш России. Отличие только в разной степени трагедизации событий. Умеренно пессимистическая точка зрения состоит в том, что, вступив по поводу событий на Украине в конфликт с Западом, Россия утратила стратегическую перспективу на пути в Европу. Инфернальная степень оценки ситуации выражается в том, что кроме осложнения отношений с Западом Россия потеряла и доверие местных элит на постсоветском пространстве, тем самым потеряв остатки своего влияния. Бросается в глаза, что доводы пораженцев исходят из правил игры, установленных извне, в первом случае — Западом, а во втором — украинской элитой.

◀ *Стоит особо отметить, что влияние России на постсоветском пространстве — миф. Ни в одной из европейских стран Содружества Независимых Государств и Прибалтики Россия никакого влияния не имела с 1991 года. Существовала только капризная, снисходительная лояльность элит бывших республик СССР, которую Россия была вынуждена с огромным уроном для своей экономики сторицей оплачивать энергоносителями.* ▶

Если же посмотреть на эту ситуацию вне установленных правил, мы обнаружим простой факт — впервые со

времен окончания холодной войны Россия на постсоветском пространстве получила политический ресурс, равный половине электората соседней страны. Причем этот ресурс создан не путем покупки элит или международных уступок, а путем прямого волеизъявления народа, посчитавшего предложенную Россией концепцию жизни более привлекательной, чем ющенковскую интеграцию в ЕС. То есть Россия в открытой конкурентной борьбе победила Запад, и теперь, когда Россия, несмотря на все внутренние проблемы, смогла стать привлекательным обществом для отторгнутого **Михаилом Горбачевым** и **Борисом Ельциным** и игнорируемого **Владимиром Путиным** «русского мира», этот естественный и единственный инструмент влияния на исторической территории Российской империи возродился.

«*Примечательно, что рост политического ресурса России признают и сами пораженцы, признавая что автономизация или вхождение востока и юга Украины в состав России смертельны для сохранения влияния Запада на Украине в целом и ослабят дальнейшее продвижение демократизации постсоветского пространства.*»

Таким образом, в России прекрасно осознают реальную суть полученного ресурса влияния на Украине. Причем, поскольку этот ресурс является мировоззренческим, с ним не нужно ни договариваться, ни покупать, он организован, имеет структуры самоуправления и политической организации, постольку с его волей будут вынуждены считаться как местные элиты, так и Запад. Реакция западных государств, которые согласно ультимативным заявлениям руководства ЕС уже рассматривали своей вотчиной всю Восточную Европу, на факт федерализации Украины, то есть идеологического, структурного и легитимного оформления «русского мира» на территории постсоветского пространства, показала, что этому процессу Запад не может противопоставить адекватных мер. Единственное, что смог ЕС противопоставить выбору народа — дипломатический шантаж России и кулуарную торговлю с украинской элитой. Более того, выбор малороссов и новороссов перевел противостояние в этническую и мировоззренческую плос-

кости, что является катастрофой для самой идеи ограничения влияния России путем «перманентной демократизации» и дискредитирует новые «фруктовые» и «цветочные» революции, так как в их основе декларировалось естественное сопротивление населения постсоветским элитам, а не противостояние с Россией. Всплеск русофобии, традиционный в странах, переживших революции, являлся уже последствием политики демократических революционеров после их прихода к власти.

На Западе, к сожалению, в отличие от России, понимают, что основные формы исторического «русского мира» (они будут перечислены ниже) как способа существования русского народа вне метрополии, существовали во всех национальных республиках СССР. Сегодня не только на Украине, но и во всем СНГ и членах ЕС, ранее являвшихся территорией Российской империи, идет восстановление «русского мира» вместо постсоветских диаспор. При неизбежном в условиях единой Европы объединении с первыми потоками русской эмиграции, «русский мир» получит мощный стимул к развитию, идеологическую и политическую легализацию и станет самостоятельным политическим фактором. Подобный процесс уже начался в Эстонии, где покинувшие Россию 300 лет назад старообрядцы начинают заявлять о ведущей роли в жизни русской общины и вытесняют постсоветских русских политиков. Поэтому ЕС уже сейчас готовится к «противостоянию большому русскому водоразделу» — именно такую роль отводит The Wall Street Journal Эстонии, впрочем, распространяя эту функцию и на Украину. Тревожной тенденцией это издание называет тот факт, что Эстония — «новая страна Европейского союза, которая, как и Украина, разделена между гражданами, ориентированными на Россию, и теми, кто тяготеет к Европе... многие из 400 тыс. этнических русских, почти треть населения, хотят сохранить близкие отношения со страной, которую считают своей родиной». Естественно, что в условиях Украины процесс становления «русского мира» прошел более быстро, чем в националистических режимах стран Прибалтики или в авторитарной Белоруссии, — и у России сформировался первый настоящий

естественный союзник, ставший на пути расширения ЕС и НАТО. В этих условиях говорить о поражении России может только тот, кто либо боится, либо не умеет, либо же просто не хочет использовать политический ресурс «русского мира», либо же умышленно готов отдать влияние на «русский мир» тем, кто готов использовать его как оружие против России.

Почему?

Ответ на вопрос, почему так вышло на Украине, состоит в понимании, против чего выступил «русский мир», что его обеспокоило в европейской экспансии на Украину. Для этого необходимо обозначить ряд его характерных черт. Во-первых, в «русском мире» нет ни украинцев, ни белорусов, ни татар, ни евреев, ни таджиков — все эти национальности в нем отсутствуют: в нем живут только русские, ибо как только человек в большей степени идентифицирует себя по генетическому признаку, он выпадает из «русского мира» и довольно быстро ассимилируется в стране проживания. В связи с этой чертой «русский мир» генерирует мощный интеграционный импульс (в принципе он и возник как форма национальной экспансии еще в эпоху славянской колонизации). Потенциально он является идеальным скрепляющим звеном для всей Восточной Европы.

Вторая особенность «русского мира» — негосударственность. Привыкнув жить в «чужих» странах, зарубежные русские всегда испытывают дистанцированность от государства, считая политической метрополией, но не «своим государством» Россию. Однако на уровне первичной самоорганизации (сейчас это форма местных и региональных самоуправлений) зарубежные русские всегда проявляют высокую гражданскую активность. Так как в России сложилась обратная политическая традиция, синхронное развитие и централизованное управление политических процессов России и «русского мира» невозможно.

В-третьих, разбросанный по разным странам, разобщенный по потокам эмиграции «русский мир» более устойчив к внешним влияниям, более инертен, чем россияне, обладает более низкой способностью к структурированию

и воспроизводству элит, хотя более динамичен в изменении политических мировоззрений. Эти различия убедительно показывают, что, являясь единым целым с народом России, «русский мир» не является ее частью, то есть диаспорой в традиционном смысле. Кроме того, в редких случаях «русский мир» может стать враждебен метрополии (польское войско тоже состояло из русского населения Украины и Литвы — Белоруссии). Возможность противоестественного, но допустимого враждебного отношения «русского мира» к России, вкупе с перечисленными выше свойствами, бесценна для тех сил, которые обозначил **Владимир Путин** 4 сентября 2004 года дипломатично-абстрактной формулировкой: «Одни хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие им помогают». Прописанная в сценарии этих сил роль «русского мира» как исполнителя проекта изменения российской государственности и целостности все ярче проступает на фоне произошедших в прошлом году глобальных геополитических событий, изменивших лицо Европейского континента.

«*Вступление в ЕС новых членов не просто расширило Евросоюз, а изменило его суть и дух. Важно отметить, что волна соросовских «революций» в Восточной Европе — только одна сторона этой медали. Кроме подобных радикальных вариантов изменения политической картины Европы в эту же цепь стоит добавить и события в Прибалтике.*»

В Эстонии появилась из ниоткуда и пришла к власти ультраправая Res Publica, в Латвии в результате подобного проекта у власти оказался правый радикал **Репше**, а в Литве был свергнут умеренный президент **Роландас Паксас**, попытка привести к власти правых радикалов происходила и в Румынии. В результате в Евросоюзе удалось крайне усилить влияние проамериканских правых сил, традиционно сгруппированных вокруг Британии и Нидерландов, и фактически устранить от механизмов принятия решений Германию, Францию и Италию. Вместо старой доброй Европы с историческими опытными лидерами Германией и Францией перед Россией появилась коалиция постсовет-

ских стран и европейских карликов. После прошедших весной 2004-го выборов в новый состав Европарламента и утверждения нового состава Еврокомиссии политические структуры ЕС пропитаны духом реваншизма исключенных после Первой мировой войны из исторического процесса стран, и ЕС превращается в постепенно фашизирующееся агрессивное образование. Идеологическая модель европейского «нового порядка» сейчас отрабатывается в традиционной соросовской политической лаборатории — Эстонии, где кроме эффективного применения демократических основ Евросоюза в качестве правовой базы для геноцида инородцев российского происхождения закладываются и идеологические основы европейского светлого завтра — национал-демократии. В пилотном проекте — Эстонской палате сотрудничества национал-демократических сил с правящей либеральной политической партией Res Publica объединились «Союз борцов за свободу Эстонии», включающий в себя бывших членов СС, теократическая Христианская народная партия Эстонии, националистический «Союз Отечества» и ряд других организаций, охватывающих все слои общества. Выдвинутый национал-демократом **Тунне Келамом** проект переоценки истории войны с фашизмом уже получил поддержку 93 депутатов Европарламента. Впрочем, Келам утверждает, что у него просто не было времени для того, чтобы провести разъяснительную работу и получить поддержку большинства народных избранников Европы: очевидно, его утверждение соответствует действительности и переоценка в Европе итогов Второй мировой — вопрос времени.

С учетом этих изменений геополитической карты континента вполне убедительно выглядит и фантастическая концепция о реализации на Украине под прикрытием «оранжевой революции» американско-польского сценария воссоздания Речи Посполитой, но, к сожалению, этот процесс гораздо шире. Стоит обратить внимание на усилия **Михаила Саакашвили** по оживлению задуманного ранее процесса сотрудничества 3 + 3 (Прибалтика + Закавказье). Именно этот геополитический проект очерчивает границы расширения влияния ЕС. С включением в него Украины и

Молдавии и демократизацией Белоруссии эта гигантская еврозона позволит новым хозяевам Европы окончательно снизить в ЕС влияние европейских гигантов и приступить к созданию европейской национал-демократической империи. Для стран СНГ уже разработан колониальный статус «нового соседства», в котором европейские демократические ценности по отработанной в Прибалтике схеме станут базой для геноцида и идеологической основой для агрессии против России. Однако западные аналитики отдают отчет в том, что санитарный кордон вокруг России на сегодня является чисто умозрительным построением, так как нежизнеспособен без «русского фактора».

«*Эстония, Латвия, Литва не являются единым политическим и культурным регионом, между народами этих стран культурные и этнические контакты минимальны, кроме того, имеются глубокие религиозные, культурные и экономические противоречия. Аналогичная ситуация и в Закавказье, связи обоих этих регионов так же минимальны, ну а молдаванам объяснить, почему они должны будут интегрироваться с армянами и эстонцами, будет вообще крайне сложно.*»

Единственные этносы, которые исторически связывают этот регион в целое и способны к интеграции Восточной Европы, — русские, украинцы и отчасти белорусы. Причем западные украинцы, замкнутые в местечковом национализме, не способны выполнять эту роль.

К разочарованию национал-демократов, россияне в последние пять лет проявляют больше воли к восстановлению своей страны в статусе мировой державы, чем приверженности к европейской модели демократии, поэтому новые хозяева Европы могут сделать ставку только на «русский мир». Но так как только имеющие национальные территории народы имеют в Евросоюзе полноту прав, то русским в новой империи изначально отведена обслуживающая роль неоевропейцев. В этом случае «русский мир» вынужденно, но неминуемо, станет тараном национал-демократов против российской государственности. Ради этого проводится школьная реформа в Латвии. В Эстонии в русских школах силами со-

росовских молодежных организаций ведется активная анти-российская пропаганда. На Украине, и в Армении, и в Грузии — везде могут привести множество фактов скоординированной пропаганды среди жителей «русского мира» против России, «страдающей от режима Путина, недемократичной, враждебной Европе, а значит и европейским русским». Первые подобные случаи отмечены даже в Калининграде. И поэтому в событиях на Украине необходимость сохранения «русского мира» под политическим контролем Галиции стала основным объектом дипломатического шантажа Запада.

Напомню еще раз времена Смуты, когда средневековым «политтехнологам» удалось сплотить «русский мир» вокруг проекта «Лжедмитрий» (на именно политтехнологическую суть проекта указывает количество версий «Лжедмитрия») и направить его против России. Стоит признать, что из всех «крестовых походов на Россию» именно этот имел наибольшие шансы на успех. Причем «русский мир» искренне верил, что идет помочь своей метрополии восстановить «праведную» власть, эта искренность убедила россиян и легла в основу успеха проекта. И необходимы были долгие годы Смутного времени, прежде чем россияне и «русский мир» смогли разобраться в истинных целях геополитического проекта Европы и снова объединиться для отпора захватчикам.

Я думаю, эта историческая параллель убедительно показывает, как опасна для России переагитация «русского мира» и почему почти единогласный выбор малороссов и новороссов в пользу России, отказ их от роли антироссийского тарана вызвал истерику западного мира. В значительной части «русского мира» существует понимание отведенной ему в рамках единой Европы роли. Например, публицист **Д. Кленский** из Эстонии, где русская община уже расстается с еврооптимизмом, пишет: «Нам навязывают (или уже навязали?) реформу русского образования — переход на обучение на двух языках. А почему нельзя сохранить обучение на русском языке и параллельно преподавать на высшем уровне эстонский язык? Ответ прост: нам хотят навязать чуждую нам ментальность, лишить нас русскости. Хотя европейские стандарты запрещают принудительную ассимиляцию... антирусская истерия начинается

действовать на нервы, а потому хотелось бы напомнить нашей элите, что всему есть предел, и если она хочет гражданского мира, то ей стоило бы вспомнить об инстинкте самосохранения». Но подобным высказываниям противостоит официальная государственная пропаганда. The Wall Street Journal приводит слова премьер-министра Эстонии **Юхана Партса**: «Если русские хотят здесь остаться, они должны интегрироваться, иначе им придется уехать» — отмечу, что ранее Партс пояснил суть интеграции как отказ от лояльности к России. На прошлой неделе премьер Эстонии прямо поставил цель русскому населению города Нарва: «В Нарве можно сформировать положительный идентитет русского человека, чьей родиной является Эстония». Но, как я уже упоминал,

«*...русский мир» обладает огромной сопротивляемостью внешним влияниям, и поэтому украинские события стали не только первым проявлением воли зарубежных русских, но и уже превратились в символ борьбы «русского мира» за выбор своей судьбы в единстве с Россией.*

«Кто виноват?» и «что делать?»

Следует отметить несколько тенденций внешней политики России, которые способствовали тому, что, несмотря на очевидный прорыв в росте влияния на постсоветском пространстве, Россия не смогла в полной мере реализовать успех.

Первая тенденция заключается в ошибочной оценке перспектив развития ЕС: еще год назад большинство политических экспертов, политиков и, судя по заявлениям Министерства иностранных дел России, официальная дипломатия были убеждены в том, что новые члены Евросоюза будут послушными сателлитами Германии, Франции и Италии, с которыми тогда удалось наладить вполне доверительные отношения. Вся европейская внешнеполитическая доктрина была сосредоточена на решении проблемных вопросов с остальной Европой через ведущую роль в ЕС этих стран. Между тем и из Эстонии, и из Латвии, и из Литвы поступал достаточный объем информации о работе

по созданию нового расклада сил в Евросоюзе. Однако эта информация осталась не востребованной российскими политиками, и миф о дружественных отношениях с ЕС сохранился вплоть до пресс-конференции Путина в Лиссабоне, на которой конфликт интересов России и ЕС обозначился в полной мере. Последовавший саммит ЕС — Россия, на котором фактически было приостановлено развитие отношений, зафиксировал это кардинальное изменение политики ЕС по отношению к России. Кстати, первой жертвой ошибки в оценке перспектив развития отношений с Европой стал именно «русский мир», так как Россия, с одной стороны, использовала его положение в Прибалтике для торга с Евросоюзом, а с другой — практически свернула программы по политическому сотрудничеству с «русским миром» и на данный момент не имеет никакой концепции работы с соотечественниками. Конечно, Россия надеялась победить в торге, добившись расширения прав соотечественников в Прибалтике, и одним махом решить проблемы, но результатом подобной политики стало только усиление ассимиляционного прессинга в Латвии и Эстонии и политическое ослабление русских общин.

Другая тенденция, сократившая возможности России по влиянию на постсоветском пространстве, — садомазохистская преданность российской внешней политики посткоммунистическим режимам и постсоветским элитам, склонным к коррумпированности и тоталитаризму, а про-российскую позицию занимающим только в том случае, если им это выгодно и за хорошие дивиденды. Поддержка **Саддама Хусейна** в Ираке, **Слободана Милошевича** в Сербии, **Эдуарда Шеварднадзе** в Грузии, **Александра Лукашенко** в Белоруссии, **Воронина** в Молдавии, **Сависаара** в Эстонии, **Юрканса** в Латвии, **Леонида Кучмы** и **Виктора Януковича** на Украине, а также среднеазиатских диктаторов нанесла огромный ущерб имиджу России во всем мире. Ориентация на посткоммунистические элиты спровоцировала негативное отношение к России у жителей многих перечисленных стран, в том числе и у представителей «русского мира». Стоит прямо признать, что во многом Россия, ведя политику поддержки недемократических, ан-

тинародных режимов, действительно ответственна перед народами этих стран и фактически толкает их на национал-демократические революции и русофобию.

«*Наверное, пора прислушаться к фразе, оброненной Глебом Павловским: «Если бы Россия перешла в режим экспорта революции, мало бы никому не показалось». Видимо, для России пришло время перехватить инициативу по развитию демократии на постсоветском пространстве.*»

Кстати, в свете данной внешнеполитической тенденции поддержки антинародных и далеко не пророссийских элит, попытки сделать деятельность российских политтехнологов на Украине ответом на вопрос «кто виноват?» выглядят весьма натянутыми. Весь ход кризиса на Украине показывал ничтожество режима Кучмы и его «преемника», и очевидным становится, что российские политтехнологи, вопреки украинской элите, смогли мобилизовать народный ресурс для сохранения российских позиций. Конечно, ошибки, основанные на экспорте российских технологий в кампании Януковича, присутствовали в значительном количестве (например, здоровье кандидата для жителей «русского мира» не имеет такого значения, как для россиян, потому что Ельцин не был их президентом, а брежневско-андроповско-черненко-ское нездоровье уже порядком подзабыто).

По опыту проведения предвыборных кампаний в зарубежье отмечу, что не работает за пределами России и методика делегирования «путинского рейтинга доверия» на «пророссийского кандидата». Но эти ошибки не стали определяющими, ибо при заведомо скомпрометированном кандидате борьба была перенесена на мировоззренческий уровень. В результате Янукович поднялся до уровня Ющенко и стал просто символом «русского мира». По-моему, в этом успехе огромную роль сыграло то, что сам Павловский — одессит, раньше был жителем «русского мира», и поэтому смог предложить избирателю именно то, что ему необходимо от России для сохранения своего жизненного пространства. Не дешевый и ворованный газ и нефть, а гарантии сохранения языка, двойное гражданство, право

чувствовать себя в России человеком, равным с россиянами, и возможность взаимовыгодно трудиться. Фактически из методов политтехнологии был сделан прорыв к оперированию реальными политическими процессами, что и спасло для России «русский мир» на востоке и юге Украины. К сожалению, этой в спешке сформированной концепции взаимодействия России и «русского мира» Украины не хватило, чтобы привлечь центральные области, видимо, уже значительно дерусифицированные режимом Кучмы. Но выбор в пользу России, который сделали Новороссия и Малороссия, и готовность его отстоять потрясли Европу, так как фактически дискредитировали убеждение европейцев в ценностях «оранжевого» национал-демократизма как единственного выбора для населения территорий бывшей Российской империи и отодвинули, будем надеяться, на долгий срок процесс национал-демократизации «русского мира» Украины.

Адекватной реакции на эту новую политическую ситуацию и новой концепции внешней политики от России ждут не только жители Украины, но и весь «русский мир», и сама Россия, потому что «русский мир» — это среда обитания не только отдельных русских, но и России.

ОРАНЖЕВЫЕ ПОЛИТТЕХНОЛОГИИ УКРАИНЫ: УПРАВЛЕНИЕ СВОБОДОЙ

Восторги российской околополитической общественности в связи с событиями на Украине наиболее ярко выразил популярный колумнист **Валерий Панюшкин**. «Я в Киеве, — пишет Панюшкин. — Я видел ликующий город. Я видел площадь, заполненную людьми в оранжевых шарфах и куртках, и людей этих было столько, что мне не хватало взгляда охватить их. Я видел машины, которые едут по городу и сигналият в такт лозунгу «Ющенко! Ющенко!». Не только в центре, но и на любой улице, то есть не для того, чтоб поприветствовать сторонников, а просто для себя от радости. А на крышах машин сидят люди, размахивают флагами и тоже кричат. Я испытывал пополам с восторгом революции жгучую зависть от того, что долго еще не увижу ничего подобного в Москве. И я молился Богу, чтобы он позволил мне прожить ту пару лет, которые нужны, чтобы увидеть в Москве то, что я вижу в Киеве».

В принципе Панюшкину незачем ждать два года. Он может пойти в киноархив, взять там видеоматериалы, например о праздновании двадцатилетия органов НКВД (Москва, 1937), и увидеть там все то же самое: искренне ликующих людей, восторг революции, скандирование — просто для себя от радости — правда, не «Ющенко!», а «Сталин!» и «Ежов!»

В те годы другой пикейный жилет международного значения, **Лион Фейхтвангер**, тоже написал восторженную книгу. Называется «Москва, 1937 год». Там тоже есть о свободном народе, о добром и мудром вожде и о заграничных лжецах, которые просто не в силах, не приехав в радостную Москву и не посмотрев в глаза советским людям, понять, например, искреннего порыва кающихся врагов народа на абсолютно свободном и открытом процессе «правотроцкистского центра».

Что и как захватывать

«*На самом деле на Украине мы столкнулись с феноменом отчасти новым, отчасти извечным. Речь идет о технологиях узурпации, о технологиях захвата власти. Весь вопрос в том, что подвергается узурпации, в том, какими способами достигается захват власти.*»

Это тесно связано с характером легитимности власти, с тем, на чем основан общепризнанный принцип суверенитета. В монархическую эпоху, когда власть была атрибутом божественным, перевороты сводились к захвату трона — и важно было какое-то символическое оправдание факта захвата (кровное родство с более законным монархом, коронация в Реймском соборе и т. д.). В эпоху Нового времени, как правильно отмечал известный политтехнолог **Владимир Ленин**, государство откровенно выступало как аппарат насилия. Поэтому XIX и большая часть XX века стали временем военных хунт, диктаторских режимов, опирающихся на право силы. Соответственно перевороты сводились к захвату контроля над силовыми структурами — боеспособными военно-полицейскими соединениями.

В конце XX века под мощным давлением американско-европейской цивилизации произошло очередное изменение общепризнанного принципа реальной легитимности. Это изменение стало результатом геополитического соревнования. Оказалось, что противостоящие интересам США и Западной Европы авторитарные режимы могут быть эффективно разрушены, а соответствующие территории взяты под внешнее управление после запуска определенных

программ, страхуемых снаружи превосходящей военно-технической мощью и поддерживаемых общественным мнением «цивилизованных стран».

Единственным принципом легитимации власти, в том числе под угрозой прямого применения военной силы со стороны «мирового сообщества», признается сегодня принцип поддержки воли народного большинства, выраженной путем свободного голосования на выборах. Демократические ценности стали единственной валютой, за которую можно купить международное признание легитимности власти того или иного нового режима.

Однако насильственное внедрение западных стандартов в качестве единственного критерия легитимности не исключило из политического обихода ни революций, ни переворотов, ни путчей. Изменилась цель захвата. Единственное, что официально признает Запад, — это общественное мнение, выражаемое через свободные демократические выборы. А значит, необходимо обеспечить захват контроля за общественным мнением.

Узурпацию трона в качестве смысла и цели насильственных революционных переворотов сменила узурпация власти. Узурпацию власти — узурпация свободного выбора. При этом оказывается, что обеспечить узурпацию свободы и последующее управление свободой можно столь же грубыми, насильственными и манипулятивными средствами, что и в случае дворцовых или военных переворотов. Оказывается, что военно-полицейскую диктатуру можно с успехом заменить диктатурой медиакратической.

Оказывается, что манипуляция свободным демократическим выбором народа — это процесс столь же технологичный, как и многие другие менеджерские схемы сегодняшнего дня. Технологии узурпации выбора сводятся к тому, что с помощью ряда приемов воля определенной группы лиц сначала объявляется волей большинства населения, а потом большинство населения отождествляет эту волю со своей. В современной «оранжевой реальности» это в конце концов подтверждается на свободных демократических выборах при участии международных наблюдателей.

« По существу это тоталитарно-сектантские технологии, политический хаббардизм, потому что сводятся они к исключению самой возможности реального выбора, к фальсификации реальности и превращению ее в безальтернативную. »

Они, конечно, многократно жестче и бесчеловечнее, чем самые грубые административно-полицейские технологии — например, фальсификации результатов выборов. Потому что там реальность пытаются насильственно подкорректировать, а чужую волю преодолеть или подавить, а здесь то и другое — отменить, аннулировать.

Схема реализации этих технологий такова. Необходимо два предварительных условия: во-первых, реально существующее общественное недовольство при отсутствии нормальных каналов взаимодействия по линии власть — общество, во-вторых, инфраструктура революции. Уже упомянутый известный политтехнолог Ленин описал эти условия своей известной формулой про революционную ситуацию: негативное самоощущение населения должно быть «усилено сверх обычного», то есть вызывать осознанный социальный дискомфорт; неспособность власти функционировать в прежнем режиме должна стать общепризнанной; наконец, должна существовать первичная организационная группировка, которая будет продюсировать процесс («передовая партия нового типа», например), а также более широкое сообщество, которое можно использовать в качестве «инкубатора революционных настроений» (как правило, «оппозиционная интеллигенция») и постоянно действующие информационно-коммуникационные каналы, по которым эти идеи можно эффективно ретранслировать наружу (кухни, мечети, подпольные листовки, западное радио сквозь глушилки, Интернет).

На Украине в 2004 году, равно и в России в 1917 году, в Иране 1979 года, во Франции 1793-го и т. д. — недовольство, вынужденная публичная пассивность населения, безответственное высокомерие самоуверенной власти и отсутствие возможностей реального контроля за коммуникациями это предварительное условие обеспечили. Далее сле-

дуют четыре технологических этапа (включаются они поочередно, но далее реализуются параллельно).

Первый: провозглашается одномерная, простая формула истины «враги против наших». Патриоты против аристократов (Франция, 1793-й), буржуазия и пролетариат (Россия, 1917-й). И кто не за один класс, тот, значит, за другой. «Правовверные против американских дьяволов» (Иран, 1979-й). «Сегодня в Украине есть только один конфликт: между народом и преступной властью» (**Виктор Ющенко**, из выступления на митинге по случаю выдвижения кандидатуры на президентские выборы, 2004-й).

Второй: выход из диалога через аннулирование врага. Враг объявляется не оппонентом, даже не противником и уж заведомо не конкурирующей частью народа: он объявляется врагом народа, препятствием, подлежащим устранению. Врагов народа следует «смести со своего пути» (**Вышинский**, 1937-й). «Каждый голос за Ющенко — это еще одно «нет» бандитам» (точная цитата: телереклама Ющенко). «Янукович — выбор обманутых рабов» (точная цитата: лозунг на митинге возле украинского посольства в Москве).

Третий: энергичное и агрессивное продвижение бренда «наших». Важную роль играет выявление внешних признаков принадлежности к «нашим», агрессивной бытовой революционной моды (санкюлоты и фригийские колпаки в революционной Франции, исламская одежда в светском до того Иране, розы и флаг с крестами — в Грузии, красное в России 1917-го, оранжевое — на Украине 2004-го). При этом главным рекламным слоганом этой кампании продвижения бренда становится утверждение «Наши — хорошие!» («пролетариат — самый передовой класс», «правовверные будут жить в раю», «мы — щирые, свидомые, умные и добрые, а злочинна влада — це потвора, що ховається в своих воровских малинах»). Общественному мнению, прежде всего на обывательском уровне, навязывается страх оказаться вне модной тусовки (красной, оранжевой и т. д.).

Четвертый: внедряется информационный образ «неминуемой победы». Он может быть мотивирован религиозно (так хочет Аллах) или научно (победа пролетариата — историческая закономерность), а может быть вообще не моти-

виrowан (сайт Ющенко был украшен бегущей строкой: «до победы Ющенко осталось... 40... 30... 5 дней»). Но главное:

«...нагнетается ожидание катарсиса, неминуемого и радостного перерождения всего общества «сразу же после победы». Все это вместе взятое позволяет обеспечить режим управляемого коллективного возбуждения. Естественно, необходимо задать процессу темп и ритм, обеспечить эффектную драматургию. Но в принципе психотехника истеризации масс достаточно проста и результативна.»

Что и как получается

В течение некоторого времени происходит первичный нагрев ситуации. На базовую формулу «наши против врагов» наслаиваются эмоции, примеры, обязательно подбирается доказательная база (жертвы тиранов, которых во взятой Бастилии в день 14 июля 1789 года нашлось шесть человек на всю Францию; расстрелянные в Тимишоаре, из-за них, из-за тысяч трупов, быстро свергли и казнили **Николае Чаушеску**, только вот трупов потом не нашли; замученные варварскими ссылками русские революционеры; зверски изгнанный в Париж аятолла **Хомейни**; убитый лично **Леонидом Кучмою Гонгадзе**). Дальше начинается процесс.

Сначала недовольство и обвинения синхронизируются. Все больше людей вовлекается в одномоментное, солидарное «знание, как надо и не надо». Формула истины «наши — враги» становится постоянно действующим источником интерпретаций, позволяющих превратить любое событие в еще одну иллюстрацию единственно верного учения. В обществе быстро устанавливается интерпретационная диктатура, в действие вводится очередной новояз, на котором могут быть сформулированы только те мысли, которые соответствуют «истине». И вот уже белогвардейские идеологи оперируют терминами классовой борьбы, хотя в этих терминах в принципе невозможно формулировать идеологию соборности. И вот уже слова «провластный кандидат Янукович» и «народный кандидат Ющенко», при всей их нелепо-

сти и откровенной тупости бесчисленных повторений, проникают в язык нейтральных комментаторов, да и сторонников «провластного кандидата» просто потому, что в новоязе нет других формулировок. Затем снимаются ограничения в отношении врага. Очень скоро признание его человеком становится невозможным. В случае если враг — это действующая власть, невозможной становится и любая форма самоотождествления с властью — психологическая основа внутренней легитимности любого политического режима. Враг становится объектом биологически чуждого вида — американским дьяволом, аристократом, буржуем, донецким бандитом, — и его можно только «геть!» Тем самым снимаются всякие — и моральные, и инстинктивные — ограничения на методы и масштаб внутривидовой борьбы. В этом плане и утверждение **Йозефа Геббельса** о том, что «евреи внешне ничем не отличаются от людей, но на самом деле они не люди», и смелая идея милой либералки **Елены Трегубовой** о том, что Кремль населяют «мутанты»: «внешне они иногда слегка напоминают людей, но в действительности — совсем не люди, а абсолютно другой, не скрещивающийся с нами биологический вид», — это звенья одной цепи, «мантры», эффективно освобождающие тех или иных «наших» от химеры совести.

«**Важно подчеркнуть, что на этом этапе участие «преступной власти» в разжигании революционного энтузиазма неоценимо: все более непопулярная элита становится все менее адекватной, все более одиозной, на первый план выходят самые малосимпатичные, самые отталкивающие персонажи**»

(на самом деле на этом этапе те представители элиты, которые еще способны к нормальному взаимодействию с народом, к тому, чтобы слушать и слышать людей, попадают под ударное воздействие массовых настроений; на стороне власти остаются только самые одиозные отморожки, что вызывает еще большее раздражение и агрессивность общества).

Зато в геометрической прогрессии нарастает самоотождествление с «нашими». «Нашим» становится быть мод-

но и престижно. Красные гвоздики и оранжевые ленточки вешают на себя бомжи, принцы крови и кондитеры-фабриканты с криминальным душком. Количество «наших» растет как снежный ком. Недавняя маргинальная оппозиционная секта стремительно обрастает массой союзников. Но это еще не большинство. Большинство возникает на следующем этапе.

Заранее провозглашенная победа обязательно наткнется на серьезное препятствие. Это препятствие — пока еще не вовлеченные в революционный процесс обыватели (аполитичные россияне, светские иранцы, русскоязычные украинцы и т. д., в конце концов, рядовые политические оппоненты, которые не объединены чувством воспаленной истерической солидарности). Таких, как правило, остается очень много — в обществе, где правит непопулярное авторитарное правительство, большинство, как правило, пассивно. И в этот момент происходит запланированный взрыв!

Отсрочка заранее провозглашенной победы, чем бы она ни была вызвана (согласительной процедурой, попыткой компромисса со стороны власти, наконец, победой кандидата «партии власти» на выборах — не говоря уже о таком подарке, как сомнительная победа этого кандидата) — объявляется последним чудовищным преступлением врагов народа, кражей этой самой вожаемой победы.

Следует мгновенный и массовый взрыв негодования, перерастающий в массовое же воодушевление, во всеобщую эйфорию людей, которых пока не большинство, но — оказывается — очень много! Колоссальный аффект внезапного массового взаимопознания превращает пока еще меньшинство в победительную, агрессивную и властную толпу.

И вот тут происходит последнее превращение. Обыватели, «виновные» в «краже победы», оказываются вынуждены выбирать — либо они с «нашими», то есть с «народом», либо с «врагами». И вот то самое послушное, пассивное большинство, которое только что кричало «виват!» королю, голосовало за сохранение СССР и партию сторонников **Эдуарда Шеварднадзе**, вдруг распадается на миллио-

ны одиночек, стыдящихся самих себя, чувствующих себя изгоями, ничтожными и слабыми, у которых есть единственный способ спастись от позора и обструкции — примкнуть к «народу». Более того, сделать как-нибудь так, чтобы и все вокруг, и ты сам были уверены, что ты всегда был с ними заодно!

«...В 1978–1979 годы, накануне торжественного возвращения из многолетней парижской эмиграции аятоллы Хомейни, Иран был взволнованным, неблагополучным, но все же вполне светским развивающимся азиатским государством. «Зверства шахской охраны» ни разу не доходили, например, до массового публичного повешения «оппозиционеров» на фонарях.»

Большинство поддерживало светского реформатора **Мехди Базаргана**, назначенного шахом на пост премьер-министра под давлением оппозиции. До фонарей дело дошло очень быстро — начали с сотрудников «шахской охраны». В течение нескольких месяцев прозападное светское королевство превратилось в монолитную фанатичную теократическую республику под тоталитарным контролем шиитских мулл.

Осенью 2003 года на парламентских выборах в Грузии с небольшим перевесом победили пропрезидентские силы. Оппозиционные партии набрали в районе тех же 10–20 % голосов, что и победители. После революции роз, обрушившей на «фальсификаторов» гнев народа (а фальсификации, если они и были — впрочем, никакого судебного процесса по этому поводу так и не состоялось — вряд ли превратили бы 10% в 30, а 20% — в 50%), после отречения Шеварднадзе от власти, после месяца массовой эйфории, на внеочередных президентских выборах демократ **Михаил Саакашвили** («Миша!», «Миша!») получил 96% голосов. После переголосования на парламентских выборах (суд аннулировал результаты выборов по партийным спискам) барьер преодолело только объединение бывших оппозиционеров во главе с Саакашвили, **Зурабом Жванией** и **Нино Бурджанадзе**.

А в сентябре 1991 года агрессивная толпа сторонников так называемого объединенного комитета чеченского на-

рода сначала инициировала добровольную отставку руководства Чечено-Ингушетии во главе с **Доку Завгаевым** (за поддержку ГКЧП), затем — при «арбитражном» участии руководителей «Демократической России» — распустили Верховный Совет республики с передачей полномочий «временному комитету» во главе с народным депутатом СССР **Лечи Магомадовым** (пока еще формально в законном порядке, решением самого распускаемого Верховного Совета). Скоро, вопреки всем договоренностям, прошли «демократические выборы» президента Чеченской Республики, в которых участвовало меньшинство населения чеченских районов пока еще единой Чечено-Ингушетии. Победителем на выборах был объявлен лидер объединенного комитета чеченского народа генерал **Джохар Дудаев**. Потом «победу гордого народа» попытались украсть — Верховный Совет РСФСР, ознакомившись с отчетом о проведении «демократических выборов» и протестами законопослушных чеченцев, попытался поддержать инициативу вице-президента **Александра Руцкого** и восстановить в республике законность. Вскоре выяснилось, что Дудаева в Чечне поддерживают и поддерживали все. И всегда.

Кстати говоря, команда Ющенко совершенно права, требуя немедленного переголосования второго тура. Само по себе решение о переголосовании на фоне оранжевых бесчинств станет зародышем кристаллизации оранжевого большинства — большинства неудержимого, тоталитарного.

Эпидемия свободы: реальность и перспективы

Лавинообразная синхронизация масс — явление грозное, опасное и древнее. Захват власти через узурпацию свободы имеет куда более древнюю историю, чем «демократические ценности» в их политкорректной упаковке рубежа XX–XXI веков. Мощные народные революции — Великая французская, Великая октябрьская, иранская исламская — это предвестники надвигающейся эпохи оранжевого тоталитаризма.

Оранжевые политтехнологии привносят в практику тоталитарных революций одно, но очень существенное нововозрождение.

В принципе, для любого массового движения роль зародыша кристаллизации, первичной инициативной группы очень велика. Эта группа в прежние времена возникала «в толще масс», под воздействием общественных настроений, и побеждала на своего рода предреволюционном тендере. От ее состава и стиля всегда зависело многое. Так, американскую революцию возглавили люди респектабельного типа, которые сразу же поставили барьер на пути революционных бесчинств. Ни «аятолла» **Бенджамин Франклин**, ни «боевик» **Джордж Вашингтон** не использовали энергию волны массового воодушевления колонистов для сноса всех ограничений. Похожая история спасла Россию в 1989–1991 годы — там тоже оказалось «настоящих буйных мало», а захвативший место вождя **Борис Ельцин**, при всей своей авторитарности, оказался стихийным демократом, не способным к длительному нагнетанию массовой истерии. Совсем другими победителями оказались большевики или иранские муллы: использовав деньги германского генштаба, антиамериканскую политическую поддержку руководства СССР и т. д., они добились длительной, мощной и идеально управляемой массовой истерии, установили тоталитарную диктатуру — власть куда более страшную, жестокую и деспотичную, чем любая военно-полицейская диктатура недавнего, а тем более монархическая тирания далекого прошлого.

Оранжевые политтехнологии начинаются тогда, когда хвост, виляющий своей собакой, в свою очередь сжимает чья-то мускулистая рука. В зародыше кристаллизации «оранжевой революции» всегда находится, назовем ее так, оранжевая политтехнологическая группировка, мотивируемая, организуемая и финансируемая из внешнего центра.

В отличие от «партий нового типа» и «исламских революционных советов», оранжевая политтехнологическая группировка не проходит тендера на психотехническую эффективность, где приемщиком выступает собственно

население. Они селективно подбираются теми, кто ставит перед ними задачи.

Ни о какой особой конспирологии речи не идет: «внешние центры», хватаящие за хвост собаку «недемократического государства», чтобы раскрутить ее над головой и шмякнуть «авторитарной властью» об стену, складываются ситуативно и естественным путем. Так, в случае Грузии, Сербии и Украины имеет место сочетание политической воли руководства США и евробюрократии, с одной стороны, и специфических инициатив своеобразных финансово-политических спекулянтов (будь то **Борис Березовский**, **Джордж Сорос** или **Милан Панич**), заинтересованных в свержении власти в той или иной стране по ряду личных причин экономического и психологического характера, с другой.

Своеобразие оранжевых политтехнологий не в том, что в результате их применения на улицы городов выходят возбужденные и воодушевленные толпы, а в причинах возбуждения и воодушевления. Религиозный восторг респектабельного христианина или буддиста похож на религиозный экстаз члена секты «Аум Синрикё» или сайентолога так же, как наркотическая эйфория на радость счастливого человека. Разница в главном: в одном случае речь идет о сильных и естественно возникших эмоциях, в другом — о грязных и преступных манипуляциях, направленных на получение конкретной бизнес-выгоды транснациональной корпорацией хаббардистов или международной наркомафией.

Оранжевые политтехнологии ставят на поток крайне выгодное дело манипулятивного управления свободой. И следует прислушаться к предупреждению **Юлии Тимошенко**: «Оранжевая революция станет эпидемией свободы по всему миру». Станет — эпидемией страшной, остро заразной, глубоко болезнетворной.

Потому что на самом деле эпидемия оранжевой чумы — это ураганное распространение тотальной несвободы, тиражирование духовного рабства, закабаление людей на уровне их личного, бытового сознания. Вместо неэффективных военно-полицейских и административно-бюрократических государств после вспышки очередной «оранже-

вой революции» по лицу земли остаются возбужденные истерические сообщества неадекватных людей, утративших в массовом порядке способности к критическому анализу действительности и управляемых фашистскими режимами, у которых вместо свастики на штандартах написано про «демократию и свободу».

«**Неадекватность и истеричность народов ставит их в прямую наркотическую зависимость от «спонсоров демократического процесса».**»

Утратив способность к альтернативному мышлению, они впадают в историческое детство и уже по своей инициативе превращаются в полуколонии. Тем самым формируется новая мировая колониальная империя, управляемая медиакратическими методами и расширяемая за счет оранжевых революций.

Это — серьезная угроза для мировой стабильности.

Как наркоман, в отличие от просто счастливого человека, очень скоро выпадает из реальности и погибает, так и оранжевый мир обречен на разрушение. Наркотик дискредитирует эмоции, подрывает самую возможность естественных позитивных человеческих чувств. Оранжевые политехнологии дискредитируют демократию, подрывают ее основу — доверие к процедуре, к ритуалу, к свободному политическому соревнованию.

После нескольких насильственных захватов «свободного волеизъявления народов» оспаривание результатов выборов становится общеупотребительной практикой — и вот одновременно с Украиной пересчета голосов требуют в Румынии и Мозамбике. Но самое интересное, что на этих странах, а также на Армении, Казахстане и России «эпидемия свободы» не остановится. Да, пока что «развитые демократии», казалось бы, защищены от оранжевой чумы иммунитетом — отработанной демократической системой, высоким уровнем жизни населения. Но оранжевые политехнологии прежде всего работают на разрушение реальности как таковой, а все иммунитеты Запада лежат именно в сфере реального. Кроме того, медиакратия имеет свою специфику — информационно-коммуникационные кана-

лы всегда работают в обе стороны. И триумфальное шествие фильма «Фаренгейт 911» по предвыборной Америке — это только предвестник возвращения на родину интерпретаций, описывающих «фальсификации на выборах» и «преступную власть».

Вторая наркоопасность, связанная с оранжевой эпидемией, — это неуправляемое нарастание симптомов. Воспаление не может длиться вечно, а если оно длится слишком долго, то превращается в нагноение и распад. Уже сегодня улицы Киева выглядят не так празднично, как неделю назад. Уже сегодня на лицах оранжевых мам, пап и детей все более проступает угрюмое недовольство. Еще более угрюмыми станут эти лица после «победы» — ведь вместо ада не наступит рай, просто к власти придут люди из оранжевой политехнологической группировки. А инерция воодушевления будет требовать выхода, и на смену аннулированным «врагам народа» нужно будет рекрутировать новых. В случае Украины это приведет сначала к политическим расколам, потом — к нарастанию территориальных противоречий во все более мелком масштабе. И вот на смену противостоянию оранжевого центра и запада и бело-голубого юго-востока придет война серо-буро-малиновых всех против всех.

«*Что касается России, то здесь зачатки оранжевой инфраструктуры уже существуют.*»

Во-первых, заблокированы каналы нормального взаимодействия власти и общества. Так называемый контроль за СМИ не решает никаких политических задач вообще — заблокировать Интернет невозможно, а именно там сейчас варится первичный бульон будущей «формулы истины» наших оранжевых. А главное — власть практически отказалась от осмысленных связей с общественностью. Единственным ее представителем, который иногда обращается к народу напрямую и по важным поводам, остался **Владимир Путин**. В остальном оранжевым предоставлена полная свобода в деле сшивания информационного образа власти в виде гомункулса с харизмой **Михаила Фрадкова**, интеллектом **Бориса Грызлова**, демократичностью **Суркова**, красо-

той **Сергея Миронова** и неподкупностью **Устинова** — при том что власть, установив контроль за федеральными телеканалами, расслабилась и утратила способность держать удар в серьезной информационной борьбе.

Во-вторых, есть несколько претендентов на роль оранжевой политехнологической группировки — это и «Комитет-2008», и «Яблоко», и «Открытая Россия» (кстати, оранжевый цвет в качестве брендового разработали года три назад именно дизайнеры «Открытой России»). Есть «первичный бульон» массового недовольства — «демократическая интеллигенция» крупных городов, аудитория радиостанции «Эхо Москвы», которая из месяца в месяц голосует на виртуальных выборах между Владимиром Путиным и **Михаилом Ходорковским** с результатом 80% за Ходорковского. Есть коммуникационные каналы — и только власть не понимает, что на восьмом году активного существования интернет-СМИ превратились из «калибровочных ресурсов» в СМИ первого уровня, формирующих общественное мнение в самых активных кругах. Про внешние источники политической воли и финансирования можно даже не говорить.

«Стендовые испытания» оранжевых технологий уже прошли на выборах петербургского губернатора в 2003 году. Формула истины все более конкретизируется в виде примитивной, но очень последовательной путинофобии. А конкретный повод для старта оранжевой лавины найдется всегда — например, на ближайших парламентских выборах.

Немного успокаивает одно: пока что у России продолжает действовать иммунитет на оранжевую эпидемию. Пройдя через эйфорию демократической революции 1991-го, ожесточение коммунистического путча 1993-го и череду не вызывающих доверия президентских, парламентских и губернаторских выборов, народ России сумел перейти в постдемократическую фазу, исчерпав иллюзии, которые позволяют превращать «демократию и свободу» в фетиш.

Но это не значит, что оранжевая угроза свободе, демократии, правам человека и исторической судьбе России может быть сочтена менее серьезной.

ПРИБАЛТИКА: СТРЕМЛЕНИЕ К РЕВАНШУ?

Новая дипломатия Эстонии: оправдание нацизма

«**Н**ет прощению, нет забвению» — этот лозунг появился на массовых неонацистских выступлениях в Дрездене, произошедших в 60-ю годовщину бомбардировки города авиацией союзников в ходе Второй мировой войны. Напомним, что, по сообщению Reuters, несколько тысяч человек, по данным полиции, не менее 5 тысяч человек, приняли участие в марше немецких неонацистов в воскресенье на улицах Дрездена. Неонацисты размахивали черными флагами, несли транспаранты и воздушные шары с надписями: «Хиросима, Нагасаки, Дрезден, а теперь Багдад» и «Нет прощению, нет забвению». Выражая естественную обеспокоенность проявлением реваншизма неонацистов в Германии, важно отметить тот факт, что открытую поддержку немецкие неонацисты получили из Эстонии, так как в этой стране Евросоюза реваншизм уже является официальной политикой государства, зафиксированной в документах парламента и правительства. В этом случае вполне объяснимо, что

«*...поддержку немецким нацистам в Эстонии оказали хотя и не официально, но на максимально высоком государственном уровне. Крупнейший ежедневный журнал Эстонии Eesti Ekspress опубликовал статью священника Эйнара Лайгна, посвященную годовщине бомбардировки Дрездена, под названием «Холокост Дрездена».*

Она абсолютно созвучна по оценкам давнего события с позицией немецких неонацистов, что видно уже из кощунственного названия. В тот день, когда по Дрездену маршировали неонацисты, в эфире аналитической передачи эстонского радио КуКу представитель участника правящей коалиции Эстонии – Партии реформ, вице-спикер парламента Эстонии **Рейн Ланг** прямо заявил, что поддерживает это «смелое выступление Эйнара Лайгна в Eesti Ekspress». Далее европейский либерал развил реваншистскую пропаганду, рассказав, что Эстония является во Второй мировой войне «потерпевшей стороной» и ее нейтралитет был растоптан одним из союзников антигитлеровской коалиции, поэтому Эстония должна в своей внешней политике открыть «новое политическое измерение». Основные постулаты этого «политического измерения» уже достаточно озвучены в декларации президента Латвии **Вайры Вике-Фрейберги** и направлены на пересмотр итогов Второй мировой войны путем возложения ответственности за ее последствия на современную Россию.

Между тем, как сообщило DW-WORLD, в Германии состоялась и официальная церемония памяти жертв бомбардировки. Мероприятия прошли на дрезденском кладбище Heidefriedhof. В них приняли участие послы Великобритании, США и Франции, премьер-министр Саксонии, представители администрации города и всех фракций саксонского ландтага. Столь представительное участие в этой церемонии стран, воевавших с нацизмом, не случайно, так же как и присутствие канцлера ФРГ **Герхарда Шредера** на годовщине высадки войск союзников в Нормандии и его участие в праздновании Победы над фашизмом в Москве. Общественное значение этих мероприятий отражает желание всех стран и народов, участвовавших в войне, выразить скорбь по невинным жертвам войны. Этой же великой цели – увековечению памяти жертв Второй мировой войны, не разделяя народы на победителей и побежденных, служит и принятая Генеральной ассамблеей ООН инициатива России, Армении и ряда других стран СНГ, согласно которой ООН провозгласила 8 и 9 мая Днями памяти и примирения.

9 мая 2005 года в Москве, так же как и в воскресенье в Дрездене и ранее в Освенциме, мировое сообщество преклонило голову перед невинными жертвами одной из самых кровавых войн. Беспрецедентен тот факт, что юбилей Победы над фашизмом народы стран антигитлеровской коалиции, среди которых народы США, России и бывших республик СССР, Соединенного Королевства и его бывших колоний, отметили в Москве совместно с народами стран, которые были во второй мировой их противниками (Германии, Италии, Испании, Японии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Хорватии и некоторых других). Символично то, что к этому празднованию присоединились и народы стран, ставших жертвами этой войны, — находившиеся под оккупацией Чехия, Польша, Франция, Австрия, Бельгия. Знаменательно, что в праздновании Победы приняли участие страны, сохранявшие нейтралитет, и государства, которые обрели суверенитет и государственность уже после войны, среди которых был и Израиль. Это единство мирового сообщества можно расценивать как декларацию общей ответственности за недопущение новых преступлений нацизма и фашизма и признание трагедии прошлого. Именно совместным празднованием 9 Мая в Москве народы мира приняли общую ответственность за все события 1930–1940-х годов, приведшие к господству нацизма во многих странах Европы. Среди этих трагических событий и постыдный стговор европейских демократий с нацизмом в Мюнхене, и не менее постыдный союз сталинизма с нацизмом, завершенный пактом Молотова — Риббентропа.

Таким образом, исходя из безусловного осуждения нацизма и фашизма, участием в праздновании юбилея Победы мировое сообщество подтверждает уже существующее в рамках резолюций ООН и в законодательных актах стран осуждение всех позорных договоров с нацизмом. Придание такого оттенка празднованию Победы стало возможным после открытия многих ранее скрытых холодной войной исторических фактов. Благодаря открытому осуждению и осуждению Мюнхенского стговора и последовавшего за ним пакта Риббентропа — Молотова стала очевидной преступность политического оправдания коллабора-

ционизма и лояльности к любым проявлениям нацизма. Осуждению подобных явлений, наблюдаемых в настоящее время, посвящено заявление президента России **Владимира Путина**, сделанное в Освенциме: «Нам необходимо ясно и четко заявить: любые попытки переписать историю, свалив в одну кучу жертв и палачей, освободителей и оккупантов, аморальны». Созвучно духу заявления президента России канцлер Германии Герхард Шредер высказался в заявлении, посвященном поминовению жертв дрезденской бомбардировки. Осуждая демонстрации неонацистов, их лозунги и требования, Шредер заявил: «Мы всеми средствами будем противостоять этим попыткам двусмысленного толкования истории. Мы не допустим путаницы между причиной и следствием. Ответственность перед своей историей означает недопустимость рассуждений о компенсации злодеяний страданиями. Это мы несем вину перед всеми жертвами нацистского террора и войны, особенно перед жертвами в Дрездене».

Резким диссонансом заявлениям лидеров Германии и России, как, впрочем, и всему процессу общего примирения, звучит лозунг: «Нет прощению, нет забвению» немецких неонацистов, озвученный на демонстрациях в Дрездене, организованных Национал-демократической партией Германии, и их главный аргумент: «Нас не волнуют другие жертвы войны, мы говорим о немцах», прозвучавший в программе РТР «Вести». И, напротив, — вполне созвучно заявлениям неонацистов «новое измерение» эстонской внешней политики, провозглашенное вице-спикером эстонского парламента Лангом. Возвращаясь к его заявлению, отметим, что, идеологически солидаризовавшись с немецкими неонацистами, один из руководителей эстонского государства фактически провозгласил единство реваншистских сил в Европе. Таким образом, в преддверии шестидесятой годовщины Победы над фашизмом мир столкнулся с союзом неонацизма Германии и прибалтийского националистического реваншизма. Причем только давление мирового сообщества с трудом удерживает прибалтийский реваншизм от окончательного перехода в неонацизм.

Это убедительно показала эстонская «война памятников», возникшая после того как правительство Эстонии под давлением США демонтировало памятник эстонским эсэсовцам в Лихула. В ходе демонтажа произошли неофашистские беспорядки, для пресечения которых пришлось применить перочный газ, а после демонтажа по стране прокатилась волна осквернения памятников павшим на территории Эстонии борцам с фашизмом. В отличие от Германии, в которой сильно антифашистское движение, реваншизм в Эстонии поддерживается значительной частью эстонцев и официально пропагандируется властями на уровне правительственной комиссии, занимающейся сочинением эстонской истории в духе реваншистской переоценки итогов Второй мировой войны, а антифашистское движение Эстонии в официальном заявлении правящей партии названо «подлостью».

«*И если немецкие неофашисты сегодня активизировали действия на западном фронте, и их врагом, судя по лозунгам, пока, будут являться США, Великобритания и правительство ФРГ, то прибалтийские реваншисты, придя к власти в своих странах, уже давно, активно и планомерно ведут атаку на Россию. Поэтому в интервью радио КуКу Рейн Ланг особое место уделил российскому направлению эстонской политики, пояснив, что вопрос об отношении к празднованию 9 Мая в Москве для министерства иностранных дел Эстонии должен являться основным.*»

Здесь стоит отметить, что после отставки министра иностранных дел Эстонии **Кристийны Оюланд** именно Ланга называют наиболее вероятным кандидатом на пост главы эстонского МИДа. А это означает, что эстонский реваншизм сможет активизировать усилия по легитимации нацизма в Европейском союзе и мировом сообществе.

В свете активизации противостояния по оценке истории Второй мировой войны, учитывая, что на приглашение Эстонии на празднование Победы в Москве официальный Таллин не дал согласия, прогнозируемое усиление эстонской пропаганды реваншизма на международном уровне

не, безусловно, станет осложняющим фактором в ходе подписания договора с Эстонией о границе и предложенной Россией к подписанию политической декларации об основах двусторонних взаимоотношений. Таким образом, противодействие эстонскому реваншизму станет прикладной задачей внешней политики России в ближайший период. Не стоит исключать и того, что обострение отношений с Эстонией в свете заявлений о недопустимости реваншизма, сделанных Путиным и Шредером, может вызвать дискуссию России с ЕС о необходимости дать оценку политике Эстонии. В связи с этим стоит посмотреть, какие шаги эстонские реваншисты смогут противопоставить России и какие международные ресурсы смогут привлечь на свою сторону.

Эстония является официальным членом ООН, Совета Европы, НАТО и Евросоюза и активно использует эти структуры для реализации своих интересов. Сможет ли она использовать данные организации для противостояния с Россией в конфликте с эстонским реваншизмом?

Касательно НАТО и ООН можно однозначно ответить, что данные структуры Эстония не сможет использовать как для выдвижения реваншистских претензий к России, так и для оправдания своего реваншизма на международном уровне. Объясняется это ведущей ролью в данных структурах США, которые исходя из концепции однополярного мира не позволят ни одному из членов этих организаций усомниться в правоте ни одной из военных акций США и их союзников, особенно победоносной.

Более сложная ситуация в Совете Европы — в этой организации Эстония играет роль технического модератора соросовского проекта «восточноевропейской империи», которая должна, по идее великого спекулянта, перенять эстафету доминирования в Евразии у Старого Света и России. Соответственно благодаря своей «ключевой» роли Эстония вправе надеяться на поддержку всех участников данного проекта — постсоциалистических стран Восточной Европы даже в том случае, если эстонский реваншизм не будет совпадать с официальной доктриной самих государств. В качестве примера можно привести Украину, ко-

торая вместе с Россией в составе СССР приняла на себя тяжесть борьбы с фашизмом и население которой в большинстве однозначно негативно относится к любым проявлениям реваншизма. Кроме того, для Украины пакт Молотова — Риббентропа (так же как и для Литвы и Белоруссии) стал возможностью восстановить свою историческую территорию. Но можно не сомневаться, что как участница проекта оранжевой Восточной Европы Украина в той или иной форме будет изыскивать возможность для поддержки реваншизма Эстонии. В связи с такими сильными позициями Эстонии в Совете Европы именно ПАСЕ и ОБСЕ могут стать основным полем для реваншизма Эстонии. Однако присутствие в этих структурах России делает ограниченным это поле для маневра Эстонии. При условии профессиональных действий представителей России и готовности их аргументированно пресекать эстонский реваншизм в открытой дискуссии его вполне возможно блокировать.

◀◀ ***Принятые Евросоюзом обязательства по защите интересов Эстонии, а также то, что в ЕС Эстония также играет роль, подобную той, что и в Совете Европы, делают эту организацию наиболее удобным инструментом для защиты эстонского реваншизма, что существенно облегчено всплеском антироссийских настроений в Европе.*** ▶▶

Однако действия Эстонии в ЕС ограничены внутренними ценностными и бюрократическими устоями данной организации. Например, принятие внешнеполитической декларации или обязательного к исполнению решения от лица всего ЕС требует согласия большинства членов Еврокомиссии, что в свете консенсуса мирового сообщества в процессе примирения и празднования Победы над фашизмом в обозримом будущем невозможно. Несколько иная ситуация в Европарламенте, который имеет право принимать хоть и рекомендательные, но политически весомые декларации. Здесь Эстония может рассчитывать не только на представленных там национал-демократов, голоса других правых партий и отдельных русофобов, в достаточной мере представленных от стран Восточной Европы и некото-

рых стран севера Европы, но и на фракционную поддержку европейских партий, в которые входят эстонские реваншистские партии. Но решения, поддерживающие эстонский реваншизм, не смогут быть приняты в прямой форме даже в этом органе.

«*Единственный способ оправдания реваншизма Эстонии, который возможно реализовать в ЕС через Европейский парламент, представляет собой сложную схему признания Европарламентом коммунизма преступной идеологией и дальнейшее доказательство преступлений коммунизма в Европе как преступлений против человечества, то есть проведения так называемого суда над коммунизмом.*»

В дальнейшем, по логике эстонских реваншистов, по аналогии с признанием ответственности Германии за преступления нацизма, возложив ответственность за «оккупацию» Прибалтики и на современную Россию как правопреемницу СССР, возможно будет добиться в Еврокомиссии принятия официальной внешнеполитической доктрины ЕС, направленной на осуждение России и легализацию эстонского реваншизма. Данный механизм Эстонией уже запущен, однако этот путь весьма долговат даже с процессуальной точки зрения. На сегодня выдвинутый эстонским национал-демократом **Тунне Келамом** проект переоценки истории войны с фашизмом получил поддержку только 93 депутатов Европарламента, чего явно недостаточно для реализации начала легализации реваншизма Эстонии. Впрочем, Келам утверждает, что у него просто не было времени для того, чтобы провести разъяснительную работу и получить поддержку большинства народных избранников Европы: очевидно, его утверждение соответствует действительности и переоценка в Европе итогов Второй мировой — вопрос времени. Поэтому современная задача России — принять все меры, чтобы этого времени у Келама не было.

Отдельно стоит заметить, что и сама методика легализации эстонского реваншизма через Европарламент небезупречна. По мнению реваншистов, доказывающих преступность действий СССР во время Второй мировой войны и

ответственность за них современной России, добиться своих целей они могут путем опоры на следующие тезисы.

Действия СССР — участника антигитлеровской коалиции — в 1944 году во время сражений с фашистскими войсками после вступления на территорию Эстонии являются преступными и классифицируются как «повторная оккупация». Поэтому все солдаты антигитлеровской коалиции, воевавшие с фашистами в Эстонии, несмотря на то, что инкорпорация Эстонии в СССР была осуществлена в 1940 году, являются оккупантами. Соответственно репрессированные эстонцы, сотрудничавшие с нацизмом, в том числе и члены СС, являются жертвами оккупации и преступлений против человечности, по аналогии со сталинскими репрессиями, проведенными по классовому признаку в Эстонии в 1940 году.

Поскольку современная Россия не признала своих «преступлений», более того, продолжает «имперскую политику в Чечне», а русские, «имперская нация», извечный агрессор по отношению к Эстонии и Европе и угроза всему человечеству, это оправдывает любые претензии, выдвигаемые к ней.

Так как Россия уже «признана» агрессором, в 1944 году Эстонская дивизия СС совместно с 3-м немецким танковым корпусом, фламандской бригадой SS Langemarck, дивизией Waffen SS Nordland и валлонским добровольческим подразделением армии Третьего рейха воевала против Советской Армии «за свободу Эстонии и всей Европы».

В результате 50-летней «повторной оккупации» Эстония была насильственно включена в состав СССР, где подверглась изменению государственного строя и русификации, проведенной путем привлечения на территорию страны населения из других республик СССР, которое стоит считать оккупационным населением.

Возвращаясь к событиям в Дрездене, хочется сравнить методику оправдания эстонского реваншизма в Европарламенте с идеологическим и историческим обоснованием

неонацизма, выраженном в лозунге Национал-демократической партии Германии: «Хиросима, Нагасаки, Дрезден, а теперь Багдад». «Ценность» данного лозунга для неонацистов в квалификации действий союзников при бомбардировке Дрездена как «преступления против человечности» и возложения ответственности за дрезденскую трагедию на современные правительства и народы США и Великобритании. Данную ответственность нацисты обосновывают, так же как и эстонские реваншисты, на построении псевдологических цепей из фактов, вырванных из исторического контекста: факт бомбардировки Дрездена поставлен ими в один ряд с трагедией Хиросимы и Нагасаки, которые мировое сообщество уже признало преступными, а США покаялось за них перед Японией. Таким образом, вырвав из исторического контекста бомбардировку Дрездена, неонацисты, используя внешние аналогии, «доказали» преступность действий союзников во Второй мировой войне.

В методике эстонских реваншистов используется практикуемый нацистской идеологией принцип «коллективных черт народа», что применительно к Германии позволяет неонацистам заявлять, что «не покаявшиеся» за бомбардировку Дрездена народы Британии и США являются извечными «преступными демократиями», которые сегодня преступно уничтожают арабов, как вчера они преступно уничтожали японцев в Хиросиме и немцев в Дрездене. Соответственно, Британия и США — извечный агрессор по отношению к Германии и угроза всему человечеству, это оправдывает любые претензии, выдвигаемые к ним.

Как видим, и германские неонацисты, и эстонские реваншисты действуют в единой логике, и если допустить подобные построения впредь, мы вскоре сможем услышать вывод о «преступности» всей антигитлеровской коалиции, о том, что союзники, ступив на территорию Германии, совершили преступление против человечности и с этого момента вермахт и СС в союзе с фламандской бригадой SS Langemarck, дивизией Waffen SS Nordland, валлонским добровольческим подразделением и эстонской дивизией СС вели бои за «свободу Германии» против американско-англо-

русских оккупантов. Исходя из логики эстонских реваншистов, неонацисты Германии могут заявить о продолжающейся 60 лет оккупации Германии, насильственной демократизации и инкорпорации ее в ЕС. Неонацисты смогут обвинить ЕС в проведении «деаризации» Германии путем переселения на территорию страны неарийских элементов из других стран ЕС и Турции.

Следуя логике эстонских реваншистов, выраженной в их термине «холокост Дрездена», все эти заявления должны стать следующим шагом немецких неонацистов по «восстановлению исторической справедливости». Можно не сомневаться, что в умах неонацистов они уже сделаны, но пока широко не озвучены.

Как противостоять фронту против России: несколько сюжетов из опыта Прибалтики

Статья «Фронт против России: «санитарный кордон» и «внешнее управление» — материал реалистический, объективно отражающий происходящее и справедливый по сути. Каждое действие должно рождать противодействие. Иначе ломается нормальная структура международных отношений и закладывается порочная логика на будущее.

Я часто задавал себе вопрос: в чем объяснение **такой** ненависти прибалтийских националистов к России и русским, — и понял: это объяснение — в проявленной ими и их предками слабости визави Советского Союза в 1930-х годах. То есть речь идет о порочной попытке преодоления таким образом собственного исторического комплекса слабости. Да, экспансия Советского Союза в Прибалтику в 1920–1940-х годах осуществлялась не всегда легитимными с точки зрения **сегодняшнего** международного права действиями. Но политической и правовой модели Европы **того периода** они соответствовали. И разве то, как после 1917 года, воспользовавшись внутривосточной смутой, бывшие союзники по Антанте и их протеже разодрали на куски западные и южные окраины бывшей Российской империи, было легитимным?

Главное же в том, что в 1940 году, и об этом в последнее время начали писать сами прибалтийские историки, у Латвии, Литвы и Эстонии **была возможность противостоять**

СССР, и они этого **не захотели**. Почему? Да потому, что прибалтийские политические элиты задолго до 1940 года начали курс соглашательства и сотрудничества с режимом СССР. О причинах и конкретных формах этого сотрудничества (при параллельном заигрывании и с гитлеровской Германией, и с Англией, Францией и другими странами) написано немало, и повторяться не стоит.

Так вот,

«*...чтобы нам потом, условно говоря, через 50–60 лет или раньше, не искать виноватых в том, что «Россия была оккупирована», надо серьезно и последовательно противостоять внешней экспансии сегодня.*»

Этим мы не только отстоим политические, экономические, общественные, культурные и другие интересы нашей страны и ее достоинство сегодня, но и спасем души наши и наших потомков от той червоточины, которая побуждает изживать прошлую слабость сегодняшней злобой, несправедливостью и дискриминацией (кстати, впервые этот феномен вымещения злобы в Прибалтике имел место еще в 1941–1944 годах: вспомним преступления прибалтийских эсэсовцев). Так что если прибалты не хотят извлекать уроки из своей собственной истории и вновь с легкостью поддаются внешней экспансии, только на этот раз с Запада, эти уроки надо извлечь нам.

Итак, противодействие внешней экспансии. Оно должно иметь системный характер. Отправная точка в этой системе — личностный уровень. Уместно напомнить, что готовность прибалтийских лидеров согласиться на навязанные Советским Союзом в 1939–1940 годах условия объяснялась в том числе и их собственными долгосрочными завязками на СССР, его внешнюю торговлю и транзитные операции через территории Латвии, Литвы и Эстонии.

Второе: необходимо четкое целеполагание на основе осознания того, что отношения с соседними странами — бывшими республиками СССР — это не только один из аспектов международной политики, но и важнейший вопрос с точки зрения нашей внутренней политики, становления нового российского общества и государства.

И третье: важен предметный анализ и умное использование тех новых уязвимостей, которыми чревато для Запада продвижение на постсоветское пространство. Для придания этому тезису наглядности возьмем несколько примеров с близкой мне прибалтийской сцены. Проблема конъюнктуры транзитных операций. При всей заинтересованности Европейского союза и США в сохранении и наращивании объемов российского транзита через территорию Латвии, Литвы и Эстонии (а как без этого оплачивать бюджетные последствия программ по присоединению к ЕС и НАТО?), в 1999 году возобладали политические соображения, и прибалты в числе первых, еще не будучи формальными членами указанных организаций, присоединились к нефтяному эмбарго Евросоюза в отношении бывшей Югославии. Для российского руководства того периода это, естественно, не могло не стать новым элементом оценки ситуации в пользу ускорения реализации проектов создания собственных портов, в том числе нефтеперевалочных, в Финском заливе. Сегодня ЕС и США были бы весьма заинтересованы в том, чтобы наш нефтетранзит через страны Прибалтики не только сохранялся, но и наращивался. Поэтому расширяющийся Приморск при оставшемся без трубопроводных поставок латвийском Вентспилсе даже в условиях массированной кампании Евросоюза с целью ограничить возможности нашего нефтеэкспорта через Балтийское море — наш большой козырь. Отказываться от него, тем более путем восстановления нефтепроводных поставок в Вентспилс, в качестве политического жеста (за что?) было бы необоснованно. Кроме того, тот, кто намерен убеждать российское государство в выгодности использования вентспилского направления нефтетранзита путем активизации «трубы», должен понимать (и, надеюсь, те, кому следует, ему это объяснят), что на него в этом случае ляжет и стоимость участия в соответствующей реконструкции и расширении нефтепроводной инфраструктуры на российской территории.

Возьмем другой пример, теперь из социально-экономической сферы. Поглощенные Евросоюзом прибалты, осо-

бенно латыши и эстонцы, привнесли по соседству со скандинавскими социально ориентированными экономиками американскую ультралиберальную модель. Негативные последствия этого соседства для старых членов ЕС очевидны, и их уже начинают понимать ответственные политики в северных странах. Не это ли послужило и одним из поводов серьезного анализа, в том числе и того, что несет в себе Евросоюзу в целом и соседним с Латвией и Эстонией странам — членам ЕС созданная в Латвии и Эстонии в начале 1990-х годов проблема массового безгражданства?

Подтягивание к себе новых стран-членов ослабляет и политические позиции Европейского союза в диалоге с Россией, если, конечно, вести этот диалог честно. Не будем брать известную тему прав национальных меньшинств, где у нас есть все возможности продолжать настаивать на отказе Брюсселя от двойных стандартов и реальных шагах по улучшению на этой основе положения наших соотечественников в Латвии и Эстонии. Обратимся к звучащей с Запада критике внутривнутриполитических процессов в нашей стране. Не нравятся выборы глав регионов законодательными собраниями соответствующих субъектов Федерации? Но ведь в Латвии и Эстонии таким образом, голосами нескольких десятков человек, выбирают глав государств! Заявляете, что российские власти должны вести диалог не только с лояльными, но и с «нелояльными» чеченцами? Предложите сначала правящему большинству и президенту Латвии отказаться от тезиса, что «лояльность русских» — неперемное условие и отправная точка диалога властей с ними.

Список таких и подобных уязвимостей Запада на прибалтийском направлении можно было бы продолжить, включая военно-политическую сферу. Уверен, что их немало и в других регионах на пространстве бывшего СССР.

Согласен с автором статьи «Фронт против России», что Запад на уровне большинства из тех, кто сегодня осуществляет практическую политику в отношении России, не готов отказаться от принципа «что позволено Юпитеру, не позволено быку». Но есть более дальновидные государственные деятели, есть общественность, оппозиционные

партии и так далее. С ними надо работать — на двустороннем межгосударственном уровне, по межпартийной линии, через СМИ.

А генеральный тезис этой работы и, главное, нашей собственной позиции, на мой взгляд, должен быть таким: если вы берете на себя смелость осуществлять экспансию в жизненно важных для России регионах без учета ее интересов, без серьезных консультаций и прочных договоренностей с ней, будьте готовы испытать все негативные аспекты такого «расширения» и не рассчитывайте на нашу помощь в их преодолении. Готовьтесь скорее к обратному.

Будет ли Литва воевать с Россией: тенденции и причины противостояния

О том, что российско-литовские отношения деградируют в последние полгода, говорить не приходится. И это очень плохо, это не приносит пользы ни одному народу. На наш взгляд, причиной этому является целый ряд недоразумений и отказ от реальной политики, то есть от учета реалий. В Литве считают, что причиной деградации отношений является усиление авторитаризма, уменьшение демократии в России. Внешнеполитическая линия российского руководства становится, по мнению литовцев, жестче.

Однако с точки зрения России все как раз обстоит наоборот. После вступления стран Прибалтики в ЕС, и особенно в НАТО, поведение их лидеров в отношении России и ее проблем стало менее дружественным, если не сказать хуже. И дело не только в отсутствии доброй воли решать ряд насущных для России проблем. Речь нередко идет о тоне, которым разговаривают с Россией лидеры Прибалтики после того как небо над Литвой, Латвией и Эстонией стало охраняться самолетами НАТО.

Типичный пример — реакция в Литве на отчет Счетной палаты России в отношении предполагаемых материальных счетов с государствами Прибалтики, которую тяжело не назвать истерической. На «претензии» России у выс-

ших руководителей Литвы нашлись столь сильные ответы, как «не надо смешить мир» (президент **Валдас Адамкус**) и это «неслыханная наглость» (глава МИД Литвы **Антанас Валенис**). Уже нет речи о реакции политиков более низкого ранга, таких как парламентарий **Эмануилис Зингерис**, который потребовал, чтобы Россия просила извинения.

Литовская сторона упрекает российскую во взвинчивании тона, нагнетании атмосферы противостояния, жесткости позиции. Но посмотрим на факты. Может быть, Владимир Путин уже обратился с претензиями к президенту Литвы? А может, это сделало правительство России? Может, о претензиях заявил во всеуслышание глава МИДа России? Нет, речь идет лишь о некоем отчете некой палаты, которая что-то там (а именно имущество СССР) посчитала. Посчитав, она всего лишь направила отчет в парламент России (где он может пролежать годы), а в правительство и администрацию президента послала только уведомительное письмо. Не то же ли, и гораздо раньше, сделала соответствующая литовская комиссия, подсчитавшая ущерб от «советской оккупации» (и сумма оказалась в десятки раз большей, чем та, которую насчитала Счетная палата России— 80 млрд. литов, около 30 млрд. долларов)? Более того, Литва не ограничилась подсчитыванием претензий какой-то счетной комиссией, а сразу перешла к делу: издала тут же закон, который обязал правительство требовать денег у России — тут уже видна четкая позиция официальной власти. Может, издан такой закон в России?

«*Чтобы говорить о «претензиях» России к Литве, нужно иметь официальное требование, закон, заявления высокопоставленных государственных чиновников страны. Было это? Ничего этого не было. Тем не менее, и сам президент Литвы, и глава МИДа Литвы позволяют говорить о соседи в тоне «не надо смешить мир», «неслыханная наглость» и тому подобное. Так кто же нагнетает атмосферу? И почему?*»

И на какие ответные «выражения» российских руководителей нарываюются прибалтийские политики, выражаясь

в подобном духе (кстати, как раз российская сторона, можно сказать, на высшем уровне, промолчала).

У обеих сторон есть политики радикального толка типа **Владимира Жириновского**. И этим политикам свойственен определенный язык. Но не они определяют тон государства. Есть уровень президента страны. Есть уровень главы МИДа. Дипломаты же, представляющие государство, не могут себе позволять выражаться о соседе в тоне «не надо смешить мир» и «неслыханная наглость». Если только, конечно, они хотят мира, а не войны. Так чего же в глубине души хотят прибалтийские политики? Что будет, если Владимир Путин и **Сергей Лавров** начнут в подобном тоне говорить о Литве? Чем все это кончится? Не думаем, что войны — пусть даже только идеологической — кто-нибудь на самом деле хочет. Спустя некоторое время тот же глава МИДа Литвы Антанас Валенис, почувствовав, видно, куда идет дело, в интервью газете Lietuvos rytas призвал не взвинчивать тон и реагировать сдержанно на разные провокации. «Думая о последовательной, нормальной, решительной и сдержанной внешней политике, нельзя трахать дверями». Руководитель внешнеполитического ведомства Литвы заявил, что ему «точно не нужно войны с Россией — ни холодной, ни информационной». Умные слова. Так почему намерения расходятся с фактами?

Почему литовские политики говорят таким тоном с Россией: три фактора

Взвинченность тона литовских политиков объясняется, на наш взгляд, по крайней мере тремя факторами. **Во-первых**, психологический. Речь идет, и это нужно признать, об очень большом для части прибалтов вопросе: о совершенно невротическом, на уровне подсознания работающем, чувстве исторической обиды и несправедливости. Во время визита в Вильнюс президента Эстонии **Арнольда Рюйтеля** последний не случайно подчеркнул, что до 1940 года Эстония по экономическому развитию была на уровне Финляндии. Это означает, что сегодня эстонцы жили бы как финны. Если бы СССР не включил Эстонию в свой состав. С другой стороны, старшее поколение хранит память ста-

линских репрессий, массовую депортацию национально сознательных граждан, разрушенные судьбы. Счет к СССР (это отдельный вопрос) воспринимается как счет к России, и от России ожидается только одно: признать свою вину, «уважить страдания», компенсировать материально. В этой ситуации «отсутствия покаяния» (наподобие Германии, подчеркивают все время прибалтийские политики) — какой-то даже намек на претензии «оккупанта к оккупированному» вызывает ту истерическую реакцию, которую мы имеем.

Во-вторых, имеется внутривнутриполитический фактор. Существует внутривнутриполитическая атмосфера, в которой можно и в которой нельзя отдаваться эмоциям в отношении того или иного объекта. Отдаваться эмоциям в отношении России, даже и на самом высоком уровне, сегодня в Прибалтике считается все чаще хорошим тоном. А вот в отношении США, например, отдаваться эмоциям считается дурным тоном, и всеми осуждается. В такой атмосфере легко себя не сдерживать там, где, по правилам дипломатии, надо бы и сдержать. Такое положение связано с разыгрыванием так называемой русской карты каждый раз, когда политику, государственному руководителю нужно заявить, напомнить о себе, выставить в качестве защитника интересов народа.

Особенно российская карта разыгрывалась накануне выборов. Хотя литовская сторона усматривает причины ужесточения тона литовско-российских отношений в убавлении демократии и в установлении автократии в России, российская сторона с таким же правом может связывать ужесточение тона литовских политиков с предвыборными кампаниями.

Например, такой политик, как **Витаутас Ландсбергис**, обращает на себя внимание только радикальными высказываниями в адрес России. Тяжело припомнить, чтобы он говорил о проблемах экономики или о социальных проблемах. Не было бы России — не было бы Витаутаса Ландсбергиса. С этой точки зрения русофобия — жизненное пространство довольно большого количества прибалтийских политиков, и это нужно понять. Без русофобии их полити-

ческие карьеры были бы поставлены под вопрос. Чем жестче становится позиция России, тем больше у этих политиков оснований подняться на волне русофобии до политических олимпов: так что можно сказать, что эти политики кровно и заинтересованы в ухудшении отношений с Россией и делают для этого, нагнетая атмосферу, все возможное.

Сказанное вовсе не означает, что такая огромная и все еще в военном смысле могущественная страна, как Россия, не представляет никакой угрозы для маленьких балтийских стран. Угроза существует уже в силу того, что маленький находится рядом с большим. Исторические страхи, историческая память тоже здесь играют свою роль. «Непредсказуемость» внутривнутриполитической ситуации в России — тоже в счет. Есть, наверно, и работа российской разведки (шпионские скандалы), как есть и работа литовской и натовской разведок (и не надо из этого делать события и идеологическое пугало, разведки всегда были и будут — государства хотят знать, что друг у друга делается). Но одно дело — «теоретическая», «естественная» угроза, другое — раздутая, «предполагаемая», созданная с помощью вызывания страхов у населения. Что мы имеем сегодня: Ландсбергис апеллирует к характерному документу американского происхождения, где рассматриваются возможные варианты войны с Россией, которая предположительно в период до 2012 года возьмется оккупировать Прибалтику. Предлагается разработать тактику войны НАТО с Россией на этот случай. Документ «Обеспечение подходов к стратегически важным регионам» (Assuring Access in key Strategic Regions) подготовлен неким американским «мозговым центром» RAND Corporation. В той части, что касается российско-балтийского сценария войны, повествуется о широкомасштабной практике военной схватки за Прибалтику между Россией и НАТО. Причем, подчеркивая слабость российских Вооруженных сил, рекомендуются как тактика войны, так и конкретные места высадки американского десанта, конкретное количество американских войск, которые нужно бросить для защиты Прибалтики: скажем, две тяжелые

дивизии, воздушно-десантная дивизия, 14 бомбардировщиков дальнего действия и т. д.

Бред? Нет,

«*Ландсбергис говорит об этом фантастическом документе как бы на полном серьезе, все литовские СМИ перепечатывают его слова – литовцы уже представляют новое «нашествие русских». Чем не провокация?*»

Зачем, скажите, внушать литовскому народу мысль о возможной войне с Россией (не идеологической, не информационной, а настоящей)? Зачем удивляться, что согласно последнему опросу большинство литовцев считают политику России по отношению к Литве недружественной (и это несмотря на то, что, согласно другому опросу, литовцы вознесли на пьедестал русского человека как человеческий тип, с которым они хотели бы иметь дело в быту. На вопрос: «Представителей какой национальности вы оцениваете наиболее положительно?» — 44,5% опрошенных ответили, что русских, 14,5% избрали латышей, 5,11% — поляков, 2,7% — эстонцев, 2% — англичан; 1,8% — евреев, 1,3% — немцев). А вот и результат. Сегодня Витаутас Ландсбергис избран литовскими избирателями представлять Литву в Европарламенте.

Наконец, **в-третьих**, еще одним фактором, позволяющим литовским политикам не выбирать слов в отношении России, является, конечно же, внешнеполитический, или стратегический, фактор. Попав под крыло НАТО, прибалтийские политики почувствовали как бы эйфорию и внутреннюю свободу. Зонтик НАТО им вскружил голову, и церемониться с Россией стало как бы и ненужным. По крайней мере, если мы сравним высказывания тех же литовских левых до и после вступления Литвы в НАТО, то мы увидим довольно существенную разницу в тоне. Власть в Литве не поменялась, тот же глава МИД Литвы Антанас Валенис, представитель правящих левых, высказывался в самых дружественных тонах в отношении России, когда речь шла об успешном решении пассажирского калининградского транзита. Было и тогда много оснований для раздражения (скажем, Литве много в чем пришлось отсту-

пить), но общий настрой на сотрудничество и поддержание добрососедских отношений определял тон. Все изменилось после вхождения в ЕС и НАТО.

« *В межгосударственных отношениях большую роль играет умение вслушаться в комплексы партнера и обойти его больные места, не задев их. Литва возмущается нечувствительностью российской стороны к ее больным местам,* »

таким как «оккупация» 1940-х годов и непониманием, что «свободный коридор» через Литву в Калининград нарушает суверенитет государства и превращает его в проходной двор (мол, какое государство согласилось бы, чтобы другое государство, да еще не очень дружественное, бесконтрольно пропускало через него свои человеческие, военные и материальные ресурсы).

Хорошо,

« *...но пытается ли Литва хоть как-то понять больные места России?* »

Ее проблемы? Проблемы ее полунищего рядового гражданина, у которого она хочет в данный момент вот так взять и отнять 30 млрд. долларов «компенсаций за ущерб»? Проблемы калининградца, который не может проехать в другую часть своей страны, чтобы увидеть больную мать, не попросив разрешения у литовского чиновника? Достаточно представить литовца, живущего в Вильнюсе, которому, чтобы увидеть мать в Клайпеде, нужно просить разрешения у России. Понятно, что каждая сторона находится в уникальном положении и поставить себя на место другого чрезвычайно сложно. Но это нужно делать, иначе не будет почвы для компромиссов, а значит, и для нормальных отношений.

Комплексы россиян и историческая правда как она есть

А знают ли в Литве, что у россиян существует свой комплекс в отношении прибалтов? Как ни странно, это комплекс «нижестоящего к вышестоящему». Во времена СССР прибалты имели особый имидж иностранцев с советскими

паспортами. Их акцент (Раймонд Паулс) казался россиянам очаровательным, а их уровень и образ жизни — мечтой. Ездили туда за покупками со всего СССР, а московские интеллектуалы — кофе в Ригу и Вильнюс пить. И теперь средняя зарплата по России не идет ни в какое сравнение со средней зарплатой по Прибалтике, а уровень и условия жизни в любом из городков Литвы с «обихожённостью» жизни в российском захолустье. Прибалты казались простым россиянам более культурными. Но более высокая культура не предполагает высокомерия. Увы, оно было и остается, и пример массам показывает здесь нередко политическая элита.

С этим комплексом россиян должны были бы считаться прибалтийские политики, прежде чем заявлять в безапелляционной форме требования «вернуть ущерб» (не Россия первой начала говорить о возмещении ущерба). В Литве, когда сеймом консерваторов был принят соответствующий закон, политики левого толка сразу же заговорили о нереальности поставленной цели. Не потому что с Россией нельзя говорить об оккупации (признали же ее формально при **Борисе Ельцине**), а потому что с соседями, да еще имеющими свои комплексы, говорить нужно по-человечески, а не языком требований и ультиматумов. Тем более если сосед не равен тебе по размеру и мощи.

Тогда в Литве звучали умные голоса, призывавшие установить сначала добрососедский тон отношений, а тогда осторожно и ставить вопрос, быть может, согласуя его с уступками России в каких-то других сферах (не за счет «национальной безопасности», конечно). И шанс, наверно, был бы. Увы, Литва предпочла стать в обиженную позу и думает решить проблему путем давления «издалека» на Россию в этом вопросе через какие-то международные силы. Это довольно странно, потому что Россия — не та страна, на которую можно легко надавить через международные силы. А также еще и потому, что сама Литва имеет похожие проблемы с евреями, которые всячески давят на нее, требуя бесконечных извинений и компенсаций за участие литовцев в уничтожении евреев во времена Второй мировой войны, в то время как литовцы сами себя считают

пострадавшими и несчастными. Те самые политические правые, которые возмущаются представителями Израиля, считающими, что Литва все еще недостаточно «покаялась», в случае с Россией сами становятся в похожую позу обвинителей, совершенно не понимая психологии рядового русского человека, который во многом считает себя тоже пострадавшим и несчастным, особенно в сравнении с процветающими сегодня новыми членами ЕС и НАТО.

Говорят об аналогии с Германией. Во-первых, ситуации плохо сравнимые: немцы как нация проводили политику геноцида по отношению к другим нациям. Было это в СССР со стороны русских? Весь контекст, все было по-другому.

◀ ***Несмотря на страдания от репрессий тоталитарного режима, которые действительно пришлось испытать литовцам и другим народам (и никто этого не отрицает), все-таки абсолютное большинство населения ГУЛАГа состояло из тех же русских. Ну так и подумайте, какво пострадавшему от той же силы народу выплачивать еще и компенсации другим пострадавшим народам. Ведь это психологически почти невозможно.*** ▶

Только зачем так глубоко, на человеческом уровне, подходить к проблеме, когда можно, не думая, поставить знак равенства между Германией и Россией (забыв, что Россия и СССР во многом вообще разные вещи, достаточно вспомнить, какой национальности человек был диктатором, обильное количество евреев, представителей народов Кавказа в руководстве страной и т. д.). Конечно, остается аргумент, что Россия взяла на себя долги СССР и теперь как бы ответственна за СССР. Но так вот и должно присутствовать в позиции прибалтийских лидеров это понимание «как бы», тогда и Россия, возможно, по-другому на это дело смотрела бы. Ведь сегодня прибалтийские политики не хотят видеть вышеуказанной реальности, а требуют от России ни много ни мало немедленно стать на колени: покаяния и еще раз покаяния: «Покайтесь и отдайте 30 миллиардов». И все. Это несправедливо, и таким образом они делают невозможным со стороны России то понимание

своих страданий, на которое они рассчитывают. Из этого порочного круга должен быть найден выход.

Во-вторых, Германия «нашла в себе силы» осудить нацизм и начать выплачивать компенсации, будучи уже одной из богатейших стран мира. Что касается выплат, то она это не сделала ни спустя десять, ни спустя 20 лет после исчезновения нацистского режима. Надо сначала самому встать на ноги, обрести нормальное (не имеющее ничего общего с уязвленным самолюбием) достоинство, чтобы иметь в себе силу великодушно признавать какую-то за собой вину. Быть может, получай сегодня россияне по несколько тысяч долларов в месяц, и они нашли бы в себе силы великодушно извиняться перед в десятки раз более бедными представителями других государств.

Но (допустим, что Россия готова взять вину за СССР) извиняться за что? Здесь опять же все очень сложно. Да, Литва была независимым государством, но она была не таким государством, каким была Франция или Великобритания. В ней свободой и не пахло, диктатор Сметона совершил переворот, отменил парламент, запретил все партии, политических противников посадил по тюрьмам и правил страной два десятилетия. Конечно, это не повод для ввода чужестранных войск, но все-таки правду надо договаривать до конца. В Литве было много недовольных правлением диктатора, в том числе и те, чьи судьбы (судьбы чьих близких) диктатор сломал, и насколько неискренней со стороны части литовских масс была встреча советских войск в Литве — это нужно бы исследовать с фактами и документальными свидетельствами в руках.

Далее: когда советские войска вошли в Прибалтику, в мире уже бушевал мировой пожар. Да, были советско-германские пакты. Но была и сдача западными демократиями государств Гитлеру, было много чего не очень хорошего. Были хаос, горячность решений, мир стоял у пропасти, и было не до соблюдения территориальной целостности маленьких государств. Это были законы войны, не мира. И Литва должна была быть или под **Иосифом Сталиным**, или под **Адольфом Гитлером**, ее участь была предрешена.

Почему в Литве не рассматривают, какое зло хуже — как бы жила Литва в составе рейха и чем бы это для нее кончилось? И кому сейчас принадлежали бы Вильнюс и Клайпеда? В демократическом государстве должна быть свобода мысли, отделенная от политики. Сомнительно, что Гитлер считал литовцев, латышей и эстонцев арийцами. Как сомнительно, что поляки добровольно передали бы Литве Вильнюс, принадлежавший Польше до Второй мировой войны. Все сложно, и не надо упрощать.

Очевидно, консенсус в этом пункте между Прибалтикой и Россией можно было бы найти не в плане разговоров про оправдание или осуждение такого или иного исторического поворота событий, не в плане акцентирования на терминах «оккупация» или «освобождение» (вспомним, как оценивался ввод советских войск в Прибалтику в советских учебниках), а на пути простого человеческого понимания, того, что называют «добрососедством» (и которое в качестве одной из целей декларируется в основных направлениях внешней политики Литвы).

«*Вы поймите нас, а мы постараемся понять вас. Но для этого нужна добрая воля. Очевидно, в обеих странах есть силы, которые этой доброй воли не имеют, хотят конфронтации и предпочитают работать на уровне идеологических ярлыков.*»

А историческая правда о советском периоде? Если уж говорить правду, то до конца. Кто-то из литовцев был выслан в Сибирь, пострадал, и это правда, но была и другая правда: кто-то жил припеваючи, говоря на своем языке и живя в своем доме. Речь не только о советской номенклатуре, о «коллаборантах». Большинство литовских пенсионеров сегодня с ностальгией вспоминают былые времена и голосуют за левых, которые ближе к тому прошлому. Первый секретарь ЦК Компартии Литвы **Альгирдас Бразаускас** и сегодня остается одним из самых популярных политиков Литвы. Весь народ не мог быть коллаборантом. Сегодня литовцы гордятся такими воистину талантливыми и народными поэтами, как **Юстинас Марцинкявичюс**. Но как жил этот поэт? Может, он бедствовал в подворотне? Может, его книги никто не издавал? Может, он не ценился

высоко в Москве? Не получал престижных (и огромных в денежном измерении) премий? Как жили творцы литовской культуры в советские времена и чем была бы Литва сегодня без них? Кому-то что-то не дали написать, кого-то вызвали в КГБ, кто-то сбежал на Запад. Ну так и надо говорить про все, про всю правду, а не выборочно, что выгодно данному политическому курсу. В истории очень редко бывает только черное или только белое. И про КГБ, и про отсутствие свободы в ее западном понимании, и про присутствие свободы в ее духовном понимании (что опять же во многом было связано с ограничениями на внешнюю свободу со стороны режима). Про все надо говорить.

Проблема современной политики состоит в том, что в ней превалирует не видение реальности, а идеологические штампы. Реальной политики по существу очень мало. Потому что реальная политика предполагает объемное видение, когда прежде чем бросать кому-либо вызов в виде закона с требованием возместить ущерб от «оккупации», думают о том, насколько вообще реальны с экономической и психологической точек зрения такие требования. Насколько готов адресат их воспринять (а все свидетельствовало о том, что не готов). Насколько адресат сам благополучен. Насколько это ухудшит отношения и повредит стране в других аспектах. Чтобы рассчитывать на успех, нужно понимание с другой стороны, а чтобы было понимание, нужно искать его у этой стороны, а не заниматься выбрасыванием с дистанции на политический рынок нереальных законов. Потому что завтра идеологический противник, которого мы же сами и создаем, издаст в ответ свой закон о возмещении ущерба ему. Вы видите так, а мы видим так, и никакие возмущения и апелляции к ООН тут не помогут. Нужно сблизить видение, вооружившись доброй волей, и на этом пути искать возможности успокоить болевые точки.

Что касается литовской политики в отношении России, пока что в ней в последнее время превалирует определенная жесткость, если не сказать провокативность тона и действий. Тактика сразу ставить другую сторону перед фактом и потом уже давить готовым законом хорошо работала во времена «Саудиса» (сначала сейм принял решение о

выходе из СССР, а затем уже центральная власть должна была считаться с фактом). Но теперь другие времена, и можно ли таким путем создавать те добрососедские отношения, которые в качестве приоритетной цели сегодня Литва декларирует? Заметно невооруженным взглядом, что Россия пребывает для литовских стратегов в образе врага, отсюда и тон. Но не сами ли мы создаем врагов своих (Россия ужесточает и свои позиции, так создается inferнальный круг)?

Концепция «абсолютного зла»: разгадка профашистской идеустановки Прибалтики

Как известно, захватившая сегодня в Прибалтике господство точка зрения на историю состоит в том, что советские войска всего лишь «оккупировали» Прибалтику и никакого освобождения ей не принесли. Если мы будем критиковать эту историографию, пользуясь методом «от обратного» (нет, войска, наоборот, освободили Прибалтику и никакой аннексии территории не было), то мы всего лишь будем равными с представителями этой теории в старании дать выгодную интерпретацию истории, но не используем более мощное оружие, имеющееся у России, — правду.

«Идея о том, что Прибалтика делается все более профашистской, кажется самим коренным жителям Прибалтики шизофренической, изобретенной российской «пропагандой». Прибалты, войдя в ЕС, чувствуют себя, наоборот, современными европейцами. При этом они не замечают, в какую сторону уклоняется их обрабатываемый отдельными правыми идеологами менталитет.»

Чтобы понять, что происходит, мы должны затронуть более глубокие пласты проблемы. Если мы сегодня посмотрим на литовские СМИ, то мы не найдем в них практически ничего о зверствах, творимых фашистами. Зато кругом

все говорят о «репрессиях сталинского режима», очевидцы рассказывают о страданиях в ГУЛАГе и в Сибири. Жертвы «сталинских репрессий» сегодня окружены ореолом мученичества и рассматриваются господствующей идеологией как герои, борцы за нацию. Но где же жертвы фашистского режима? Где их свидетельства накануне празднования 60-летия Победы над фашизмом? И почему, собственно, их нет? Ибо ведь если нет жертв, то нет и тех, кто освободил нацию от будущего истребления (а такая перспектива была более чем очевидной)! Есть герои, боровшиеся с советским режимом, но нет фактически героев, боровшихся с режимом нацистским. Более того: борцы с фашистским режимом не только не изображаются героями — на них вешается ярлык «оккупантов»!

Итак, каждый раз, когда в Прибалтике поднимается тот или иной вопрос, мы должны постараться признать рациональное зерно, но тут же идти дальше, до конца, тем самым выбивая оружие из рук не желающих считаться с историческими фактами политологов и служащих определенной идеологии (а не фактам) историков. Россия должна чаще повторять то, что так мило прибалтийскому уху: да, сталинские репрессии были, от них страдали литовцы, латыши и эстонцы. ГУЛАГ был, через него прошло еще больше людей в самой России, а также на Украине и в других республиках СССР. Ну и что из этого? Что это, собственно, доказывает?

Вы спрашиваете: был ли Сталин и советский режим благом? Не был ли он жестоким, диктаторским? Да, он был злом, он был диктаторским. Как, кстати, диктаторским — глава государства пришел к власти в результате военного переворота, а не выборов! — был и режим в независимой между двумя войнами самой Литве, с запретом всех партий и набитыми политзаключенными тюрьмами. Но давайте представим себе Литву спустя десятилетия под «советским» правлением и под германо-фашистским? Представим себе Литву и мир в 2005 году после 60 лет правления фашистов на территории Литвы и Европы. Почему вы этого не делаете? Или вы думаете, что без советских солдат фашизм не закрепился бы в Литве на долгие

времена? Вот как должна, на наш взгляд, говорить Россия. Каждый раз она должна ставить альтернативу поносимому сейчас всячески СССР — Третий рейх!

У Прибалтики отсутствует понятие «меньшего зла»

Итак,

«...пока мы не введем в обиход — свой и Прибалтики — понятие «меньшего зла», пока будем оперировать категориями добра и зла, до тех пор мы не выпутаемся из клубка противоречий и непонимания. Надо понять, что эти категории нам навязаны — навязаны, чтобы скрыть историческую правду.»

Ведь в чем проблема сегодняшней Прибалтики по отношению к прошлому, почему она все больше скатывается к мыслям, вольно или невольно оправдывающим Гитлера и фашизм? Это провоцируется отсутствием у нее концепции «меньшего зла». Коль скоро СССР для захвативших сейчас в Прибалтике власть правых (по крайней мере что касается идеологического пространства) является абсолютным злом, то понятно, что всякое другое зло, будь это даже хоть сам **Адольф Гитлер** с его нацизмом, представляется уже не абсолютным. А это означает, что это в каком-то смысле добро: что и так называемое невольное, косвенное оправдание Гитлера (но со стороны очевидное) со всей отчетливостью мы и наблюдаем сегодня в Прибалтике.

Но здесь, надо признать, проблема не только одних прибалтов. Это проблема и российского идеологического пространства, в котором до сих пор не определена «степень зла» сталинского режима, и эта степень не сравнена со злом режима гитлеровского (а в более широком контексте — и злом других режимов и систем, включая современные). Прежде всего мы, в России, должны до конца определиться сами. Не надо бояться говорить о зле того или иного режима, поскольку идеальных режимов не существует вообще. Зло можно найти везде, просто его надо сравнивать. Все-таки, при всем своем авторитаризме, у сталинского режима не было идей физического истребления наций и рас. Об этом

нужно трубить. Да, был ГУЛАГ со своими ужасами, хорошо описанными **Александром Солженицыным** и другими узниками. Но никто, никакие Берии не додумались до планомерного массового строительства газовых камер, крематориев, фабрик по физическому уничтожению (ссылки — это не Освенцим) целых наций, и нигде, ни в одном застенке ГУЛАГа, насколько известно, не было найдено мыла, сваренного из человеческого тела, абажуров, сделанных из человеческих голов.

«*Есть существенная разница между жестокостью человека и зверством животного, между насилием над свободой человека и выходом за пределы человека вообще. Как есть разница между идеологией построения земного рая для всех с равными возможностями и откровенной идеологией истребления рас.*»

Сталинский режим был жестоким, где-то коварным режимом, но при всей своей жестокости он сохранял, по сравнению с правлением фашистов в Германии, во многом человеческий облик. Не благодаря ли гуманистической по своей сущности (сравним с гитлеровской) идеологической надстройке? Или мы будем отрицать влияние надстройки на сущность режима?

Какие-то пределы на пути утраты человеческого были заложены в самой системе, которые не позволили ей опуститься до идей изобретения газовых камер и истребления целых рас, а в будущем, при правлении **Никиты Хрущева** и **Леонида Брежнева**, не говоря уже о **Михаиле Горбачеве**, эти пределы позволили подняться до определенных гуманных критериев в смысле социального обеспечения и относительной внутренней свободы (вспомним хотя бы творческие взлеты лучших представителей культуры того времени, а в плане массового представительства движение песенников-бардов и культ горного туризма). Случайно ли Прибалтика сравнительно легко, с минимумом крови (в причинах пролития которой еще нужно до конца разобраться) была отпущена на свободу — Горбачев приезжал в Литву упрасивать ее не выходить из СССР! Это ли не свидетельство гуманности режима, который сейчас сравнивается с гитлеровским (в пользу

последнего!)? Режиму явно не хватило жестокости (вспомним, приблизительно в то же время, в 1989 году, Тяньаньмэнь): так, может, не хватило, потому что в его природе ее было недостаточно?

Если бы это было не так, если бы какой-то гуманизм не был заложен в той системе, которую сегодня все пытаются смешать с землей, — почему в самой Прибалтике поколение, жившее в СССР, проявляет ностальгию по тем временам? Тоскуют они по правлению Москвы? Нет, абсолютное большинство коренных литовцев, например, поддерживают статус Литвы как независимого государства. Значит, простые люди, жившие в СССР, ощущают ностальгию по каким-то общечеловеческим факторам, которые — да, наряду с отрицательными, и об этом тоже надо говорить, — присутствовали в той жизни и которых, очевидно, они не находят в независимой Литве сегодня. Но лицом к оголтелой пропаганде, преподносящей СССР как абсолютное (а не относительное!) зло, эти люди не знают, что делать со своими чувствами. Они даже и сами повторяют уже то, чем им промыли мозги, но чувства, имеющие прямую связь с истиной, не обманешь.

Значит, мы, может быть, не должны говорить о сталинских временах как о благе — потому что в сталинское время было много зла, и мы не можем идти против правды. Но, говоря о зле сталинского режима, мы должны все же определять, в сравнении со всяким другим злом, уровень этого зла. И видеть не только жестокие годы советского режима, но и его то и дело проступающее сквозь систему человеческое лицо последних 30 лет.

Зло СССР и Третьего рейха

Но вернемся к реалиям истории. Если бы так, пойдя путем честного сравнения, поступали прибалты, то они бы, будучи честными и заботящимися об истине, должны были бы сравнивать 50 лет в СССР с 50 годами в фашистской Германии. На наш взгляд, даже думать о том, какой была бы Литва после 50 лет правления не Сталина-Хрущева-Брежнев-Горбачева, а Гитлера и его последователей-нацистов, страшно. Достаточно почитать, каковы были планы Гитлера в отношении Прибалтики, чтобы на этот счет не возникло сомне-

ний. Большинство литовцев (а не несколько процентов, как приписывается сталинскому режиму) было бы в очень скором времени уничтожено физически, а остальные работали бы в лучшем случае посудомойками и чистильщиками туалетов у арийских господ с голубой кровью. Можем мы представить такие явления, как поэт **Марцинкявичюс**, в фашистской Германии? А может, там расцвели бы **Донатас Банионис** и **Адомайтис**? Гитлер что — допустил бы существование и расцвет литовской культуры?

«*Почитаем бред Гитлера и его идеологов, и мы поймем, что после истребления большинства нечистокровного населения этот маньяк, этот враг культуры, собирался оставить небольшой контингент работающих на арийцев самых настоящих, лишенных культурной ориентации, а значит и личности, полуживотных-рабов, «рабочей силы».*»

Вот какое будущее светило литовской нации. Но те в Литве, кто сегодня спешит назвать погибшего под Вильнюсом в бою с фашистами советского воина «оккупантом», не говорят о таких вещах: так что это как не замалчивание правды в угоду определенной, имеющей очень мало общего с реальностью, концепции?

Теперь, представив 50 лет жизни под Гитлером, — посмотрим на «ужасы» 50-летнего советского правления. Сравнимо это, скажите честно, господу прибалты? Положите руку на сердце! Культура, язык, национальный характер — все сохранено. Уровень жизни и образования прибалтов в СССР был на порядок выше, чем по Союзу, имидж литовца, латыша, эстонца — таким, что все другие смотрели на них снизу вверх. Люди, пусть и в пределах им предложенной идеологии (кстати, не расистской, не ужасной, а гуманистической, с превалирующей и пропагандируемой идеей дружбы народов), жили — и жили, особенно в последние 30 лет существования СССР, вполне нормальной человеческой жизнью: воспитывали детей, ездили по огромному Союзу, пели под гитару песни... Дружили республиками... Творческая интеллигенция духовно и материально процветала (кто хотел — тот камуфлировал то, что

нельзя было писать открыто, эзоповым языком, или писал в стол). А литовские супердороги, сохраненная природа, которая делает сегодня Литву оазисом в ЕС? А все эти Игналинские АЭС, нефтеперерабатывающие гиганты и стратегические аэродромы, доставшиеся в наследство? Да, независимость... Литве не дали стать независимой, как Финляндия... Но, во-первых, Финляндия воевала с СССР за свою независимость много лет, а Литва открыла ворота. А во-вторых, не будем все-таки путать сюжетов. Мы сегодня говорим об альтернативе СССР – Третий рейх, а не о том, как хорошо было бы Литве, если бы она не вошла накануне Второй мировой в СССР. И нужно в разговоре с Литвой (как и с Прибалтикой в целом) просить ее не смешивать эти вопросы.

«*Когда сегодня в Прибалтике пытаются говорить о «нечеловеческом» режиме в СССР и при этом смеют его сравнивать с гитлеровским, то люди просто не имеют совести.*»

Для характеристики 50 лет существования в СССР полностью игнорируют пусть не во всех, но во многих аспектах образцовые последние 30 лет, а вытаскивают на самом деле жестокие факты давней истории, когда были на самом деле небольшие (сравним с гитлеровскими) массовые репрессии, жертвами которых стала небольшая часть населения республики: репрессии, направленные чаще всего против тех, кто не хотел вхождения Литвы в СССР (многие, и это засвидетельствовано документами, желали). Большинство репрессированных, кстати, не в газовых печках сожгли, а просто вывезли для жительства в Сибирь (да, ужасно! — но в сравнении с освенцимами гуманно, «меньшее зло»). Меньшинство, и это тоже правда, было убито, или их арестовали, к ним, вполне вероятно, были применены пытки и т. п. (то есть то, о чем мы читали из книг узников застенков). Так кто же это отрицает? Просто надо говорить обо всей правде, касающейся режима и его истории, о его как минусах, так и плюсах, а не только о самых жестоких его эпизодах. Не надо из истории делать пропаганду определенной идеологии.

А правда истории состоит в том, что убийства и небольшие (не всю же нацию вывезли, как поступили с другими) массовые ссылки были, но были давно, на протяжении всего нескольких лет, с тех пор жестокие черты режима ушли на задний план и начиная с хрущевских времен на первый план выступили человеческие черты. Ведь это тоже правда — но о ней в Прибалтике никто не говорит! Значит, мы должны прямо говорить о лжи, вскрывать эту ложь, призывать и прибалтийских историков к честности, к признанию фактов (раз уж они признают факты жестокости советского режима).

«Если вы хотите правды — так говорите всю правду, а не избирательную, не ту только, которая подтверждает вами созданные теории.»

А возьмем социальный аспект. Все-таки «забота о людях» советского государства была, что бы там ни говорили. И эта забота была несравнимой с той заботой, которую проявляют о людях либеральные режимы современной Прибалтики. Правда, люди платили за эту заботу частью свободы. Признаем и это! Но страдали интеллигенты: много простых людей, когда пришла независимость, даже и не поняли, в чем, кроме того, чтобы осознать себя гражданином независимой Литвы, цена этой свободы. Читать ранее запрещенные книги? Да они вообще не читают. Заниматься бизнесом? Кто-то занялся, а кто-то не способен. Ездить по миру? А на что они поедут сегодня? Да и нет у представителей старшего поколения, выросшего в СССР, такой надобности (за исключением, опять же, разве что небольшого слоя интеллигентов). Здесь, однако, нужно опускаться еще глубже, до Легенды о Великом Инквизиторе Достоевского и разговора о том, всякому ли человеку нужна свобода в ее интеллигентском понимании и не готов ли он ее обменять на опеку о нем, до разговора о материнской роли государства и т. п., что увело бы нас слишком далеко от темы.

Как видим, проблема современной идеологии, пытающейся захватить власть над прибалтийским менталитетом, состоит в ее неспособности признать существование «меньшего зла».

◀ **Вместо того чтобы представлять советский режим как «меньшее зло» по сравнению с гитлеровско-фашистским и соответственно признать заслуги советского солдата-освободителя (при этом — вот еще подтасовка — специально делается вид, что солдат, вошедший в Литву в 1940-м, и солдат, погибший в ней во время изгнания фашистов, — одно и то же, один и тот же человек), прибалты всюду трубят о советском режиме как об абсолютном зле (что просто неправда).** ▶

В этой ситуации Гитлер со своим режимом позиционируется в сторону абсолютного добра. Сказать, что Гитлер являлся абсолютным добром, конечно, никто не говорит, но поскольку два абсолютных зла не бывает, как не бывает, по прибалтийским понятиям, зла «меньшего» и «большого», то о злодеяниях Гитлера и его теории просто в Прибалтике не говорится. Это и является само по себе формой снисходительной установки к нему. Так объясняются проявления «непроизвольного фашизма» в Прибалтике.

С другой стороны, получается, что, разрисовав страдания сосланной в Сибирь литовской семьи и вызвав достаточную дозу ненависти к России (да почему к России, если к СССР!), создают впечатление, что не было в СССР, в последние 30 лет по крайней мере, вполне нормальной и во многих аспектах счастливой человеческой жизни с сохранением национальной культуры, со всеми этими праздниками песни, со свободой передвижения, по крайней мере внутри огромного СССР, с отсутствием массовых (в эти 30 последних лет!) репрессий, со снисходительным отношением даже к нелегальному бизнесу, благодаря которому сегодня в больших литовских городах целые частные кварталы застроены замками постройки советского периода...

Ложь современной идеологической схемы, определяющей умы многих представителей прибалтийской элиты, таким образом, состоит в сознательном замалчивании одних сторон истории и выпячивании других. Эту ложь Россия должна последовательно разоблачать, исходя при этом не из чувства обиды или уязвленности, что никогда не будет аргументом для другой стороны (скорее наоборот —

свидетельством слабости), а из фактов, и взывая признать правду. Этим самым она создаст благородный имидж борца за правду факта и поставит серьезную преграду на пути навязывания ей образа коварного и хитрого врага.

Пропагандистская война Эстонии против России: итоги политического сезона 2003–2004

Прошедшая в Москве встреча руководства России и Европейского союза претендовала на роль итоговой в выстраивании отношений с обновленным ЕС. Решение этой проблемы было одной из главных внешнеполитических интриг сезона и сопровождалось определенным напряжением в отношениях, которое некоторые европейские и российские СМИ охарактеризовали как попытку политической изоляции России в Европе. Кроме экономических проблем, решения которых России, видимо, удалось достичь, причиной напряженности стало противостояние со странами Прибалтики, реализованное в заострении Россией проблемы прав этнических россиян, проживающих в Эстонии и Латвии.

«*Внесенная в соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС фраза о правах национальных меньшинств без привязки данной проблемы к странам Прибалтики дала возможность каждой стороне трактовать этот факт как свой политический успех.*»

Заявления по этой проблеме, сделанные президентом России **Владимиром Путиным** и председателем Еврокомиссии **Романо Проди** по окончании саммита в Москве, доказывают, что успеха в этом вопросе России достичь

удастся не скоро. Подобная же разногласия происходит и на уровне рабочих переговоров. Например, для ЕС базисом являются выработанные странами ЕС «Копенгагенские критерии», а Россия в большей степени основывается на документах ООН и ОБСЕ, принятых с ее участием, но не имеющих статуса закона для стран ЕС и потому заведомо вызывающих скепсис у правительств и парламентов государств Прибалтики.

Россию ставит в заведомо проигрышное положение и тот факт, что сами государства Прибалтики и российская диаспора в них упоминаются в заявлениях России как объект обсуждения, не проявляющий политической воли и участия в этом процессе. Между тем Латвия и Эстония с 1 мая 2004 года являются полноправными членами ЕС, равноправно принимающими участие в формировании его мнения, а фактически ведущими активную политическую деятельность в Европе уже в течение года. Евросоюз в Латвии и Эстонии рассматривается не как более высокая инстанция, а как структура, призванная реализовывать интересы этих государств в экономике и внешней политике. Поэтому для успешной реализации интересов России в отношениях с Европой стоило бы учитывать политические позиции каждого государства Прибалтики как весомых участников процессов, происходящих в этих отношениях.

«*Эстония в отличие от Латвии, проводя более мягкую к «своим русским» политику, смогла избежать явного противостояния национальных общин, более удачно смогла интегрироваться в структуры ЕС и поэтому может позволить себе выступать с более жестких по отношению к России позиций.*»

По мере интегрирования Эстонии в управляющие структуры ЕС становилась все более резкой позиция эстонского премьер-министра **Юхана Партса**. Если в начале переговорного процесса о распространении соглашения Россия — ЕС он призывал не переоценивать риторику российских политиков по поводу проблем национальных меньшинств, то позднее он заявил о необходимости подготовиться к проявлению последствий «пропагандистской атаки на Балтию» и охарактеризовал заявления России в отношении проблемы

неграждан в Эстонии и Латвии как «пропагандистскую войну». Если принять употребляемую Партсом милитаристскую терминологию, то можно утверждать что Евросоюз являлся полем битвы, на котором Эстония успешно реализовала позиционные преимущества.

Важным успехом для европейской политики Эстонии стало утверждение уполномоченным Европейской комиссии **Сийма Калласа**, считающего, что Европейский союз в отношениях с Россией должен придерживаться жесткой линии и не уступать требованиям Москвы. Успешность назначения Калласа обеспечена поддержкой его кандидатуры европейскими либералами за его приверженность правым экономическим взглядам. Его работа в Европейской комиссии по финансам расценивается как значительное достижение всего широкого спектра политических сил Европы. Значительный вес как правый европейский политик приобретает и премьер-министр Юхан Партс. Пропагандируя в ЕС либеральную систему налогообложения, Партс смог приобрести для Эстонии такого весомого союзника, как Великобритания, с премьером которой **Энтони Блэром** Партс опубликовал совместное заявление об экономической политике ЕС. На экономической почве Партс смог обеспечить и положительное отношение к Эстонии традиционно пророссийски настроенной Италии. Вице-премьер **Джанфранко Фини**, совершая прибалтийское турне, хотя и заявил, что Италия, учитывая свои хорошие отношения с Россией, готова взять на себя роль посредника в отношениях между Россией и новыми странами ЕС, подчеркнул, что условие ЕС о присоединении новых членов к договору о партнерстве должно быть выполнено Россией автоматически. Противоречия, возникшие с Германией и Францией по вопросам об участии Эстонии в оккупации Ирака, дотациям новым членам Евросоюза и социально-налоговой системе ЕС, Эстония удачно нивелировала, приняв активное участие в европейском «заговоре карликов», поддержав предложенный председательствующей в ЕС Ирландией, а не Германией и Францией, вариант процедуры принятия решений в Европейском союзе, а по налоговой и социальным проблемам даже перешла в наступление. Еще в статусе кандидата в уполномоченные Европейского союза Сийм

Каллас выступил за соблюдение всеми странами ЕС пакта стабильности и прогресса в Европе и указал, что видит свою будущую задачу в том, чтобы обеспечить соблюдение Маастрихтских договоренностей всеми членами Союза. Каллас подчеркнул, что крупнейшие страны ЕС — Германия и Франция — не соблюли ограничения, указанного в пакте о стабильности бюджетного дефицита, допускающего дефицит в размере 3% от валового внутреннего продукта. В конце прошлого года министры ЕС приняли решение не вводить санкции против этих стран, но Европейская комиссия оспорила это решение в суде.

Осенью 2003 года противоречия Эстонии с северными странами, вызванные планами правящей коалиции Эстонии снизить налоги, казались неразрешимыми. Финляндия и Швеция серьезно опасались оттока капиталов в своеобразный европейский офшор. Но осенний парламентский кризис в Эстонии, в результате которого налоговая реформа провалилась, значительно снизил напряженность. Если в ноябре 2003-го премьер-министр Швеции отрицал возможность причисления Эстонии и Латвии к северным странам, то уже в марте 2004-го министр иностранных дел Швеции **Лайла Фрейвалде**, посетив Прибалтику перед визитом в Москву, заявила о необходимости защиты от России стран Балтии, в выполнении которыми международных правозащитных стандартов она сомнений не испытывает. Фрейвалде призвала ЕС и США выступить единым фронтом против «нарушений Россией прав человека», а также проводимой ею «политики давления» на сопредельные страны.

Сближению позиций Эстонии со Швецией и Финляндией способствовала активная поддержка странами Прибалтики процесса присвоения Балтийскому морю статуса особо чувствительной природной зоны без участия России. Взаимодействие Эстонии со странами, недавно вступившими в ЕС, реализуется в рамках «Вильнюсской десятки». Это структура, находящаяся вне рамок Европейского союза, объединяющая десять государств, претендующих на членство в НАТО. Семь из них — Литва, Латвия, Эстония, Словения, Словакия, Румыния и Болгария — уже стали

членами альянса, а Хорватия, Македония и Албания пока остаются кандидатами в НАТО.

Отдельно необходимо отметить, что эстонские политические партии, еще не имеющие официальных представителей в Европарламенте, фактически уже давно участвуют в его работе в рамках представительства через созданные по мировоззренческим принципам фракции европейских партий, которые считают важным привлечение в свои ряды политиков из новых членов ЕС. Правящая партия Res Publica и оппозиционный «Союз Отечества» — члены Европейской консервативной народной партии, в рядах европейских либералов состоят оппозиционные в Эстонии центристы и входящие в правящую коалицию реформисты. Недавно созданная Социал-демократическая партия Эстонии пользуется значительной поддержкой европейских социал-демократов, стремящихся расширить в Эстонии свою электоральную базу.

«*Являясь членами ведущих европейских партий, эстонские политики при внутреннем согласии могут обеспечить большинство голосов практически любому решению Европарламента, которое необходимо Эстонии.*»

Вершиной укрепления позиций Эстонии в европейских структурах должно стать возможное избрание реформистки **Крийстины Оюланд** на пост генерального секретаря Европейского совета. По оценке некоторых европейских аналитиков, она имеет неплохие шансы сменить на этом посту **Вальтера Швиммера**.

Проведя такую реорганизацию тылов,

«*...правительству Партса удалось достичь паритета в противостоянии с Россией, который и отразился в абсолютно абстрактной формулировке озабоченности ЕС и России правами национальных меньшинств.*»

Этому достижению предшествовали значительные подготовительные шаги эстонской политики в Европе. Как пример можно привести изъятие по предложению представителя Эстонии из проекта одного из рапортов Комиссии

Европейского парламента по иностранным делам положения о равной ответственности России, Эстонии и Латвии в налаживании взаимоотношений.

Уже сегодня из риторики Евросоюза по этой проблематике исключено понятие прав человека и упоминается только «положение национальных меньшинств». В интервью еженедельнику «Итоги» глава представительства Европейской комиссии в Москве **Ричард Райт** прямо указал: «Что касается Латвии и Эстонии, то обе эти страны выполнили соответствующие требования для вступления в ЕС, а также международные стандарты. И с нашей точки зрения, они соответствуют международным европейским стандартам в правозащитной области». В то же время, отметил он, в области интеграции и натурализации «можно предпринять дополнительные усилия для ускорения процесса». Данная цитата показательна тем, что отражает европейский подход к проблеме, исключающий право существующей русской общины быть частью Европы, и в качестве ее решения видит интеграцию русских в мононациональные государства. Стоит особо отметить, что модель интеграции была разработана Латвией и Эстонией самостоятельно, без участия мнения русских общин, и принята Евросоюзом как данность. Основана данная интеграционная схема на утверждении о незаконном прибытии русского населения в Эстонию в период «советской оккупации», и целью программы является достижение смены мироощущения русской общины. По мнению идеологов интеграции, русские жители Эстонии должны превратиться из «российских соотечественников» в эстонцев русского происхождения. Комментируя успехи подобной интеграции,

«*Юхан Партс выразил мнение, что получившие после восстановления независимости Эстонии граждане Эстонской Республики 150 тысяч человек «отреклись от своего государства и их можно назвать патриотами Эстонии, желающими работать на благо Эстонии».*

Здесь особенно стоит отметить, что получившие эстонское гражданство русскоязычные люди были гражданами распавшегося СССР, и «отречение» от него сегодня бес-

смысленно. Однако в контексте политической линии Пар-тса, провозглашающей идейную преемственность современной России от СССР, становится понятно, что основным требованием интеграции по Партсу является требование отречения русских людей, проживающих в Эстонии, от России как национальной и духовной метрополии. При этом действия властей Эстонии по устранению бюрократических проволочек в процессе предоставления гражданства делают позицию Партса приемлемой с точки зрения ЕС.

Возвращаясь к милитаристской фразеологии премьер-министра Эстонии, можно сказать, что он удачно укрепил переднюю линию обороны и отбил «пропагандистскую атаку России». По законам стратегии Партс теперь просто обязан перейти в наступление, чтобы его успех не превратился в эфемерный. И молодой амбициозный политик решительно начал «контратаку» на Россию.

Партс поставил задачу дискредитировать Россию как демократическое государство, имеющее право на голос в европейской политике. Как выразился один из его соратников по Европейской народной партии, снять розовые очки с глаз ЕС, убедить европейцев в том, что Россия еще не стала демократическим правовым государством. На общем негативном фоне, создаваемом европейскими либералами по отношению к «режиму полковника КГБ Путина», средством для достижения этой цели стал тот же тезис о преемственности политической системы России в отношении сталинского режима. Подобное мнение всегда существовало в Эстонии, но именно при республиканском правительстве оно стало практически частью государственной риторики. В одной из своих речей Партс заявил: «Мы жизненно заинтересованы в успехе стремлений России стать демократическим государством, полностью выполняющим международные стандарты и нормы. И поскольку это безусловно является нашим желанием, мы должны были бы рассматривать отношения с Россией через эту призму». Для пояснения своей мысли премьер Эстонии процитировал классика эстонской поэзии **Юхана Лийва**: «Кто живет без прошлого, у того нет и будущего». Именно в прошлом Партс надеется найти свое политическое будущее. Благо-

даря поддержке его правительства в сжатые сроки была закончена работа над так называемой Белой книгой, фиксирующей «преступления против человечности», совершенные СССР в Эстонии, а министру юстиции **Кену-Марти Вахеру** дано поручение по реализации требований компенсаций от Эстонии к России на основании международного права.

«*Важным промежуточным шагом по дискредитации России в глазах мирового сообщества является инициатива осуждения преступлений коммунизма по образу и подобию нацизма, что позволит объявить действия СССР в Прибалтике в 1940–1991 годы преступлениями против человечности.*»

Данная инициатива в современных политических реалиях Европы пришлась ко двору: Народная партия Европы, имеющая самую крупную фракцию в Европарламенте, уже приняла резолюцию, поддержавшую инициативу премьер-министра Эстонии. Кроме традиционно поддерживающих подобные акции либералов, имеющих третью по величине фракцию, к осуждению коммунизма правыми партиями готовы присоединиться и социал-демократы, увидевшие возможность потеснить влияние социалистов и коммунистов. В этом политическом раскладе слова Партса, что Европейский парламент — это тот общественный институт, который сможет осудить тоталитарные режимы, приобретают реальные очертания. В этом случае, даже вне вопроса об «оккупации», претензии Эстонии могут обрести реальную основу.

Вопрос «оккупации» стал другим промежуточным шагом: в общественном мнении Европы произошла незаметная подмена юридически признанной инкорпорации стран Прибалтики в СССР на употребляемое в Эстонии и Латвии понятие «оккупация». Этот факт уже нашел отражение в Европарламенте, в выступлении представителя консервативной Европейской народной партии **Михаэля Галлера**, считающего, что Россия должна признать факт оккупации Советским Союзом Балтийских стран. Мнение Галлера было поддержано рядом депутатов Европарламента,

что говорит о готовности значительных политических сил в Европе к пересмотру итогов Второй мировой войны на эстонский лад, согласно которому бойцы легионов Waffen SS сражались за свободу Европы против советских оккупантов.

Попутно правительство Партса собирается активизировать правозащитную деятельность в России, поднимая тему Чечни и реализуя собственное ноу-хау о «нарушении в России прав финноугорских национальных меньшинств». Реализовав в Европе эти подготовительные действия, через некоторое время Эстония будет иметь юридическую базу и подготовленное общественное мнение для начала главной фазы контратаки на Россию.

Неизбежно будет вынесен на повестку дня ЕС вопрос о невозможности продолжения интеграции Евросоюза с «недемократической» Россией до тех пор, пока она не пройдет процесс «покаяния», «искупления» и, как следствие, изменения внутренней и внешней политики согласно критериям, выработанным для постсоветской Восточной Европы.

Уверенно лавируя в проблемах нового ЕС, играя на противоречиях стран и политических течений Европы, эстонский лидер пока не встретил ни одного серьезного препятствия для начала реализации своей атаки на Россию. Причины пропагандистской агрессии правительства Партса против России трудно найти в сфере реальных государственных интересов Эстонии. Скорее роль играют личные амбиции его молодой партии Res Publica, ищущей основания остаться у власти и прорваться на европейские просторы. Но стоит отметить и определенные иррациональные аспекты этой линии.

◀ ***Очевидно, что если для Партса путь эстонского русского к гражданству Эстонии проходит через отречение от России и своего народа, то путь сближения России с Европой Партс видит в отречении России от суверенитета, собственной истории и национальных интересов.*** ▶

Для россиян, привычно ассоциирующих политику ЕС с Францией, Германией и Италией, такой вариант развития

событий покажется фантастическим. Для русского из Прибалтики, наблюдающего процесс создания нового ЕС изнутри, очевидно, что никакой фантастики в этом нет. В будущем ЕС, учитывая разницу политических и экономических интересов 25 стран, при принятии решений огромную роль будет играть искусство политической интриги. «Карлики» зачастую числом будут перевешивать «гигантов», а многие решения могут быть проведены в жизнь в результате сиюминутной политической выгоды какой-либо из европартий или путем банального торга между группами стран. В таком ЕС нет ничего невозможного. Прибалтийский русский, видевший своими глазами суд над партизаном **Кононовым** в Латвии, следствие в Эстонии над героем **Арнольдом Мери**, вполне допускает, что через несколько лет Эстония или Латвия в каком-нибудь европейском трибунале будет требовать от России выдачи ветеранов Великой Отечественной войны, освобождавших Прибалтику, по обвинению в преступлениях против человечности.

КАВКАЗСКИЙ СИНДРОМ

Экспансия США и «топорная политика» России на Южном Кавказе

На территории Агстафинского района Азербайджана 16 октября 2004 года состоялась церемония стыковки азербайджанского и грузинского участков основного экспортного нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан. Ввод в строй нефтепровода ожидается в первой половине 2005 года, а первый танкер с каспийской нефтью планируется отгрузить из порта Джейхан во второй половине 2005 года. При этом практически не вызывает сомнений, что заполнить трубопровод станет возможным лишь при участии Казахстана или России.

Баку продолжает переговоры с Астаной на предмет возможного подключения казахской стороны к этому проекту. Казахстан склоняется к целесообразности танкерной транспортировки нефти до Баку, будучи уверен, что строить нефтепровод по дну Каспийского моря экономически выгодно лишь в том случае, если объем нефти, следующей по маршруту Актау — Баку — Тбилиси — Джейхан, превысит 20 млн. тонн. Участники проекта крайне заинтересованы в том, чтобы казахская нефть отгружалась в трубопровод не посредством танкеров, а втекала непосредственно — через артерию по дну Каспия. Астана же на данную перспективу взирает без особого энтузиазма, уделяя приоритетное внимание совместным

проектам с Россией и Китаем. Так, к 2008 году пропускная способность нефтепровода Тенгиз — Новороссийск (соединяет месторождения Западного Казахстана с российским побережьем Черного моря) составит около 67 млн. тонн в год. Вдобавок есть реальные виды на сооружение еще нескольких нефтепроводов для экспорта нефтяных ресурсов Казахстана по территории России. На повестке дня Астаны — большая казахско-китайская нефтяная сделка. Пропускная способность нефтепровода Атасу (Казахстан) — Алашаньюкоу (Китай), который планируется сдать в эксплуатацию к 2006 году, составит до 20 млн. тонн в год. В числе перспективных экспортных направлений казахской стороной рассматривается также и иранский маршрут. Все это практически сводит к нулю вероятность участия Казахстана в большой афере под названием «труба по дну Каспия», что надолго закрепит за трубопроводом Баку — Тбилиси — Джейхан ярлык «экономически нецелесообразен».

Проект этого трубопровода изначально представлялся затеей с превалирующим политическим подтекстом. Тем не менее, как бы ни велики были политические амбиции, трудно предположить, что, вкладывая 4 млрд. долларов (именно такая сумма называется в американских кругах), Запад вовсе не рассчитывал на экономическую отдачу. В связи с этим

«...эксплуатацию Баку — Джейхан условно можно разделить на два этапа: первый (без Казахстана) обеспечит США и Великобритании решение целого ряда стратегических задач на Южном Кавказе, второй (с Казахстаном) принесет реальные экономические дивиденды.»

Причем в данном случае одно другому не мешает. Что же касается этого трубопровода как фактора политического, то его влияние и серьезность в Баку и Тбилиси начали в полной мере осознавать лишь с недавних пор. Проект во многом предопределил схему военно-политического передела, а также общую геополитическую ситуацию в Кавказском и Каспийском регионах.

Не секрет, что Баку, участвуя в проекте, преследовал прежде всего политические цели. Тот объем нефти, который Азербайджан способен влить в трубопровод, с большим успехом и меньшими потерями можно было экспортировать по уже функционирующей нефтяной ветке Баку — Супса — Одесса — Броды. Поступившись в данном случае отношениями с Украиной, Баку рассчитывал на более глобальные политические дивиденды. Взамен на полный простор действий в вопросах прокладки газовых и нефтяных труб различной степени целесообразности от Запада ожидалась поддержка прежде всего в решении нагорно-карабахской проблемы. Нервозность азербайджанских политических и общественных кругов по поводу того, что Вашингтон так и не приложил всю мощь своего политического влияния в карабахском вопросе, а труба из Каспия тем временем оказалась проложена, ощущается в последнее время со всей отчетливостью. Параллельно в пору ожидать поступательное развертывание американского военного присутствия.

Ведущий научный сотрудник Вашингтонского института стратегических исследований **Сонер Чагаптай** в интервью одной из азербайджанских газет отметил, что размещение военных баз США в Азербайджане — дело решенное. Как уже не раз отмечалось,

«...мобильные силы НАТО будут-таки введены в Азербайджан в рамках глобального пересмотра стратегии базирования сил НАТО в Европе *EUСOM Transformation*. Необходимость их присутствия в регионе объясняется и конкретной задачей — охраной трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан. Его, можно сказать, для того и строили, чтобы было что охранять силам НАТО.»

Таким образом, заявления азербайджанских политиков о том, что размещение баз НАТО в республике в долгосрочной перспективе не планируется, на деле могут оказаться пустым звуком.

В свою очередь информационное агентство United Press International заходит еще дальше. Согласно источнику, на встрече министра обороны Азербайджана **Сафа-**

ра Абиева с заместителем госсекретаря США по вопросам Евразии **Стивенем Пфайфером** обсуждалась перспектива создания военных баз США на территории Азербайджана, в том числе и в трех граничащих с Ираном районах, «ныне оккупированных армянами»: Джебраильском, Физулинском и Зангиланском. Забегая вперед, отметим, что если информация агентства UPI и имеет под собой реальную основу, то вопрос размещения баз на этих территориях, вне всякого сомнения, должен был быть обсужден и с армянским руководством. Более того, именно слово армянской стороны в этом вопросе может стать решающим.

К вопросу о базах. Грузино-американским блефом попахивают и заявления официального Тбилиси об отсутствии планов принять на своей территории западные военные группировки. В перспективе, более поздней, чем в случае с Азербайджаном, они появятся и в Грузии. Вопрос здесь, однако, гораздо тоньше — Грузия будет твердить о желании быть полностью свободной от присутствия иностранных войск до тех пор, пока здесь остаются российские базы. Между тем аналитики уверены, что рано или поздно Россия таки выведет их с грузинской территории. В этом случае будет поставлена под сомнение целесообразность российского военного присутствия в Армении. 102-я база на севере Армении (город Гюмри) окажется неспособной решать какие-либо тактические задачи по причине коммуникационной оторванности. Но пока Москва не спешит сдавать позиции в Грузии, а военное присутствие США в этой стране осуществляется и нарастает иными методами и приемами. Важно отметить, что если в Азербайджане американцам целесообразно обосновать мобильные группировки в их классическом виде, то в Грузии США постараются закрепиться, что называется, монолитно — создать своеобразный буфер на подступах России с юга — именно в этом случае целесообразность российского присутствия в Армении будет приравнена к нулю.

Итак,

«...начало эксплуатации трубопровода Баку — Джейхан совпадает с новой точкой отсчета американского присутствия на Кавказе, а формально — началом выполнения решений Стамбульского саммита НАТО о новой активной политике на Южном Кавказе и в Средней Азии.»

Как следствие, американская сторона вплотную подойдет к необходимости скорейшего решения конфликта в Нагорном Карабахе. С недавних пор с редкой настойчивостью именно о «скорейшем урегулировании» заговорил американский сопредседатель МГ ОБСЕ **Стивен Манн** — «пришло время решать проблему, для этого сейчас самый удобный момент». Интересно, чем же он был неудобен, допустим, года три назад? А тем, что проект трубопровода тогда был в стадии реализации, карабахская же карта служила колоссальным рычагом воздействия на Азербайджан. Спроста ли, по мере готовности трубопровода функции посредника в карабахском конфликте и спецпредставителя по Каспию оказались сосредоточены в руках одной персоны — Стивена Манна?

Почему бы сегодня Вашингтону не оставить все дела и не заняться вплотную Карабахом? Данный вопрос, вероятно, очень волнует азербайджанское общество — общество, но не политиков, большинству из которых ответ на него известен. Решение карабахского вопроса в том варианте, на котором настаивает Азербайджан, теоретически и практически недостижимо. Нагорный Карабах может быть возвращен под юрисдикцию Баку только в случае полного истребления или, скажем так, «вычищения» проживающих здесь армян. Осознавая всю весомость исторических реалий, контрпродуктивность силового или какого-либо иного давления на армянскую сторону, как США, так и Россия могут остановиться на долгосрочном замораживании этой проблемы.

Другой альтернативой может стать война. Именно она может дать исчерпывающий ответ на все кажущиеся неразрешимыми вопросы, продемонстрировать истинный расклад сил. Причем стороны могут подойти к военным действиям, четко осознавая их исход. Исход, который станет для двух

народов окончательной объективной реальностью. Степень вероятности подобного сценария тем выше, чем агрессивнее риторика азербайджанских властей. Судя по всему, команда **Ильхама Алиева** пока не спешит приступить к подготовке азербайджанских умов к той или иной модели решения проблемы, а также к неминувости уступок в данном вопросе. Его заявления, которые армянской стороной приписываются стремлению повысить политический рейтинг на внутреннем рынке, преследуют и другую цель — удерживать на повестке проблему безопасности трубопровода Баку — Джейхан в условиях нерешенности карабахского конфликта.

Между тем Соединенные Штаты, объективно осознавая бесперспективность политического давления на Армению, не чувствуют и практической угрозы со стороны армян Нагорного Карабаха для нефтяных и прочих коммуникационных проектов в регионе. Пожалуй, единственным негативным моментом для них остается изолированность Армении, что на деле мешает развивать здесь крупные проекты, по сути предваряющие политическое внедрение. Невозможность силового изменения исторических реалий осознается и Москвой. Мало того, карабахский вопрос на определенной стадии станет просто неприкладным в деле решения тех или иных стратегических задач. Существующий статус-кво чем дальше, тем больше отождествляется с исторической действительностью. Сама суть проблемы, которую все чаще пытаются представить как крайне сложную, на самом деле предельно ясна: земля, истари населенная армянами, ими же занята и ныне. Сей факт осознается и Турцией, которая хоть и вторит Азербайджану, но на деле от радикальных шагов воздерживается и предпринимать их не спешит. На повестке дня Анкары сегодня стоят более важные вопросы отношений с Европейским союзом.

«*Азербайджану в такой ситуации остается только одно — спокойно следить за тем, как в ближайшем будущем силы НАТО будут поддерживать мир и порядок в регионе, где пролегает стратегическая труба, и ожидать усиления контроля, если вдруг к Баку — Джейхан присоединится Казахстан.*»

В итоге для Грузии и Азербайджана судьбоносное значение имел тот факт, что коммуникационные проекты стоимостью от миллиарда и выше стали по мере осуществления требовать соответствующих условий функционирования, а их инициаторы стали весомыми факторами региональной политики. Государства (территории), по которым эти коммуникации пролегли, автоматически стали субъектами данной политики.

Совсем другая картина складывается в случае с Арменией. Республика, которую Турция и Азербайджан загнали в «полутупик», вытеснили практически из всех региональных коммуникационных проектов, оказалась вдруг действительно независимой, способной выполнять функции стратегического партнера (возможно, нескольких центров силы сразу) и при этом успешно развивать многовекторную внешнюю политику с Россией и Ираном, США и Евросоюзом. Политическое руководство Армении действительно осознает фактическую суть карабахского вопроса, понимая, что максимальным негативным развитием ситуации здесь может стать только спонтанная война с неоговоренным итогом, что практически исключается. Хотя даже в этом случае возможность возврата Нагорного Карабаха в состав Азербайджана ни всерьез и ни в шутку в Ереване не рассматривается. Именно поэтому заявление Стивена Манна о том огромном ущербе, который несет экономика Армении, будучи вытесненной из крупных региональных проектов, в том числе транспортно-коммуникационных, вызвало на редкость однозначную формулировку министра иностранных дел Армении **Вардана Осканяна**: «Карабах не имеет цены».

Говорить о полной изоляции Армении сегодня можно с натяжкой. И не потому, что, как считает глава МИД республики Осканян, полностью изолировать страну можно лишь усилиями всего международного сообщества. Армения продолжает питаться посредством двух направлений — северного (грузинского) и южного (иранского). При этом южный маршрут является в некотором роде тупиковым исходя из того состояния, в котором пребывает сам Иран благодаря региональной экспансии США. Теракт в городе Бес-

лане и последовавшее закрытие российской стороной КПП «Верхний Ларс» наглядно продемонстрировало Еревану всю злободневность вопроса альтернативного сообщения с внешним миром. Говоря об альтернативах, следует осознавать, что их-то практически и нет. Территория Грузии была и остается основным выходом на российский и европейский рынки. Альтернатива одна — Турция. С нарастанием грузинско-российского противостояния будет расти давление США в вопросе открытия армяно-турецкой границы. Можно с уверенностью сказать, что, добившись этого, США фактически обретут новый, южный, фронт вытеснения России из Южного Кавказа и северный фронт давления на Иран. Также очевидно, что Армения в условиях открытого сообщения с Турцией окончательно попадет под контроль США, и американцы установят в регионе свои правила игры. Таким образом, суть армянского комплементаризма с некоторым пор свелась к выжиданию: что произойдет скорее — Россия разрешит все вопросы с Грузией, или США заставят Турцию открыть границу с Арменией.

Что же касается южного, иранского, маршрута, то, не обладая особой ценностью в плане транзита, Иран имеет неоценимое стратегическое значение в плане поставок энергоносителей, в частности газа. Наиболее перспективным для Армении проектом, способным обеспечить ощутимый прорыв армянской экономики, может стать газопровод Иран — Армения. Впрочем, он же способен подорвать относительную самоуправляемость в выборе политических ориентиров.

Желание иранской стороны стать в будущем стратегическим поставщиком газа на европейский рынок общеизвестно. Именно этому желанию и стоит приписать планы создания континентального газопровода Иран — Европа, который проляжет через Армению, Грузию, Украину или Россию. Хотя осуществление данной перспективы пошатнет монопольные позиции российской стороны на европейском рынке, однако это создаст значительный ресурс экономического воздействия как на Иран, так и на Армению. О том, что российская сторона всерьез рассматривает Армению в качестве транзитной территории на пути иран-

ского газа в Европу, свидетельствует информация о намерении компании ИТЕРА продать 10 % акций компании «Армросгазпром» одной из западноевропейских инвестиционных корпораций. Сумма сделки может составить около 30 млн. долларов. Отметим, что акционером армянской компании, которая контролирует все газораспределительные сети республики, является также «Газпром» — ему принадлежит 45 % акций компании. Именно «Газпром» изъявляет желание стать оператором армянской части газопровода Иран — Армения, что же касается возможного нового, европейского, акционера, то он, видимо, совместно с российским гигантом и займется подготовкой армянских газовых коммуникаций к транзитной миссии, что потребует значительного увеличения диаметра труб. Отметим также, что российская и иранская стороны рассматривают заинтересованность Москвы в закупке иранского газа непосредственно на армянской границе с перспективой его использования на принадлежащих России армянских энергообъектах, а также в экспортных целях. Подобная доминирующая роль России в проекте в принципе не должна устраивать армянскую сторону, поскольку это ни на йоту не повысит политический и экономический потенциал республики.

Если утрировать, то

«*...на Южном Кавказе налицо две ключевые проблемы — российско-грузинская и армяно-туркская.*»

США стремятся всячески подогреть первую — чем и объясняется появление на посту президента Грузии такой фигуры, как Михаил Саакашвили, — одновременно сглаживая острые углы турецко-армянского противостояния. Оказывая значительную финансовую и военно-техническую поддержку грузинскому правительству, США максимально поднимают для Москвы высоту грузинского барьера, минимизируя таким образом эффективность отношений Россия — Армения. Вместе с тем Вашингтон отводит Армении роль некоей сдерживающей силы на случай непрогнозируемого увеличения регионального веса Турции. Запуск основных нефтегазовых проектов в Азербайджане,

патронируемых США, постепенный перенос центра американской тяжести на Армению, возможное открытие армяно-турецкой границы — все это в конце концов может стать причиной значительного охлаждения армяно-российских отношений. В этой связи не совсем абсурдным кажется прогноз о возможном армяно-российском противостоянии.

В свою очередь Саакашвили, четко осознавая, что абхазский и югоосетинский конфликты загнаны в тупик, в первую очередь его же грузинскими предшественниками, планомерно и успешно убеждает мировое сообщество в контрпродуктивности миротворческих усилий Москвы. Он же не упускает повода для усиления конфронтации с Россией, благо на Кавказе этих поводов достаточно. Чего стоят только появление в грузинском эфире Масхадова и угрозы топить российских туристов в абхазских водах.

Что касается Москвы, то она, отдавая явное предпочтение наращиванию газоэнергетического влияния, зачастую демонстрирует непростительную безалаберность в процессах политического планирования. Еще Ленин считал, что Российская империя потерпела крах в десятилетней войне на Кавказе. Сегодня, в начале XXI века, Россия вновь увязла на Кавказе. События в Аджарии, затем в Южной Осетии, скандальные выборы в Абхазии, серия терактов в самой России, также связанных с Кавказом (их вполне ошибочно связывают только с Чечней), и в качестве апогея — Беслан — все это наглядно демонстрирует уязвимость российской политики в этом важном, но шатком и многоликом регионе.

Южные рубежи России находятся (специально удерживаются) в постоянном напряжении, когда каждый смелый шаг грозит серьезными последствиями. Очевидно, что особых иллюзий насчет решения конфликтов в Абхазии и Южной Осетии питать не следует. На сегодняшний день в этих направлениях не сформированы мало-мальски эффективный переговорный формат и повестка. Позиция России, пытающейся лавировать и не выступать с жесткими заявлениями и шагами, рано или поздно истощает себя. Фактически Россия уже вплотную

подошла к той черте, когда остался лишь шаг до вынужденного применения силы. В подобной ситуации Москва не придумала ничего лучшего, как отгородиться от региона закрытием основных перевалочных и контрольно-пропускных пунктов. Шаг, по сути призванный осадить Грузию, непосредственно ударил по интересам единственного стратегического партнера в регионе — Армении. Расчет же грузинской стороны был прост и выверен — рано или поздно проблему эту будет с Москвой решать Ереван, а пока товары, которые поставлялись в Армению из России, закупаются армянами в Грузии. Несуразность ситуации стала и вовсе потрясающей, когда на КПП «Верхний Ларс» застряли военные грузы для российской же базы в Армении.

Одной из основных причин «запаздывания» российской политики на Кавказе, бесспорно, является отсутствие реальной картины о местной действительности. Другой немаловажной причиной является отсутствие некоей «вывески», даже формальной, для присутствия в регионе. К примеру, США успешно оперируют под флагом развития демократии — хотя за эти годы ни в Армении, ни в Азербайджане, ни в Грузии коренных сдвигов в данном направлении не зафиксировано. Даже наоборот, в случае с Азербайджаном США стали самым главным фактором подавления демократии, поддерживая выгодный своим нефтяным интересам клан. Однако, не в пример России, все это преподается под соусом различных программ развития и поддержки, создания целой сети общественных организаций, формирующих за соответствующую плату соответствующее общественное настроение. А что же Россия? Огромное государство не может сладить с малыми народами, даже теми, которые к России исторически относятся с большим уважением и любовью.

Яркий пример — Абхазия. Неверно расставленные акценты Москвы дали о себе знать и здесь. Президентские выборы в непризнанной республике, фактически обернувшиеся скандалом, породили все новые вопросы, ответы на которые Россию вряд ли порадуют. Еще задолго до выборов было ясно, что в Абхазии сформировалось граждан-

ское общество, которое устало от бесчинств клана действующего президента Ардзинба, даже учитывая его многочисленные заслуги. Неужели Кремль не видел, что абхазы не горят желанием голосовать за его ставленника, тем более что последний особыми талантами не отличался? Подпортили картину и пропагандисты — Газманов и Жириновский. «Привет Аджария (!!!)» первого и «не проголосуете за Хаджимба, перекроем границу» второго — символы топорного русского подхода к тонким кавказским делам.

Москве пора отказаться от дурной привычки делать ставку на местечковых князьков, а потом поспешно их вывозить восвояси. Москва не смогла вовремя понять, что коррумпированный режим Шеварднадзе, который вел двойную игру, был обречен. Сделай Россия вовремя правильный выбор, в Грузии могло бы запахнуть вовсе не розами, а, к примеру, ромашками. О традиционно близких российско-грузинских отношениях, допустим в культурной сфере, сегодня мало кто вспоминает. Эти воспоминания, кроме того, что вытеснялись в Грузии на государственном уровне, совершенно не поддерживались и Москвой. Та же картина в остальных странах — совершенно пассивная работа посольств и дипломатов, игнорирование малых проблем малых народов, вдобавок распространение в самой России разного рода организаций националистского толка — сводит к опасному минимуму симпатии кавказских соседей к Москве.

После Беслана: конкретная Грузия, комплементарная Армения и молчащий Азербайджан

Трагические события в Северной Осетии могут стать катализатором многих процессов в регионе, расположенном за Рокским перевалом, а именно в Закавказье (Южный Кавказ). В частности, такое мнение, пребывая с визитом в Литве, высказал министр обороны Армении **Серж Саркисян**. Опасения армянского министра понять можно...

Игроки и статисты

Закавказье, или Южный Кавказ, — регион, где остаются неурегулированными три конфликта (абхазский, нагорно-карабахский и грузино-осетинский), переживает сложный период осмысления своей роли и места в современном мироустройстве. Здесь пытаются нащупать наиболее выгодные внешнеполитические ориентиры, создать наиболее реалистичную систему безопасности, выбрать наиболее выгодных торгово-экономических партнеров, направления развития экономики и сферы сотрудничества. Азербайджан, Армения и Грузия, в потугах обзавестись надежным гарантом собственной и региональной безопасности, застраховаться от угроз внутренних и внешних, уповают на поддержку тех или иных надрегиональных сил. В большинстве случаев позиция и интересы собственного соседа

мало учитываются или не учитываются вовсе. Уже существующие разделительные линии грозят и вовсе раскрыть регион, а политика лебеда, рака и щуки — усугубить экономический упадок, а того хуже превратить его в арену новой кавказской войны. Потенциал трех закавказских республик к принятию решений регионального масштаба остается крайне незначительным. Власти этих стран, начиная с момента распада Советского Союза, так и не сумев найти общий язык между собой и заинтересованными силами по крайне сложным, но объективно решаемым вопросам, приложили максимум усилий к разграблению экономического потенциала своих стран, став в итоге заложниками собственных амбиций.

До недавних пор считалось, что как минимум две из трех стран региона — Грузия и Армения — с внешнеполитическими приоритетами определились, хотя последняя и позволяет себе слегка лавировать.

«**Армения сделала ставку на Россию, застраховавшись таким образом от возможной турецкой агрессии, а Грузия полностью положила на Вашингтон, стараясь противопоставить американский вес доминирующему влиянию России.**»

Что касается Азербайджана, то, учитывая его родственные связи с Турцией и нефтегазовые интересы США, Баку предпочитает о приоритетах особо не распространяться. Карабахский конфликт, вопросы, связанные с каспийскими делами, экспортом нефтепродуктов и импортом российского газа и электроэнергии, обязывают азербайджанскую сторону вести осторожную игру. Тем не менее, итоги грузинской конкретики, армянского комплементаризма и азербайджанского умолчания в идеале могут быть подведены в результате непосредственного американо-российского диалога. То есть передел Закавказья (или Южного Кавказа) на зоны влияния и судьба региональных конфликтов может быть решена между Москвой и Вашингтоном в результате прямых обсуждений без вовлечения в данном случае заинтересованных, но мало владеющих ситуацией стран региона. Конечно, не могут быть не учтены пожелания таких крупных игроков, как Турция и ЕС. Но это в идеале...

Грузинская карта

После некоторого затишья, а точнее сразу после трагедии в Беслане, новый виток напряженности возник вокруг Южной Осетии. Заявления руководителей российского силового блока, в частности начальника Генштаба **Балуевского**, о том, что Москва оставляет за собой право на нанесение превентивных ударов по базам террористов в любом уголке мира, вызвали нешуточный переполох в Грузии. Но еще больший переполох вызвал сначала посол США в Грузии **Ричард Майлз**, а затем и его тезка — официальный представитель Государственного департамента США **Ричард Баучер**. Оба они фактически выставили Грузию мишенью возможных ударов, заявив, что в Панкисском ущелье продолжают оставаться террористы различных мастей — довольно неожиданное поведение Вашингтона, учитывая доселе отеческую заботу о **Михаиле Саакашвили**. Примечательно, что именно в период после трагедии в Беслане последний отличился крайней немногословностью — перечить американцам он не спешит, хотя вопрос представляется для Грузии судьбоносным. В Тбилиси, естественно, категорически опровергли причастность к страшному теракту, не преминув при этом хитро отпарировать, что причина террора заключается в поддержке сепаратистских режимов.

После неудачной вылазки грузинских формирований в глубь Южной Осетии и последующего частичного их вывода здесь идет перегруппировка сил. Источники во властных коридорах Грузии поговаривают о подготовке к полномасштабной войне, причем ее начало прогнозируется к концу предстоящей зимы. Югоосетинские же источники распространили **подробный план** предстоящих маневров грузинской стороны и связывают дату начала войны с периодом сдачи в эксплуатацию нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан.

Кавказский занавес опущен

Экономические отголоски Беслана в Закавказье себя долго ждать не заставят. Ровно через две недели после памятного выступления президента Путина российская сто-

рона ввела ряд серьезных ограничений пограничного и таможенного характера практически по всему периметру своей границы на Кавказе. Ограничения на пропуск людей и транспортные средства введены на четырех контрольно-пропускных пунктах российско-азербайджанской границы. Минтранс России с 20 сентября 2004 года закрывает международные автобусные маршруты Баку — Москва, Баку — Санкт-Петербург, Владикавказ — Баку, Махачкала — Баку, Екатеринбург — Баку, Москва — Гянджа, Новороссийск — Баку и ряд других направлений. При этом официальный представитель российского МИДа уточнил, что ограничительные меры будут постепенно отменяться с нормализацией ситуации на Северном Кавказе. В еще более незавидной ситуации окажется Грузия. С 15 сентября между двумя странами прекращаются автомобильные перевозки, а с 1 октября РФ закрывает свое воздушное пространство для грузинских самолетов. В Тбилиси уже успели окрестить эти меры экономическими санкциями против Грузии. Во властных коридорах Тбилиси уверены, что Россия приступила к реализации плана экономической блокады Грузии, а последние транспортные перипетии — не что иное, как «политическое решение». Если предпринятые российской стороной меры будут продолжительными, а в случае эскалации конфликтов в Южной Осетии и Абхазии — примут более жесткий характер, то отдача для грузинской экономики будет поистине катастрофической. Ведь Россия продолжает оставаться одновременно рынком и поставщиком номер один для Грузии. Весьма несладко придется в этом случае и Армении, основной грузопоток в Россию идет через Грузию, и лишь малая часть — через иранский порт Энзели паромом по Каспию. Здесь многие еще помнят кризис, возникший в результате обострения ситуации в Аджарии. Тогда огромная часть предназначенных для Армении грузов скопилась в Батумском порту, что сразу же аукнулось в республике повышением розничных цен.

Что может сделать Россия для Армении?

За последние несколько дней в армяно-азербайджанских отношениях произошли сразу два знаменательных

события — отмена учений НАТО в Баку и встреча Алиев — Кочарян, а затем и те же в трехстороннем формате с Путиным в Астане.

Нежелание азербайджанцев терпеть присутствие армянских офицеров на своей территории стало причиной беспрецедентной отмены учений НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира». Этот факт был бы не столь скандален, если бы учения отменили заблаговременно, а не за день до их старта, когда в Баку уже прибыли делегаты из нескольких десятков стран — членов и партнеров НАТО, а президент Ильхам Алиев успел связать себя соответствующими гарантиями перед натовским генералитетом.

Поговаривают о том, что Алиев преднамеренно пошел на конфликт с Альянсом, поскольку особых ожиданий от этой организации у него нет. Руководители НАТО не раз заявляли, что вмешиваться в процесс нагорно-карабахского урегулирования не намерены. Практически отброшена и вероятность ввода баз НАТО на азербайджанскую территорию, который был бы невыгоден в первую очередь самому Азербайджану, поскольку грозил вызвать недовольство не только Москвы, но и, в первую очередь, Тегерана. Как отмечает в этой связи вице-спикер армянского парламента **Ваан Ованисян**, списывать провал учений НАТО на капризы азербайджанцев по меньшей мере наивно. «Воспользовавшись тем, что встал вопрос участия или неучастия в учениях армянских военнослужащих, Баку фактически не допустил проведения на своей территории маневров НАТО. Почему? Возможно, ему не позволили. Наблюдающееся в последнее время сближение между определенными российскими кругами и азербайджанской политической элитой, а также — почему нет — визиты в Азербайджан руководителей некоторых крупных мусульманских государств могли содержать определенные предупреждения и намеки. Наконец, маневры НАТО на территории Азербайджана были направлены — должны были быть направлены — против конкретных «мишеней». Судя по всему, эти потенциальные «мишени» не сидели сложа руки. И когда мы говорим, что НАТО как непослушного ученика наказала Азербайджан за то, что тот отказал во въезде в Баку пятерым армянам, это

не так», — отметил Ованисян в интервью газете «Аравот». По сути, в сложившихся условиях Баку выгодно в первую очередь наращивать отношения с Россией, дабы побить основной армянский козырь — стратегическое партнерство с Москвой.

«*Что касается Армении, то здесь прекрасно осознают, что, не имея общей границы с Россией, практически развивать с ней свои отношения становится все труднее и труднее.*»

Именно отсутствие общей границы и стало причиной фактического исключения республики из международного транспортно-коридора Север — Юг. В Ереване очень надеялись, что новая железнодорожная магистраль, которая свяжет Россию с Индией через Иран, затронет и Армению. Однако было изначально ясно, что осуществить такой проект без участия Грузии не представлялось возможным. Естественно, при существующем накале российско-грузинских отношений пустать столь важный маршрут через нестабильную Грузию было бы ошибкой. В итоге Армения еще долго останется вдали от региональных транспортно-коммуникационных проектов, связанная по рукам карабахским конфликтом и зажата азербайджанской и турецкой блокадой. Таким образом, Россия, объективно неспособная разрешить транспортные проблемы Армении — тому свидетельство и десятилетний простой абхазского участка Закавказской железной дороги, — может помочь своему стратегическому союзнику лишь в вопросах безопасности. Оговорку стоит сделать и касательно вопросов энергетической безопасности Армении, связанных в немалой степени со стабильными поставками российского газа, что также в полной мере зависит от стабильности в Грузии. Если Москва будет втянута в войну с Грузией, то ожидать от нее оперативной и эффективной помощи Армения сможет, лишь поддержав ее с юга. Общеизвестно, что южный рубеж Грузии — Джавахк — регион с преобладающим армянским населением. Здесь же дислоцирована 62-я российская военная база. Вмешательство Армении в ситуацию в Джавахке может привести к необратимым последствиям в Грузии, однако армянские власти четко отдают себе отчет в том, чем могут обернуться такого рода помыслы в условиях вражды с двумя дру-

гими соседями — Азербайджаном и Турцией. Скорее всего, Армения не пойдет на ухудшение отношений с Грузией ни под каким предлогом, даже если на карту будет поставлена дружба с Москвой. Немаловажен и тот факт, что Ереван, передав России в счет погашения государственного долга пять предприятий стратегического значения, а также подключив к управлению финансовыми потоками Армянской АЭС компанию РАО «ЕЭС», практически обеспечил присутствие в Армении реальных экономических интересов Москвы.

«**Итак, в случае дестабилизации ситуации в Грузии Армения будет практически отрезана с севера.**»

Как и в период активных боев в Нагорном Карабахе и Абхазии, ей останется уповать на иранский маршрут и приложить все усилия к реализации проекта строительства газопровода Иран — Армения. Другая альтернатива — пересмотреть ряд ключевых положений внешнеполитической доктрины и взять курс на Запад, что позволит открыть границу с Турцией, заручившись соответствующими гарантиями США и ЕС. Может быть, отмена учений НАТО в Азербайджане, решение армянских властей послать контингент в Ирак в составе польского батальона, активные контакты со странами Прибалтики — визит министра обороны в Литву и посещение госсекретарем минобороны Латвии Еревана — первые признаки такого намерения? Справедливости ради стоит отметить, что такая перспектива крайне не обрадует Иран, который уже взял на себя финансирование строительства первого пролета газопровода Иран — Армения на армянской территории. В данном случае можно привести и пожелание, озвучиваемое в частных беседах иранскими дипломатами: «Еревану пора определиться со своей политикой, а России обращать больше внимания на проблемы с Грузией». Скорейшего разрешения разногласий между Москвой и Тбилиси искренне желает и Армения, при этом явно осознавая всю сложность вопросов грузинско-российской повестки.

Для Закавказья, несомненно, настает момент истины. Назревающая война у южных рубежей России (об этом говорят уже почти открыто), ввод в действие американо-британского суперпроекта Баку — Джейхан, осознание в Баку

невозможности военного решения конфликта в Карабахе и неспособность Турции, вопреки воле США и Европы, оказать решающий нажим на армян диктуют странам новые подходы в региональной политике. Зажатая до отказа пружина грозит выпрямиться после теракта в Беслане, и южный вектор ее удара практически очевиден.

«Революционный аромат» карабахского фактора

Продолжающийся передел сфер влияния на постсоветском пространстве достиг Средней Азии — региона, в котором, по свидетельству большинства аналитиков, цели Запада и России если не совпадали, то, по крайней мере, могли совпасть. Аналитики могут и ошибаться, рассматривая свержение киргизского президента **Аскара Акаева** именно в этом контексте, но, во всяком случае, нельзя не признать, что Киргизия не дала затихнуть революционному буму на пространстве СНГ и стала эмоциональным продолжением ряда «Грузия, Украина, Молдавия»...

С другой стороны, события в Киргизии актуализировали догадки о следующей мишени политических тревожных событий. Аналитики при этом исходят из аксиомы — «не все выборы заканчиваются оглашением итогов», иначе говоря, необходимым минимальным условием для спланированной извне политической перетасовки является процесс выборов в «стране-мишени». Стоит упомянуть, что наиболее важные выборные процессы ожидают Белоруссию, Казахстан и Таджикистан в 2006 году — в этих трех государствах пройдут президентские выборы. Еще раньше избирательная лихорадка затронет Азербайджан — предстоящей осенью здесь будут выбирать новый Милли Меджлис (парламент). Себя надолго застраховал президент Туркмении, ко-

торый правит страной бессрочно, хотя недавно заявил, что проведение президентских выборов все-таки возможно, но... в 2009 году.

«*Говоря о революциях-клонах, следует отметить, что выбор «момента истины» для каждой отдельной страны еще и зависит от комбинаций местных реалий и факторов.*»

Он наступает вне зависимости от того, на какой стадии пребывает процесс нагнетания «критической массы» в других, даже соседних странах. Суть сказанного состоит в том, что политическая близорукость **Эдуарда Шеварднадзе** и экономическая разруха Грузии не имели абсолютно никакого отношения к культурно-идеологическому противостоянию Восток — Запад на Украине или же ферганскому фактору в Киргизии — эти факторы анализировались и разыгрывались автономно, без очевидной взаимосвязи. Таким образом, стремление предсказать, в каком именно порядке будут сменяться или же, наоборот, выстоят режимы в странах СНГ, — занятие по большей части неблагодарное. Не следует также забывать, что до грузинского успеха революционные сценарии провалились в Армении и Азербайджане, после состоявшихся в этих странах президентских выборов. Армению в этом плане можно считать «первым блином».

Карабахский фактор

На днях президент Армении **Роберт Кочарян** представил сравнительный анализ последних событий, стоивших президентского кресла Шеварднадзе и **Аскару Акаеву** и приведших к президентству **Виктора Ющенко**. В ряду общностей, помимо хронологического совпадения с выборными процессами или, как охарактеризовал Кочарян, «периодом максимальной наэлектризованности общества», во всех трех странах, по его мнению, наличествовал фактор «слабой власти» — слабой настолько, что она не могла справиться с текущими проблемами». Другая общность — «приход к власти молодых реформаторов, в свое время смещенных с ответственных постов за чересчур активные реформистские взгляды и действия». К числу таковых Кочарян отвел и своего грузинского коллегу **Михаила Саакашвили**. Данную тенденцию

глава Армении охарактеризовал как смену поколений. Все указанные факторы — выборы, слабость власти и смена поколений — для Армении неактуальны, считает Кочарян, а по-сему и революция республике не грозит.

Между тем, фактор поствыборной наэлектризованности общества в Армении явно наличествовал в 2003 году, когда недовольные итогами президентских, а затем и парламентских выборов оппозиционные партии, объединившись в единый кулак, но так и не сумев выдвинуть лидера, подвели многотысячную толпу к президентской резиденции. Однако Роберт Кочарян мало того, что сохранил свой пост, но в прошедший период еще и заметно укрепил свои позиции, во многом благодаря недалёковидности самой оппозиции.

«**Бойкотировав работу парламента, протестные силы вообще «ретировались» с политического поля страны, дав таким образом властям широкое поле для маневра.**»

Действительно, в оппозиционном стане отсутствовал лидер, и власть была сильна настолько, что четко контролировала работу силовых структур, однако побочную, но весьма серьезную роль в провале армянской оппозиции сыграл фактор, о котором президент Армении не упомянул, — карабахский фактор. Он отрезвляюще действует на умы людей, сигнализируя одну простую истину — внутривнутриполитическая дестабилизация в Армении повышает риск непрогнозируемых событий в карабахском направлении. Не потерял этот фактор своей значимости в Армении и сегодня.

Что касается Азербайджана, то здесь этот фактор и во все доминирует. Президент этой страны **Ильхам Алиев** связал с проблемой Нагорного Карабаха не только все основные направления своей политики, но даже экономический рост Азербайджана и доходы от нефти, которые, по его словам, в конце концов позволят «вернуть Карабах». Но дело дальше пропаганды не идет — есть четкое понимание, что только крепкие позиции внутри страны, а именно большой вотум доверия общества, позволят Алиеву предпринять действительно конструктивные шаги в направлении решения конфликта. Даже такой маститый политик, как **Гейдар Алиев**, в свое время отказался от Ки-Уэстских

договоренностей, поскольку не был уверен, что сможет «протолкнуть» их азербайджанской общественности. Неудивительно, что Ильхам Алиев сегодня избрал наиболее безопасную для себя тактику — говорить о Карабахе именно то, что от него желает услышать народ. Подпитка реваншистских настроений в настоящее время является для Ильхама Алиева своего рода сдерживающим фактором, создавая иллюзию сильной власти. Однако в такой политике есть и очевидные негативные, в данном случае для власти Алиева, элементы — чем больше он говорит о возможном силовом решении, тем сложнее будет впоследствии согласовать с народом неминуемые компромиссы.

Говоря о процессе урегулирования нагорно-карабахского конфликта, комментаторы прежде всего подразумевают консультации между министрами ИД Азербайджана и Армении под эгидой сопредседателей Минской группы (МГ) ОБСЕ, а также переговоры на уровне президентов двух стран — Роберта Кочаряна и Ильхама Алиева, которые используют для встреч различные международные форумы. Сопредседателями МГ ОБСЕ являются Россия, США и Франция. Последняя, кстати, представляет позицию Европейского союза. В переговорном процессе не участвуют представители Нагорного Карабаха, хотя Степанакерт является признанной стороной конфликта. **До недавних пор** стороны неоднократно заявляли, что проблема может быть урегулирована исключительно на компромиссной основе, в результате переговоров. Вместе с тем, **в последний период** азербайджанская сторона все чаще начала выдвигать требования ультимативного характера. Официальный Баку настаивает на выводе армянских подразделений с территорий, прилегающих к Нагорному Карабаху, в противном случае угрожая решить вопрос силовым путем. Отметим, что данные территории отошли армянской стороне в ходе активной фазы конфликта и в настоящее время выполняют для армян функцию своеобразного «пояса безопасности». Что касается посредников, то их позиция предельно проста — «мы приветствуем такое решение конфликта, которое удовлетворит все стороны», естественно, при этом каждый из них, по мере сил и возможностей, продвигает интересы собственного правительства.

Современный этап карабахского урегулирования невозможно рассматривать в отрыве от общих региональных процессов, тенденций, связанных с появлением новых игроков, ускорением интеграционных и дезинтеграционных процессов. В числе таковых созданию качественно новой ситуации вокруг карабахского процесса способствовали смена власти и активное американское присутствие в Грузии, ближайший запуск нефтепровода Баку — Джейхан, рост региональной роли НАТО, стремление Турции стать членом ЕС, транспортная блокада Армении и т. д. В итоге сложился уникальный в своем роде момент, когда скорейшее решение проблемы исходит из интересов практически всех сторон, в том числе стран — участниц конфликта, региональных государств и стран-посредников.

Нагорно-карабахский конфликт препятствует развитию отношений России с Арменией и Азербайджаном без опасений вызвать недовольство одной из этих стран. Простаивающие коммуникации создают проблемы на пути реализации транспортных и энергетических проектов.

«Скорейшее решение конфликта исходит из интересов ЕС, который планирует создать в рамках программы нового соседства безопасный буфер на восточном приграничье — буфер «сытых и довольных соседей»»

США видят в безопасности на Южном Кавказе необходимое предусловие успешной реализации нефтегазовых проектов на Каспии, а также снижения роли России как гаранта безопасности, в частности Армении. В свою очередь Грузия, во многом из-за карабахского конфликта, испытывает затруднения в плане железнодорожного сообщения с Турцией, а в последний период и с Азербайджаном. Бакинские власти время от времени прерывают пропуск составов в Грузию, мотивируя это тем, что они проходят транзитом в Армению. В этом плане грузино-турецкая инициатива о строительстве железнодорожной ветки Карс — Ахалкалаки — более психологическое давление на Армению, чем жизнеспособный проект. Возможное возобновление боевых действий в регионе создаст базу для вмешательства надрегиональных сил, что не исходит из интересов Ирана.

Что касается Армении и Азербайджана, то решение карабахского конфликта — историческая задача двух правительств, однако она приобрела новую актуальность именно из-за ускорения региональных процессов, появления на Южном Кавказе новых амбициозных игроков, а также наличия целого ряда перспективных, но трудно реализуемых коммуникационных проектов. Баку и Ереван, после изнуряющего переговорного марафона с практически нулевым результатом, оказались на финишной дистанции, требующей смелых и конструктивных решений. Пассивность на данном этапе может обернуться непредвиденными последствиями как для Кочаряна, так и для Алиева.

«Революционный аромат» карабахского фактора

После событий в Грузии, на Украине и в Киргизии «революционный аромат» карабахского фактора лишь усилился. Он доносится и из Еревана, и из Баку, однако во втором случае с еще большей силой и настойчивостью. Причина в том, что если армянское население в принципе довольно существующей расстановкой и проявляет к карабахской тематике латентный интерес, то общественность, а главное — политические силы Азербайджана, подогретые воинственной пропагандой, требуют от Алиева действий. Сказанное вовсе не означает, что официальный Ереван может воздерживаться от реальных шагов по размораживанию ситуации сколь угодно долго — как было отмечено выше, такая политика уже не находит понимания международной общественности.

До недавних пор армянская сторона высвечивала следующую формулировку: «территории, доставшиеся как итог кровопролитной войны, не могут быть возвращены просто так, даром». При этом подразумевалось, что наилучшей компенсацией за территории может стать статус Нагорного Карабаха, естественно, независимый статус. Недавно же, министр обороны Армении Серж Саркисян, выступая на специальных слушаниях в парламенте Армении по проблеме Нагорного Карабаха, заявил примерно следующее: «Армянская сторона готова обсуждать вопрос пояса безопасности. Если нам будут даны большие гарантии безопасности, чем

те, которые обеспечивает пояс, то необходимость в нем пропадает». Он же незадолго до слушаний заявил о целесообразности присутствия в регионе миротворческих сил, поскольку «даже если переговоры в верхах увенчаются успехом, осуществление договоренностей будет крайне болезненным процессом — как для армянской, так и для азербайджанской стороны».

Таким образом, Ереван озвучивает конструктивное предложение, снимая с себя ответственность за затягивание карабахского конфликта, чем в некотором смысле ставит азербайджанскую сторону перед дилеммой. Очередь за Баку,

«...вопрос «оккупированных территорий» может быть снят с повестки фактически одной подписью азербайджанской стороны,»

но дело в том, что после этого задача Ильхама Алиева еще более усложнится. Во-первых, в условиях международных гарантий безопасности населения Нагорного Карабаха руководству Азербайджана придется отказаться от идеи военного реванша. Отказ от «пояса безопасности» взамен на безопасность — фактическое выполнение Арменией резолюций СБ ООН, а значит, Баку будет крайне сложно оправдывать дальнейшую транспортную блокаду Армении, а еще сложнее требовать того же от Турции. Алиеву останется лишь одно — вернуться к тому, с чего начинали — вопросу о статусе Нагорного Карабаха. А на этом фронте перспективы Баку крайне туманны, поскольку здесь решающим будет мнение именно жителей Карабаха, уже более десятилетия живущих в де-факто независимости и готовых отказаться от нее лишь в случае воссоединения с Арменией. Еще один нюанс — предоставив роль гаранта безопасности карабахского населения международному сообществу, армянская сторона потребует участия в переговорах по статусу Нагорного Карабаха представителей самого Нагорного Карабаха — именно на это намекают посредники, говоря, что на определенном этапе переговоров без карабахской стороны не обойтись. В этих условиях Ильхаму Алиеву предпринять что-либо будет крайне сложно, поскольку собственно цель — возвращение Нагорного Карабаха под юрисдикцию Азербайджана — химера.

Важно отметить, что и возвращение нескольких районов в недалеком прошлом стало бы для президента Азербайджана большим успехом, а для властей Армении серьезной потерей, но не сегодня. Политические центры требуют мирного решения конфликта, а общественность Азербайджана — войны и возвращения Нагорного Карабаха. В этой нехитрой комбинации вероятный удар придется по Ильхаму Алиеву, поскольку удовлетворить оба требования он объективно не в состоянии.

«Фактор в факторе» — парламентские выборы в Карабахе

19 июня в Нагорном Карабахе состоятся очередные, четвертые по счету со времени провозглашения независимой республики парламентские выборы.

В отличие от предыдущих выборов, они будут проведены одновременно по мажоритарной и пропорциональной избирательным системам. Треть 33-местного карабахского парламента будет избрана по партийным спискам. Именно этим во многом обусловлено заметное оживление во внутривнутриполитической жизни Нагорного Карабаха.

С начала нынешнего года к действовавшим в республике традиционным армянским партиям — Армянской Революционной Федерации «Дашнакцутюн» и «Арменакан», а также Коммунистической, Социал-демократической и Христианско-демократической партиям прибавились «Армения — наш дом», «Движение-88», «Свободная родина», «За нравственное возрождение». Общественно-политическое движение Союз «Демократический Арцах» (СДА) преобразовалось в партию «Демократическая партия Арцаха». Следует напомнить, что поддерживающий власти Союз «Демократический Арцах» был создан в 2000 году как платформа для политической борьбы властей со сторонниками экс-министра обороны НК **Самвела Бабаяна**, режим которого был объявлен военно-авторитарным. Во время парламентских выборов 2000 года СДА получил большинство в Национальном собрании НКР. После принятия в текущем году закона «О партиях» СДА объявил о своей реорганизации в «Демократическую партию Арцах».

Союз «Демократический Арцах» объединился с Социал-демократической партией, образовав парламентскую фракцию «Демократия» в составе 20 депутатов (на сегодня кроме них в карабахском парламенте восемь представителей партии АРФ «Дашнакцутюн» и пять свободных депутатов).

22 января состоялось учредительное собрание партии «Движение-88», одним из инициаторов создания и лидеров которой является нынешний мэр города Степанакерта и депутат парламента **Эдуард Агабекян**. В программных заявлениях партии отмечается, что «общественность Нагорного Карабаха сегодня нуждается в серьезных системных преобразованиях, оздоровлении морально-психологической ситуации». Основными целями «Движения-88» являются укрепление триединства Карабах — Армения — диаспора, создание реальных предпосылок для становления в Нагорном Карабахе свободы слова, обеспечения основных свобод человека, защиты прав гражданина и т. д.

Месяц назад умеренно оппозиционная до последнего времени карабахская структура АРФД объявила о переходе «в реальную оппозицию» и объединилась с партией «Движение-88» (кстати, на недавних выборах мэра города Степанакерта один из лидеров партии Эдуард Агабекян победил во многом благодаря поддержке дашнакцаканов). Блок почти сразу же выступил с заявлением, в котором, в частности, выразил озабоченность в связи с некоторыми внутри- и внешнеполитическими процессами. Отмечается, что **«Арцах (историческое название Нагорного Карабаха — Прим. ред.) не может оставаться в стороне от переговорного процесса. Более того, реальным гарантом Арцаха является армянский народ, в частности, народ Арцаха, избранные которым представители должны сыграть действенную роль в переговорном процессе, отражая интересы всего народа»**.

В заявлении также подчеркивается, что в нынешних условиях необходимы новые подходы и пути развития страны, которые «исключили бы те многочисленные риски, через которые наше общество прошло за годы независимости». В документе содержится также критика в адрес вла-

стей республики, которые, по утверждению авторов, не всегда служат государственным, общенациональным и общественным сверхзадачам. «Парламент не в состоянии контролировать деятельность правительства, отсутствуют реальные механизмы общественного контроля по отношению к властям, не наблюдается существенного экономического развития, в руках у группы людей сосредотачиваются сверхнакопления, отсутствуют специальные стратегические программы развития НКР», — отмечается в документе.

Важно отметить, что этому заявлению карабахского отделения АРФД предшествовал ряд кадровых изменений в правительстве НКР, в частности, с должности был освобожден министр образования, представляющий как раз эту политическую силу. В ответ АРФД отозвала всех своих представителей во властных структурах и решила принимать участие в деятельности властей исключительно в рамках Совета безопасности НК.

Хотя наблюдатели пока воздерживаются от однозначных прогнозов, шансы блока АРФД — «Движения-88» расцениваются достаточно высоко, и некоторые наблюдатели пророчат блоку победу. Между тем, представитель партии АРФ «Дашнакцутюн» **Жирайр Шахиджанян** придерживается того мнения, что на предстоящих выборах власти попытаются использовать административный ресурс для того, чтобы добиться парламентского большинства. А представитель дашнакцуканов в ЦИК НК Сергей Шахвердян считает, что их итоги можно исказить лишь в той степени, в какой общество способно пойти на уступки. «Последние политические развития в республике, заинтересованное отношение населения к своему будущему свидетельствуют о зрелости электората и нежелании уступать свое право на выборах», — говорит Сергей Шахвердян.

Конструктивный процесс в Карабахе не может вызвать деструкции в Армении

Итак, АРФД обладает немалыми шансами составить большинство в карабахском парламенте. Некоторые аналитики в Армении утверждают, что это может стать началом процесса смещения Аркадия Гукасяна с поста президента НКР.

Между тем, как известно, АРФД является одной из партий, входящих в коалицию власти в Армении. Очевидно, победа в НКР еще более укрепит позиции АРФД уже в самой Армении. Последствия для власти Роберта Кочаряна в этом случае, по всей видимости, будут зависеть от того, какие новые отношения будут выстроены между президентом, поддерживающими его политическими силами, в том числе и АРФД.

Интерес политического поля Армении к парламентским выборам в Нагорном Карабахе очень велик, отметил в интервью **ИА REGNUM** советник президента НК **Манвел Саркисян**. «Парад революций на постсоветском пространстве способствовал повышению нашей чувствительности, особенно в тех регионах, где приближаются выборы», — считает он. По словам Саркисяна, предстоящие парламентские выборы, безусловно, имеют региональное и даже международное значение, поскольку в данном случае вновь будет проследиваться взаимосвязь между демократичностью выборных процессов в НКР с проблемой урегулирования. «Мы имеем хороший прецедент — выборы в местные органы управления, когда мэром Степанакерта стал кандидат от оппозиции, то есть Карабах сумел доказать, что способен спокойно регулировать демократический процесс.

«*Карабах и сегодня в состоянии спокойно отрегулировать выборный процесс — невзирая на влияние, может быть, и внешних сил.*»

Конструктивный процесс в Нагорном Карабахе не может вызвать деструкции в Армении — проведение выборов в рамках закона наилучший путь избежать деструктивных проявлений за пределами республики. Понимание этого в Нагорном Карабахе есть», — заявил Саркисян.

А может ли конструктивный процесс в Нагорном Карабахе вызвать деструкцию в Азербайджане? Как отмечалось выше, последние предложения армянской стороны по урегулированию проблемы Нагорного Карабаха сделали неизбежным участие представителей непризнанной республики в прямых переговорах с Баку вокруг статуса. Возможный приход к власти в НКР силы националистического толка в данном контексте вряд ли облегчит задачу **Ильхама Алиева**.

Карабахский фактор существенен, но не единственен для Армении и Азербайджана. Очевидно, он может сыграть большую роль при наличии нескольких обстоятельств. Во-первых, как уже упоминалось, это выборы и слабость власти, во-вторых — наличие силы, которая возьмется за раскрутку карабахского фактора. Скажем, по мнению президента Армении, мысль об использовании карабахского фактора для осуществления чьих-либо амбициозных идей сама по себе безнравственна. Но тем не менее... Сказанное президентом Армении неприменимо для внешних сил, не испытывающих к проблеме Карабаха абсолютно никаких возвышенных или патриотических чувств.

Говоря о внешних силах, стоит вспомнить нападки на посла США в Азербайджане **Рино Харниша** со стороны провластных парламентариев. Его обвиняют в подготовке «бархатной революции» в Азербайджане, а некоторые требуют объявить его персоной нон грата. Комментируя перспективы революции в Азербайджане, руководитель департамента внутренней политики администрации президента Азербайджана **Али Гасанов** отмечает, что «любая революция — это стремление широких слоев населения изменить политический и экономический курс государства. Ее успешное проявление возможно, как известно, при реализации достаточно популярного принципа «низы не хотят, а верхи не могут». Однако интенсификация «третьей демократической волны», наблюдаемая в странах Восточной Европы, а теперь и Средней Азии, актуализировала, к сожалению, иной для нашей социальной действительности тезис: «Кто платит — тот и заказывает музыку».

«*Стало очевидным, что революции в ряде случаев являются не только проявлением стремления широких слоев населения изменить существующий политический порядок, но и четко спрограммированной стратегией, направленной на установление извне качественно нового порядка».*

Возможна ли революция в Армении или Азербайджане? Ответ на этот вопрос зависит, как это ни парадоксально, от властей этих стран. Риск быть свергнутым пропадает, если «вовремя начать играть именно ту музыку», кото-

рую желают, но еще не успели «заказать» и «оплатить» имитаторы «третьей демократической волны». **Роберту Кочаряну** и **Ильхаму Алиеву** важно будет предугадать этот самый заказ. Задача азербайджанского президента выглядит гораздо более сложной — поскольку нефть, карабахский фактор, перспектива дислоцирования военных баз США и позиция соседнего Ирана, политические интересы Турции и России создают достаточно широкий выбор аккордов. Этим во многом и объясняется политика Ильхама Алиева, прикладывающего максимум усилий для популяризации конфликта, переноса обсуждений в различные международные структуры, хотя в действительности корни решения проблемы необходимо обсуждать именно с общественностью Азербайджана. Существует понимание, что карабахский фактор в нынешнем состоянии может быть разыгран против азербайджанских властей именно западными технологами, и эмоциональный взвод азербайджанской общественности создает для этого весьма благодатную почву. Немаловажен и тот факт, что оппозиция Азербайджана гораздо свободнее в выборе «заказчика», в отличие от тех же армянских оппозиционеров, которые волей-неволей оглядываются на пока еще доминирующий российский элемент в системе безопасности страны.

Россия — США на Кавказе: Запад — Восток — параллельный перпендикуляр

Присутствие США на пространстве бывшего СССР за последние годы заметно расширилось — в сферу американских интересов вошли крупнейшие ресурсные и коммуникационные инфраструктуры Южного Кавказа и Средней Азии. Наличие фактора внерегиональной державы в политическом и экономическом интересе ближайших соседей диктует Москве необходимость выработки новой региональной стратегии и тактики достижения приоритетов. Официальный контекст американской экспансии — борьба с терроризмом и содействие демократическим процессам, реальная цель — контроль над огромными нефтегазовыми ресурсами Средней Азии и Каспийского региона и обеспечение выгодных маршрутов их транспортировки. Приоритеты американской стороны — отвод энергоресурсов Средней Азии от России и Китая по южному маршруту (через Афганистан и Пакистан к Персидскому заливу) и ресурсов Каспия — по нефтепроводу БТД через Грузию и Турцию в порт Джейхан. Запрет Вашингтона на поддержку коммерческих отношений с Ираном, конфликты в Грузии и блокада Армении со стороны Турции и Азербайджана — факторы, во многом определяющие новую коммуникационную карту Азиатско-Каспийского региона. Проект среднеазиатского (афгано-пакистанского)

трубопровода и наращивание военного присутствия США в Азербайджане и Грузии (буфер для БТД) — основные источники напряжения в американо-российских отношениях.

Большая южнокавказская пробка

Принятое после трагических событий в Беслане решение российских властей о перекрытии КПП «Верхний Ларс» на границе с Грузией и пунктов пропуска на дагестанском участке границы с Азербайджаном с целью недопущения террористов в южные регионы страны, помимо чисто экономических последствий, возымело и политический резонанс. Если откинуть наиболее радикальные высказывания, смысл заявлений в Грузии и Армении сводился к следующему: «пусть это станет для нас большим уроком». Президент Грузии **Михаил Саакашвили** представил в качестве вывода свой призыв к местным экспортерам — приступить к поиску альтернативных рынков и маршрутов, пообещав им в этом деле государственную поддержку. Поиск таких маршрутов будет происходить на фоне фактической закупорки стыков транспортных инфраструктур Грузии и России, невозможности практического воздействия Москвы на реализацию новых коммуникационных программ локального и регионального масштабов, предусматривающих прокладку маршрутов — параллельных южной границе России и перпендикулярных уже имеющимся, но простаивающим коммуникациям.

Хотя бы по этой причине обвинения в адрес Москвы в том, что она преднамеренно затягивает конфликты на Южном Кавказе, как минимум безосновательны. Очевидным и неопровержимым негативом этих конфликтов для Москвы стал практически полный разрыв коммуникационной связи с Южным Кавказом. Более десятка лет простаивает абхазский участок Транскавказской железной дороги, оборвана прямая железнодорожная связь с Ираном и Турцией, полностью прекращено транзитное использование территории Южной Осетии, а Военно-Грузинская дорога (соединяет Россию и Грузию через КПП «Верхний Ларс») не способна в полной мере обеспечить грузопоток из-за непроходимости в

зимний период. Таким образом, полностью оборвана железнодорожная и частично автомобильная связь России с Арменией. Важно отметить, что транзит по территории Южной Осетии (через Рокский тоннель) стал невозможным после новой волны конфронтации в этом регионе и решения грузинских властей перекрыть данный маршрут под эгидой борьбы против контрабанды. В связи с этим закрытие КПП «Верхний Ларс» многие приписали планам Москвы искусственно оживить поток через Рок, что, учитывая интенсивность автомобильного грузопассажирского потока между Арменией и Россией в условиях отсутствия железнодорожной связи, создало бы грузинским властям немало хлопот. В частности, премьер-министр Армении **Андраник Маргарян** в напряженный период простоя «Верхнего Ларса» признал: «Россия четко заявила, что открывать этот пункт пока не собирается, и предложила Армении переправлять грузы через территорию Южной Осетии. Однако с таким вариантом не согласилась Грузия». Тем не менее подобный ход Москвы еще раз свидетельствует о стремлении любыми средствами активизировать коммуникации — российская сторона осознает, что вскоре окажется в цейтноте.

◀ *Лишь в конце 2004 года российской стороне удалось-таки пробить маленькую, но все-таки брешь в коммуникационной пробке на пути к Южному Кавказу.* ▶

Принесла плоды челночная дипломатия министра транспорта РФ **Игоря Левитина** — запланирован запуск железнодорожного паромного порта «Кавказ» — Поти. Однако, как считают эксперты, превращение «Кавказа» в морской порт международного значения сопряжено с серьезнейшими техническими проблемами, решение которых потребует огромных капиталовложений. Известно, что порт «Кавказ» находится на Керченском проливе — самом узком месте между Россией и Украиной. Течение и мелководье препятствуют обработке судов с большой осадкой, требуя серьезных дноуглубительных работ. При этом стоит учесть, что практически все страны Черноморского бассейна имеют возможность обрабатывать в своих портах большегрузные суда (в Грузии — Поти, на Украине — Ильичевк, в Румынии — Констанца, в Турции — Стам-

бул и т. д.), а Россия такой возможности лишена (Новороссийск в этом плане не может составить конкуренцию из-за малоразвитой железнодорожной инфраструктуры).

Значительным прорывом в южном направлении может стать полноценная реализация российско-иранской инициативы Международного транспортного коридора (МТК) «Север — Юг». В рамках МТК Россия в последние годы инвестировала в развитие инфраструктур морских портов Оля (Астрахань) и Махачкала свыше 20 млн. долларов, в 2002–2004 годах РЖД инвестировали в строительство подъездных путей к порту Оля около 100 млн. долларов собственных средств. Иран и Россия на пути к осуществлению проекта Казвин — Решт — Астара общей стоимостью в 600 млн. долларов. Перевозки по МТК «Север — Юг» позволят сократить сроки доставки грузов из России в Иран и Индию с 37 до 13 суток. Все это значительно расширит и ускорит российскую поступь на южные рынки только в одном-единственном случае — если США откажутся от мысли поступить с Ираном по-иракски. Война в Иране, а также возможное, хотя и маловероятное подключение к антииранской кампании Азербайджана фактически сведет к нулю перспективность азербайджано-иранского маршрута.

Параллельный перпендикуляр

В первом полугодии 2005 года запланирован официальный визит президента Грузии **Михаила Саакашвили** в Казахстан. Основная цель визита — обсуждение вопросов транспортировки экспортных и транзитных грузов из Казахстана в направлении Кавказа. Ранее данному вопросу была посвящена встреча руководителей железнодорожных администраций Азербайджана, Грузии и Казахстана, а также глав портов Актау, Баку, Потти, представителей крупнейших транспортных и судоходных компаний трех стран. Казахская встреча явилась логическим продолжением аналогичных встреч в портах Батуми и Потти. Официальный представитель Грузии по этому поводу не преминул заметить, что рост грузооборота между европейскими и азиатскими странами заставляет задуматься о создании альтернативных и конкурентоспособных маршрутов.

Очевидно, Грузия пытается всячески активизировать еще не получивший официального названия, однако географически подчеркнутый МТК «Восток — Запад», который вбирает в себя такие проекты, как строительство железнодорожного тоннеля через Босфор, железнодорожной ветки, связывающей Грузию с Турцией и Азербайджаном, обеспечение прямой связи Батуми (Грузия) — Карс (Турция) и превращение этого грузинского порта в крупный транспортный узел. «Это позволит доставлять грузы по железной дороге до Баку, а дальше паромом в Актау, далее по Казахстану в Китай», — говорит замминистра ИД Грузии. Очевидно, тем же маршрутом грузы будут поступать в обратном направлении до Батуми, а далее на рынки Европы и США. Существующая железная дорога, соединяющая Турцию с Грузией, проходит через Армению, однако простаивает с момента приобретения Арменией независимости в силу конфликта в Нагорном Карабахе и политических ориентиров Еревана.

«*Дипломатические усилия Анкары, Баку и Тбилиси сегодня сконцентрированы на достижении наиболее полного вовлечения казахской стороны в данную инициативу.*»

При этом договоренность о перевалке 20 млн. тонн казахской нефти в направлении БТД считается свершившимся фактом. В первоначальный период это будет осуществляться посредством танкерной транспортировки, однако можно с уверенностью сказать, что в ближайшем будущем о необходимости увеличения объемов загрузки казахской нефти в БТД путем прокладки трубопроводной артерии по дну Каспия Астане будут твердить неустанно.

Именно в контексте обеспечения современной и развитой транспортной и дорожной инфраструктур можно рассматривать направленность программы, представленной грузинским правительством на рассмотрение американской корпорации «Вызовы тысячелетия». Данная программа рассматривается грузинской стороной в качестве одной из главных потенциальных источников иностранной экономической помощи. Следует напомнить, что Грузия наряду с 15 другими государствами, в том числе и Арменией, включена в список кандидатов на получение

средств из фонда в 1 млрд. долларов, находящегося в управлении этой корпорации. При этом американская администрация дала понять, что в фонд «Вызовов» в ближайшие несколько лет может поступить еще несколько миллиардов долларов. По информации ряда источников, в числе приоритетов, представленных грузинской стороной вниманию американских инвесторов, — проект строительства суперсовременной трассы от границы с Азербайджаном до побережья Черного моря, а также прокладка крупных связующих магистралей между портами Батуми и Поты. Примечательно, что вошедшая в список кандидатов Армения, которая сегодня крайне остро нуждается в альтернативных транспортных коммуникациях, представила американской стороне программу реконструкции и обустройства оросительной системы республики, что полностью укладывается в политику Вашингтона, видящего будущее Армении в качестве маленькой аграрной страны. Этой цели подчинена деятельность Департамента сельского хозяйства США в Армении, которая осуществляет программу содействия маркетинга — беспрецедентную по своей сути на постсоветском пространстве.

МТК «Север — Юг»

Очевидной и безусловной предпосылкой безопасного и эффективного функционирования любого международно-транспортного коридора является наличие политического согласия между его участниками. Если приоритеты Азербайджана и Турции практически тождественны, а Грузии — сопоставимы, то о прочности российско-азербайджано-иранского «политического коридора» можно говорить с натяжкой. Между тем, официальное присоединение к МТК «Север — Юг» единственного в регионе союзника России — Армении стратегической пользы ни самой республике, ни остальным участникам МТК не сулит. Автомобильная магистраль между Ираном и Арменией пролегает через Каджаранский перевал местами на высоте свыше 2000 метров над уровнем моря. Недавно Армения и Иран решили отказаться от идеи прокладки каджаранского тоннеля. Взамен было озвучено сразу две перспективы — прокладка второй

магистрали от приграничного города Мегри вглубь Армении и строительство железной дороги между двумя странами. Осуществление второго, наиболее значимого проекта видится экспертами в крайне туманном свете. Тем не менее, огромный потенциал Армении, имеющей четыре железнодорожных выхода (из пяти стран региона, за исключением Азербайджана и Грузии, прямой железнодорожной связи между остальными участниками не существует, кроме как через Армению), остается нереализованным, что не может исходить из интересов ее партнеров. Россия и Иран оказались объективно не способны облегчить задачу Армении и воплотить ее транзитный потенциал.

« ***В ближайшей перспективе узловой страной останется Грузия, а возможное строительство железной дороги из Турции через Грузию в Азербайджан сделает ее крупнейшим коммуникационным перекрестком.*** »

Что касается Азербайджана, то эта страна продолжает находиться под политическим патронажем Турции, а ее взаимоотношения с Россией, периодически подталкиваемые со стороны Баку в позитивное русло, призваны в большей мере обслуживать проблемы карабахской повестки. Что касается экономической интеграции Азербайджана и России, то и здесь впечатляющих результатов не достигнуто. Между тем, это единственная страна на Южном Кавказе, имеющая с российской стороной равнинное и более или менее стабильное транспортное сообщение. О российских делах в Азербайджане можно судить по перипетиям участия «ЛУКОЙЛа» в нефтегазовых проектах в этой стране. После конфликта с местными властями в 2001 году российский концерн, по сути, свернул свои проекты. В этом контексте довольно показательна динамика использования российских трубопроводов для прокачки азербайджанской нефти. В период с 1999 по 2004 год объем азербайджанского нефтяного экспорта по российскому маршруту снизился с 2 млн. тонн до 300 тыс. тонн. Таким образом, российский бизнес в Азербайджане переживает не лучшие времена, основной сферой влияния остается газовая отрасль.

Железнодорожное сообщение отсутствует сегодня и между Россией и Турцией. Намечившееся в последнее время

сближение позиций двух государств, вероятнее всего, не дойдет до координированных действий, направленных на сбалансирование ситуации на Южном Кавказе, в том числе в Грузии и Абхазии, и, как итог, оздоровления существующих транспортных коридоров по северо-южному направлению. При этом не исключены крупные совместные проекты в сфере поставок российского газа и электроэнергии, что более носит коммерческий характер.

Очевидно, стратегической задачей российской политики в Кавказско-Среднеазиатском регионе является решение проблем с Грузией, а также максимальная экономическая интеграция с Казахстаном. Прокладка политического коридора в сторону Южного Кавказа нереальна при наличии острых разногласий с Тбилиси. При этом российская сторона отдает себе отчет в том, что решение абхазского конфликта по грузинскому сценарию не только не способствует налаживанию реального диалога с Грузией, а просто приблизит южный рубеж и станет фактической потерей выхода в порт Сухуми. Что касается среднеазиатского направления, то многое прояснится после президентских выборов в Киргизии, намеченных на октябрь 2005 года, и в Казахстане — на начало 2006 года. Цветные мотивы, на этот раз с азиатским акцентом, с приближением этих дат звучат все настойчивее.

ВОСТОК — ЗАПАД: НОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Последний козырь Буша, «азиатская черепаха» и российский «разворот»

Любая власть, претендующая на глобальную гегемонию, старается разыграть сразу четыре козыря — экономический, политический, военный и культурно-идеологический. Карты эти котируются по-разному и используются в особом порядке...

Колосс на глиняных ногах

С некоторых пор экспансия США на восточноевропейском и азиатском направлениях воспринимается не как логический результат политического господства, а лишь как средство удерживания падающего в котировке политического козыря. На политический имидж давит и беспрецедентный экономический спад, вынуждая неоконсерваторов идти на радикальные и рискованные авантюры. Промышленность США питает во многом обреченные экспортные статьи, а традиционные американские ниши, такие как электроника и сельское хозяйство, на международном рынке вытесняются более гибкими экономикками — Китая, Бразилии... Общий долг США в годовом разрезе возрос на 8,7%, достигнув 7,62 трлн. долларов. По свидетельству экспертов, практика финансирования бюджетного дефицита за счет продажи государственных облигаций и постепенного увеличения ставки Федерального резерва

не столь уж эффективна. Если в 2000 году бюджет США был исполнен с профицитом в 1%, то по итогам 2004 года дефицит бюджета приблизился к пятипроцентной планке. Таким образом, всего за четыре года, с легкой руки администрации Буша, США умудрились превратиться из кредитора в чистого заемщика. Торговая политика американской администрации стала причиной напряженности в отношениях со странами ЕС, вынуждая последних всерьез рассматривать возможность применения к американской стороне санкций.

Неутешительно обстоят дела и на идеологическом фронте. Отсутствие оппонента в лице СССР лишило США основного аргумента успешного освоения роли флагмана «демократического мира».

Но данные реалии, по всей видимости, не остудят, а подстегнут США к ведению еще более агрессивной внешней политики.

«Проще говоря, Вашингтону не остается ничего, как обратиться к единственной все еще действенной карте — военной.»

Расходы на оборону, утвержденные Конгрессом на 2005 год, составили 422 млрд. долларов, еще 10 млрд. выделено на продолжение программы ПРО и 25 млрд. — на проведение операции в Ираке. Согласно некоторым источникам к 2007 году военные расходы американской администрации достигнут 450 млрд. долларов, что практически превысит расходы на те же цели всего остального мира.

Именно под эту политику подгоняется сегодня и идеологическая база. Лексикон американских функционеров постоянно пополняется новыми девизами, над выработкой которых неустанно работает государственная машина. Наиболее характерными проводниками военной диктатуры США в последний период стали выражения «ось зла», «государств-изгой», «война с международным терроризмом».

Односторонние методы и средства, применяемые американцами в процессе расширения ареала, уже адекватно воспринимаются большинством субъектов международного сообщества, буквально диктуя им необходимость наращива-

ния собственного военного потенциала, а некоторым — и форсирования разработки оружия массового поражения (ОМП), как единственной возможности сдерживания агрессии. В этом контексте наиболее показателен пример Северной Кореи, которая под нарастающим давлением США прямо заявила о наличии ОМП и в одностороннем порядке вышла из четырехсторонних переговоров по соответствующей проблеме. В среднесрочной перспективе не будет сюрпризом услышать такую же заявку от руководства Ирана, поскольку, как оказалось в случае с соседним Ираком, неoblладание ОМП не только не освобождает от обвинений американской стороны, но и добавляет шансов на западную военную интервенцию. Еще одним тревожным звонком для Буша стал тот факт, что его администрации так и не удалось заручиться поддержкой стран ЕС, а главное Великобритании, для оказания массивного давления на Иран. Помимо этого, на примере Ирака стало ясно, насколько США беспомощны, имея дело с национальными мятежами. Результатом этой беспомощности и стал курдский вопрос, который заметно охладил отношения Вашингтона с основным проводником его интересов в регионе — Турцией. В создавшихся условиях дальнейший нажим американской стороны на страны Евразийского континента с акцентом на военную составляющую начинает приобретать привкус безрассудства.

Одной из ключевых проблем в американо-российских отношениях продолжает оставаться деятельность США на пространстве бывшего Советского Союза. Эксперты констатируют, что концептуальных изменений в американской стратегии в отношении России — правопреемника СССР, но государства, объективно осуществляющего национальную политику, нет и в ближайшее время не намечается. В сферу приоритетов США за последнее десятилетие вошли Прибалтика, Украина, Белоруссия, Молдавия, а также Кавказ и Центральная Азия. В связи с этим справедливо было бы предположить, что нейтрализация СССР не являлась для США самоцелью, а лишь необходимым условием для достижения некоей более глобальной цели. Такая довольно четко обозначена еще в начале прошлого века английским экспертом Хэлфордом Макиндером, кото-

рый в концепции «Географическая ось истории» выделял такое понятие, как «серединная земля», или *Hard Land*, охватывающее практически все евразийское пространство. «Кто контролирует *Hard Land*, тот контролирует весь мир», — считал он, утверждая при этом, что для сохранения баланса сил на Евразийском континенте необходимо создать «блок независимых стран, расположенных между Германией и Россией». Эти теоретические планы на практике призваны решать вполне осязаемые экономические задачи.

«**Военное доминирование в Евразийском регионе позволяет обеспечить доступ к основным нефтегазовым ресурсам Каспийского, Азиатского и Ближневосточного регионов, а также взять под контроль основные коридоры транспортировки этих ресурсов.**»

Ради успешного отвода энергоресурсов Средней Азии от России и Китая по южному маршруту (через Афганистан и Пакистан к Персидскому заливу) и ресурсов Каспия — по БТД через Грузию и Турцию в порт Джейхан для США оправданы любые средства, в том числе открытое военное присутствие, а в случае необходимости и агрессия.

Справедливо полагая, что итоги политики США в узловых странах континента (Иран, Ирак, Сирия, Афганистан, Ливан), а также стратегических регионах (Восточная Европа, Кавказ, Средняя Азия) станут индикатором результативности большого американского вторжения, за развитием событий внимательно следят Китай и Россия. Параллельно эти страны стараются использовать «смутные времена», а российская сторона еще и рекордные цены на нефть, для достижения экономической независимости, что в итоге позволит проводить более концентрированную внешнюю политику.

Формальным проводником американских интересов в Евразии можно считать Европейский союз. Несмотря на это, некоторые страны ЕС, особенно после вторжения США в Ирак, пытаются оказать хоть какое-то противодействие американской машине. Между тем, тенденции, связанные с оккупацией Ирака, высветили главный недостаток такого образования, как ЕС. Пытаясь создать влиятельное и экономически силь-

ное объединение, главные европейские страны просто утратили возможность вырабатывать и осуществлять национальную политику. Допустим, если позиция Великобритании и Италии склонялась в пользу вторжения в Ирак, то Франция и Германия были не в восторге от этой идеи. Однако единая позиция ЕС оказалась предрешена во многом благодаря позиции новых членов ЕС из числа стран Восточной Европы, которые совершенно слепо проводят американскую политику, чаще всего без оглядки на интересы самой Европы. Польша, страны Прибалтики, Болгария, Чехия и т. д., а в скором будущем, возможно, и южный проамериканский дуэт Грузия — Турция просто не оставят шансов Старой Европе на осуществление проевропейской политики. Вместе с тем, даже в этих условиях европейское сообщество все больше склоняется в пользу диверсификации политических векторов, о чем свидетельствуют идеи создания собственной системы безопасности в виде европейских сил быстрого реагирования и отмены эмбарго на поставку европейского оружия Китаю.

«Азиатская черепаха»

«Пока США поглощены международной войной против терроризма, Китай пользуется моментом для укрепления своих политических позиций», — говорит бывший посол США в Китае **Стэйплтон Рой**. По его мнению, «Пекин бросил Вашингтону вызов, который США не могут игнорировать — мы уже не являемся единственной державой, доминирующей в регионе, мы лишь одна из очень важных держав, но лишившаяся возможности единолично направлять ход событий». «В Азии появляются альтернативы», — говорит дипломат.

О том, что Китай в скором времени громче заявит о своем видении регионального расклада, говорит и опубликованный китайской стороной сразу же вслед за Госдепартаментом США отчет о правах человека — только не в мире, а именно в США. В частности, Пекин обвинил США в многочисленных нарушениях прав человека, начиная от преступности и нищеты в собственной стране и до пыток заключенных в иракской тюрьме «Абу-Грейб». В докладе содержатся обвинения в адрес Пентагона «в массовых

убийствах гражданского населения в других странах», а также «в пытках заключенных и военнопленных». «В 2004 году зверства американских военных в отношении иракских военнопленных выявили темную сторону положения с правами человека в США, — говорится в этом докладе. — Этот скандал стал шоком для всего мирового сообщества, решительно осудившего действия американских военных. После этого Госдепартамент США снова пытается выступить в роли «мирового полицейского в области прав человека». В докладе также говорится о том, что «расизм имеет очень глубокие корни в США, что богатые манипулируют политикой этой страны, а американская избирательная система не более чем «соперничество денежных мешков (Сиби-эс).

Довольно внушительны и экономические претензии Китая. Как полагают эксперты, в условиях фиксированного курса национальной валюты — юаня китайская экономика просто растет на американских бедах. Ежегодный объем китайского экспорта в США приближается к отметке в 100 млрд. долларов.

«Именно рост экономического могущества Китая, по оценкам экспертов, может стать причиной подрыва региональных позиций США.»

Огромный рынок сбыта — Китай за последнее десятилетие трансформировался в страну с рыночной экономикой. Вступление в ВТО еще более упрочит позиции Пекина на международном рынке, что обеспечит приток инвестиций и выгодные межгосударственные контракты.

Как уже отмечалось, основной козырь Китая — поступательное развитие экономики. На международной политической арене Китай продолжает вести крайне осторожную и взвешенную политику, в первую очередь сглаживая острые вопросы политической повестки с соседними странами. Вместе с тем, наращивая объемы экспорта и инвестируя в американские долгосрочные казначейские облигации, Пекин увеличивает свое влияние уже непосредственно над экономикой США, Вашингтон же пытается установить контроль над странами — потенциальными поставщиками энергоносителей.

лей Китаю, а также альтернативными маршрутами поставок. Именно достижению этой цели, как полагают многие эксперты, подчинена политика американцев в Иране, Пакистане, Афганистане и странах Средней Азии.

В долгосрочной перспективе Китай остается наиболее привлекательным рынком сбыта энергоресурсов. Как отмечается в докладе Международного энергетического агентства, экономика Китая продолжает диктовать повышение спроса и предложения нефти в мире, а также цен практически на все виды сырья — от меди до угля. В прошлом году, потеснив Японию, Китай стал вторым крупнейшим в мире импортером и потребителем нефти, уступая лишь США. Сегодня более трети необходимой Китаю нефти обеспечивается за счет импорта.

По данным Национальной статистической службы этой страны, ВВП Китая растет более чем на 9% в годовом исчислении. Лидерами роста являются производство персональных компьютеров и мобильных телефонов. Китайское правительство вынуждено идти на ужесточение правил кредитования в некоторых отраслях, в том числе в стальной и автомобильной промышленности, с тем чтобы снизить темпы роста экономики. Впервые с июля 1995 года китайский ЦБ в конце октября 2004 года повысил учетную ставку, в результате чего рост промышленного производства, превышающий в 2003 году 20%, уменьшился до 15,7%, а в 2005 году, по некоторым прогнозам, составит не более 13%.

Таким образом, Пекин предпринимает меры по стабилизации экономики, стараясь придать своему развитию стабильный и долгосрочный характер.

Аналитики говорят, что Китаю предстоит пройти долгий путь, прежде чем он сможет потеснить Соединенные Штаты в Юго-Восточной Азии. Очевидно, этот путь будет сопряжен с необходимостью решения главного вопроса — вопроса обеспечения источников и путей поставок энергоносителей. Так что в скором времени политика Китая в нефтеносных регионах Евразии, а также во взаимоотношениях с Россией станет более продуманной и жесткой, и эта страна не будет долго смиряться с агрессивной политикой США в жизненно важных для себя регионах.

Однако уже сегодня Поднебесная рассматривается Вашингтоном как наиболее реальный конкурент на мировой политической и экономической аренах. Как пишет в своей статье о корпоративной Америке независимый журналист **Дэвид Подвин**, «упрямая доктрина Буша заявляет, что США силой воспрепятствуют любой стране, которая попытается поставить под сомнение наше военное превосходство». «Эта пустая угроза предназначена именно китайцам, поскольку, если история позволяет проводить какие-либо аналогии, их грядущее экономической первенство повлечет за собой военное, позволив Китаю вытеснить США как верховного грабителя. Маловероятно, что Буш нападет на Китай. Эта страна гарантирует большую часть шокирующего американского внешнего долга, чье простое манипулирование собственной валютой может потопить нашу экономику. Вместо этого он продолжит охоту на слабые страны, в спешке захватывая их достояние, прежде чем наступит эра китайского господства», — считает Подвин.

Россия — и Восток и Запад...

Существуют лишь две причины, по которым администрация США в 2003 году начала войну против Ирака: это контроль над иракской нефтью и стремление сохранить доллар в качестве резервной мировой валюты. Контроль над Ираком и увеличение объемов экспорта нефти из этой страны позволили бы США обеспечить влияние на Организацию стран экспортеров нефти (ОПЕК). Военное же присутствие в регионе должно было способствовать установлению силового контроля над Саудовской Аравией и Ираном. Вместе с тем, США заинтересованы в том, чтобы все торговые операции с углеводородным сырьем проводились в долларах. Тем не менее, кампания в Ираке далека от завершения, а говорить о стабильном характере экспорта иракской нефти в ближайшей перспективе не приходится из-за периодических подрывов на магистральных нефтепроводах. Следует напомнить, что и Ирак, и Иран были причислены американцами к пресловутой «оси зла» сразу после того, как заявили о своем намерении вести расчеты по нефти в евро.

Не противопоставив ничего, Москва впустила США в зо-

ну своего «мягкого подбрюшья» (Кавказ, Средняя Азия), существенно ослабила свое влияние по западному вектору (Украина, Прибалтика) и встала перед задачей обеспечения своей уже не только экономической, но и реальной безопасности по всему периметру границ. За очень короткий период американское присутствие в Закавказье и Центральной Азии приобретает форму доминирования. При этом уже совершенно ясно, что, проникнув в эти регионы, допустим в Среднюю Азию, под предлогом проведения антиталибской операции, американцы утвердились здесь основательно. То же самое касается Закавказья, где ключевая в коммуникационном плане Грузия оказалась полностью подчинена Вашингтону. Надежды Москвы на интеграционные процессы в рамках СНГ успехом не увенчались. Организация оказалась разорвана изнутри странами членами ГУУАМ — накачанного американскими деньгами антироссийского блока.

◀◀ ***Инспирированные западными технологами «бархатные перевороты» на постсоветском пространстве, поощрение фашистских настроений в Прибалтике способствовали возникновению напряженности на западном векторе российской внешней политики,*** ▶▶

а заодно активизировали среди аналитиков мнения о возможности «резкого разворота» России на Восток и создания стратегического треугольника Россия — Индия — Китай. Подразумевается, что такой альянс мог бы положить начало возрождению многополюсного мира. Однако многие относятся к этой идее скептически, приводя в качестве контрагументов напряженные отношения между Пекином и Дели по пакистанской составляющей, а также ожидаемую между Китаем и Индией острую конкуренцию на азиатском рынке энергоресурсов. Вместе с тем, для Китая и Индии основными торговыми партнерами остаются США и ЕС, доля же России в этом плане незначительна. В частности, доля США в китайском внешнеторговом обороте составляет примерно 37% против 2,1%, обеспечиваемой Россией, пропорция же ЕС—Россия в товарообороте Индии составляет примерно 25 к 1. С другой стороны, бурно развивающиеся экономики Китая и Индии заставляют правительства этих стран строить новые отношения

с Россией, а российская сторона приступила или же рассматривает возможность реализации целого ряда амбициозных энергетических проектов, направленных на увеличение своей доли на азиатском энергетическом рынке. К этому ряду можно отнести решение Москвы о строительстве нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан стоимостью в 10,75 млрд. долларов.

Ключевой страной в энергетической политике России становится Казахстан. В свое время председатель Совета Союза нефтегазопромышленников России **Юрий Шафранник** призывал инвестировать не менее 1 млрд. в год в сектор углеводородов Казахстана. Казахские власти охотно идут на реализацию проектов в нефтегазовой сфере с Россией, предоставляя российской стороне льготные условия на транзит углеводородов в Китай. В частности, Астана заявила, что нефтепровод из Карагандинской области до китайского города Алашанькоу, прокладка которого должна быть завершена в этом году, будет служить для транзита исключительно российской нефти. В январе 2004 года Москве удалось добиться заключения другой важной сделки — «ЛУКОЙЛ» стал обладателем 50% акций по контракту о разделе продукции и разработке каспийского шельфового месторождения Тюб-Караган, запасы которого оцениваются в 100 млн. тонн.

Намного сложнее Москве будет удерживать позиции на европейском нефтегазовом рынке. В частности, российская сторона пытается убедить Назарбаева согласиться на сделку сроком 15 лет, по условиям которой Казахстан обязуется экспортировать по меньшей мере 15 млн. тонн сырой нефти в год через трубопровод Баку — Новороссийск. Успех этой инициативы тем более важен для российской стороны, чем ближе срок запуска нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан и активнее усилия Запада по привлечению в БТД казахстанской нефти. Как известно, с запуском БТД существует реальная возможность приостановки экспорта азербайджанской нефти по северному маршруту. По мнению экспертов, хотя Баку мотивирует непривлекательность северного маршрута тарифной политикой российского оператора компании «Транснефть», однако фак-

тор 50-миллионника БТД, несомненно, является в данном случае решающим. В этой связи эксперты отмечают, что либо Баку — Новороссийск будет работать в реверсном направлении, либо его фактически выведут из игры.

После смены власти на Украине эта страна наряду с Грузией стала одним из основных проводников «альтернативных» нефтегазовых и коммуникационных проектов и идей. В ходе своего недавнего визита в США новый президент Украины Ющенко заявил о планах завершения строительства нефтепровода по маршруту Одесса — Броды, а также о намерении создать газовый консорциум для строительства нового газопровода с «Востока на Запад через территорию Украины». Если российской стороне удалось на время нейтрализовать второй проект — а Ющенко, по всей видимости, говорил о возможности транзитных поставок туркменского газа в Европу через Иран и Южный Кавказ, то транзит каспийской нефти в Европу по нефтепроводу Одесса — Броды уже обрел реальные контуры... Но жизнеспособность маршрута, как и в случае с БТД, будет зависеть от того, насколько активно примут участие в этом проекте страны Средней Азии, в частности тот же Казахстан. В свою очередь российская сторона пытается протолкнуть вариант реверсного использования нефтепровода Одесса — Броды, что позволит сохранить направления и мощности для европейского экспорта российской нефти.

Многообещающим для российской стороны может стать проект строительства нефтепровода Бургас — Александруполис. Для России проект крайне важен: страна терпит убытки из-за ограничений на провоз нефти через Босфор и Дарданеллы. По проекту нефть из России и стран Каспийского бассейна должна доставляться по морю из Новороссийска в болгарский порт Бургас. Оттуда по новому нефтепроводу она пойдет в греческий город Александруполис, а затем в страны Западной Европы. Ориентировочная стоимость трубы составляет 700 млн. долларов. Еще одним внушительным российским проектом может стать строительство грандиозного газохранилища и завода по сжижению газа в Турции. По некоторым данным, крупнейшее в регионе хранилище газа может быть построено

поблизости порта Джейхан, а сама программа станет наиболее дорогостоящей иностранной инвестицией «Газпрома». В условиях объективной «газовой» пассивности Ирана — результат больше американской, нежели российской политики — Россия является основным газовым поставщиком для Турции.

Довольно значительные шаги предприняты Россией и по наращиванию своего влияния в энергетическом секторе ближнего зарубежья, особенно в Закавказье. РАО «ЕЭС» практически контролирует энергосистему региона и вынашивает планы дальнейшей экспансии на юг, для чего планируется полностью синхронизировать работу энергосистем стран региона, а также Ирана и Турции. Совместная армяно-российская компания «Армосгазпром» уже приступила к строительству армянской части газопровода Иран — Армения, запуск которого к 2007 году даст возможность осуществить схему «газ взамен на электроэнергию». С этой целью два российских холдинга («Газпром» и РАО) выступают единым консорциумом и параллельно прокладке армяно-иранской газовой магистрали достроят пятый блок Разданской ТЭС.

Стоит отметить и высокий уровень региональной коммуникационной активности Москвы, результатом чего стал проект «Север — Юг» и запуск железнодорожной паромной переправы порт «Кавказ» — Поти (Грузия).

Несмотря на противодействие США, Москва широко сотрудничает с Ираном в области освоения мирного атома.

Российские власти прилагают немало усилий, чтобы досрочно погасить задолженности перед мировыми финансовыми институтами. К 2006 году Москва планирует полностью выплатить свой долг МВФ, который на 1 января 2003 года оценивался в 6,5 млрд. долларов. Согласно ряду источников Россия планирует досрочно погасить свой долг и перед Парижским клубом кредиторов в размере 43 млрд. долларов. Примечательно сделанное по этому поводу заявление президента Путина. «Россия сейчас уже не нуждается в мощной финансовой поддержке мировых финансовых институтов. В то же время мы готовы принять помощь со стороны Всемирного банка в финансировании

отдельных социальных проектов», — заявил российский лидер, давая понять, что Москва берет курс на максимальную экономическую независимость.

Главным «проколом» Буша может стать Россия

Итак, Москва справедливо осознает, что без реанимации экономики и реализации перспективных проектов политический вес и влияние, в том числе на постсоветском пространстве, восстановить не удастся. Отсюда и несколько невыразительная политика Москвы, действия, похожие больше на выжидание, нежели на активное участие в новом геополитическом переделе. Вместе с тем, существует осознание, что чисто в географическом и коммуникационном плане такие страны, как Грузия, Украина и Казахстан, объективно неотрывны от зоны российского влияния, так что вернуть их в нужную орбиту после преодоления затяжного постсоветского переходного периода Москве особого труда не составит.

Администрация Буша, естественно, отдает себе отчет в том, чем может обернуться для нее «восточный разворот» России. Глава Белого дома осознает также, что Россия заметно улучшила свое экономическое положение и способна если не диктовать свою политику, то, во всяком случае, эффективно сопротивляться внешнему давлению.

«*Однако своеобразностью американской политики, которая в данном случае может возыметь весьма печальные последствия для Вашингтона, является долгосрочность политического и экономического курса и крайне неохотный пересмотр основополагающих приоритетов.*»

Как пишет Рейтер, «Россия нужна Америке. Она уже не является империей, но по-прежнему в состоянии чинить препятствия Вашингтону. Америку и Россию связывают общие интересы в области борьбы с терроризмом и нераспространения оружия массового поражения. Обе проблемы имеют для США первостепенное значение». Примечательно вспомнить по этому поводу заявление Владимира Путина в Братиславе: «По этим направлениям (борьба с терроризмом и нераспространение ОМП) российско-американские отношения являются наиболее стабильными».

риканское сотрудничество не гарантировано, но хотя бы возможно».

Говорить о том, какой вектор развития изберет Россия — западный или восточный, — нелепо, очевидно, что Москва по мере возможности будет развивать абсолютно все направления с использованием всех доступных ресурсов. Несмотря на длительное экономическое торможение, постепенно сменяющееся мерным, но поступательным движением, российский фактор в таких регионах, как Восточная Европа, Средняя Азия, Южный Кавказ и Ближний Восток, остается весомым, а в перспективе может стать и решающим. Вместе с тем, очевидно, что дальнейшее наращивание США военной экспансии на Южном Кавказе и в Средней Азии, финансирование военно-политических блоков наподобие ГУУАМ, инспирирование переворотов с внедрением антироссийских правительств и программ может стать причиной пополнения уже и так довольно представительного антиамериканского форума таким политическим гигантом, как Россия. «Сотрудничество в области борьбы с терроризмом и нераспространения оружия массового поражения между США и Россией — возможно...» — говорит Владимир Путин. Но сотрудничество может и не состояться, поскольку стремление к «новому мировому порядку» по американскому видению в перспективе обещает стать поводом лишь для ускорения гонки вооружений, вынуждая многие страны к приобретению оружия массового поражения, подъема терроризма и обострения исламского радикализма, усиления кризисных тенденций в мировой экономике. Вместе с тем, военная активность американского фактора может привести к эскалации региональных и этнических конфликтов, внутривосточной дестабилизации во многих странах и целых регионах. По-видимому, неоконсервативная Америка, пытаясь опередить момент создания второго полюса силы, не берет в расчет вероятность такого рода последствий. Если это так, то итоги американского «мессианства» могут стать действительно плачевными для всего человечества.

Фронт против России: направления агрессии

Исходя из контекста событий последнего года совершенно очевидно, что, несмотря на все усилия президента России по интеграции страны в данный общеевропейский дом, в результате международного празднования Победы над фашизмом в Москве 9 мая 2005 года страна окажется в глубокой международной изоляции. Народам России придется выдержать жесткое политическое и дипломатическое давление со стороны Евросоюза, организованное восточно-европейскими странами «новой демократии», примкнувшими к ним проамериканскими странами и политическими течениями Старого Света. Впрочем, события не ограничатся только внешнеполитической плоскостью, многие процессы будут происходить в геополитике, они будут направлены на изменение основ государственности России и, как следствие, на распад страны.

Несмотря на то что реализация такого сценария кажется пока «фантастической», мы можем вспомнить, что с момента письма эстонской интеллигенции, потребовавшей суверенитета Эстонии в рамках СССР, — первого политического акта, направленного на дезинтеграцию СССР, до окончательного его распада прошло менее трех лет. Очевидно, что за последние семнадцать лет не стояли на месте и политтехнологи, и поэтому убежденность посещающих Россию эмис-

саров «**Фридом Хаус**», что уже в 2007 году произойдет досрочная отставка **Владимира Путина** и начнется процесс распада России, скорее всего основана на конкретном плане действий.

В данный момент уже практически официально существующих в рамках «марша демократизации» геополитических проектов, направленных на разделение России, несколько. Некоторые из них конкурируют друг с другом, а некоторые, например проект «**Османский ислам под эгидой «просвещенной» Турции**», заморожены в «горячем» состоянии до лучших времен. В Закавказском регионе просто поддерживается состояние нестабильности, видимо, до момента вступления Турции в ЕС. К тому же «Османский ислам» на данный момент менее всего угрожает непосредственно целостности России, так как в российском обществе исторически выработался иммунитет к нестабильности на Кавказе и террористической угрозе из этого региона. Как следствие — современные события в Чечне оказывают влияние на общую ситуацию в стране даже меньше, чем это было во времена службы там **Михаила Лермонтова** и **Льва Толстого**.

Напротив, проекты Киевской Руси и Великой Финноугрии опасны тем, что они позволяют воссоздать в России технологические факторы, похожие на те, которые привели к распаду СССР — политический национальный проект, альтернативный государству (Кремлю), и центробежное национальное движение в регионах. Поэтому к их реализации на территории России приступят непосредственно после 9 Мая, а фактически уже приступили. Оба этих проекта тесно связаны с концепцией восточноевропейского реваншизма.

«*Идеи, лежащие в основе этих проектов, опирались на националистические тенденции Эстонии и Западной Украины и развивались в тесном взаимодействии с «ястребами» госдепа США.*»

Фактически эти проекты являются дополнением и развитием широко известной доктрины **Збигнева Бжезинского**.

Однако важной технологической новинкой этих проектов является то, что в качестве механизмов внешнего управления Россией вместо используемых ранее глобалистских ме-

ханизмов, замкнутых непосредственно на США и подразумевающих наличие России как суверенного государства, будет использован механизм посредника — регионального управляющего. Этот механизм неизбежно подразумевает размежевание российских регионов и переориентацию их геополитических центров на Польшу, Турцию и Эстонию — страны из числа активистов превращения Евросоюза в базовый геополитический проект, призванный обеспечить включение Евразии в однополярный мир — реваншистский Европейский рейх.

Вследствие «балтизации ЕС» (термин К. Косачева) изменились суть и дух этого образования, и сегодня Россия имеет дело с совершенно другим соседом по сравнению с тем, чем был ЕС два года назад, когда было намечено строительство «четырёх общих пространств» ЕС и России. Фактически после процесса балтизации Евросоюз стал агрессивным суперэтническим образованием, ведущую роль в котором играют постсоветские реваншистские страны, поддерживаемые США и наиболее праволиберальными странами Западной Европы. Целью такого обновления Евросоюза было создание в Восточной Европе центров осуществления гегемонии США и распространение политических и мировоззренческих стандартов «однополярного мира» на окружающие эти центры территории: как на Восток — СНГ, так и на Запад — на страны Старой Европы, противостоящие доминированию США.

Данная геополитическая конструкция уже получила в среде российских политических экспертов названия «Санитарной империи» или «Великого лимитрофа», но данные определения не отражают идеологической основы новой европейской геополитики. Вероятно, более точно показывает суть изменений в ЕС недавно появившаяся формулировка «Европейский рейх». Причина того, что данное название кажется наиболее приемлемым, в том, что для изменения геополитической картины Европы использовались не малоизвестные и в целом малопопулярные в Европе идеи американского глобализма, однополярного мира, а инстинкты реваншизма наций, потерявших возможность участия в истории в ходе Второй мировой войны.

Всегда присутствовавшие в европейском политическом поле европейские национал-демократы, усиленные после расширения ЕС реваншистами из Восточной Европы, использовали год нахождения в составе ЕС «новичков» для достижения командных позиций в этом образовании. Получив у многих стран Старой Европы и элит США лицензию на монополизацию восточной политики Евросоюза, они подготовили и общественное мнение Европы, проведя масштабную пропагандистскую кампанию по извращению итогов Второй мировой войны и других «европейских ценностей», лежащих в основе современного сообщества. В результате сегодня, по данным социологических опросов, мы видим, что необратимые изменения в Европе перешли из политической плоскости в общественную. Так, согласно рапорту Центра исследований Евросоюза по расизму и ксенофобии, опубликованному Euobserver, по всей Европе растет число людей, считающих, что мультикультурная модель общества исчерпала себя. С 1997 года заметно выросло и число сторонников высылки из страны легальных мигрантов, особенно их много на Мальте, в Восточной Германии, Греции и Латвии. Между тем новые европейцы из Эстонии стали лидерами по расовой нетерпимости, проявив самое негативное отношение к мультикультурности.

Процесс становления европейского национал-демократизма — новой панъевропейской идеологии — был описан ИА REGNUM уже в начале 2004 года в материале «Пропагандистская война Эстонии против России: Итоги политического сезона 2003—2004». А сегодня, исходя из данных социологии и аналитического осмысления европейских политических процессов, мы вынуждены констатировать, что в современной Европе имеются все социальные и политические предпосылки для рождения нового фашизма. При этом важно учесть точку зрения кандидата исторических наук **Александра Елисеева**, высказавшего на страницах «Русского журнала» идею, что современная фашизация Европы произойдет уже не на основе одной доминирующей нации — нацизма, а мультинационального фашизма «цивилизованных европейских наций». Со своей стороны отметим что идеология мультинационального фашизма реализуется в политиче-

ской концепции европейской национал-демократии, и в основе неофашистской сегрегации будет лежать произвольно определяемая национал-демократами и правыми, составляющими класс «брюссельской бюрократии», принадлежность к «иудео-христианским духовным корням Европы». Именно такую формулировку требовали внести в преамбулу Конституции ЕС национал-демократы.

«*Соответственно, изменив принципы своего существования, ЕС изменил и отношение к соседям, фактически превратив их в объект «демократической колонизации», а предложенные России «общие пространства» стали рассматриваться в Европе как инструмент реванша.*»

Для объяснения причин резкого крена всей Европы к агрессивному реваншизму стоит привести слова директора по программам России в германском совете внешней политики **Александра Рапа**, произнесенные им в интервью порталу сообщества политических экспертов России kreml.org: «Новые члены Европейского союза — поляки, прибалты, чехи, венгры — хотят отыграться, желают исторической справедливости. Там живет поколение детей тех людей, которые были уничтожены в сталинских лагерях. Они считают себя оккупированными странами и ищут справедливости. Сейчас они тоже стали архитекторами нового мирового порядка, который должен закрепить роль России как страны, которая проиграла холодную мировую войну. И для них 60-летие окончания Второй мировой войны — не праздник, а начало жуткой трагедии в их истории. Конечно, они испытали на себе фашизм, но по времени это заняло меньше, чем 45 лет коммунизма. Они так сравнивают, а в России этого не понимают. Старый Запад уже пропитан такой историей, как она преподается сегодня. Там Америка победила во Второй мировой войне, а Советский Союз всегда рассматривался как потенциальный враг. Идея о том, что Россия освободила Европу, на Западе не существует, поэтому большинство людей считают, что День Победы в Москве справлять не имеет смысла и зря туда едут политики. Хотя на самом деле разница в видении этой даты, кстати, тоже связана с тем, что на Западе не хотят видеть в России великую державу и победителя во Второй мировой войне. Особенно

это чувствуется в Германии после ее объединения. Германия уже 15 лет не является оккупированной страной. А раньше она была такой, и оккупирована страна была русскими». Употребляемое политкорректным европейцем Раром слово «справедливость», впрочем, уже не абстрактное понятие, так как в ходе ряда политических событий приобрело и материальную, и идеологическую конкретику исторического антироссийского реванша, ведущего к изъятию России как суверенного государства из мирового сообщества.

Стоит кратко перечислить эти события. На переднем крае европейского реваншизма находятся прибалтийские страны Эстония, Литва и Латвия. Напомним, что президенты этих стран уже в 1995 году отказались принять участие в праздновании пятидесятилетия Победы в Москве. В этом году в российском МИДе были убеждены, что теперь Латвии, Литве и Эстонии будет сложнее ответить отказом, поскольку вступление в Евросоюз якобы накладывает на эти страны определенные обязательства, в случае же отказа эти страны будут ожидать международная изоляция. Очевидно, исходя из этого прогноза дипломатов, президент России на саммите в Гааге акцентировал внимание Европы на желательности участия прибалтийских президентов в праздновании Победы. Путин, видимо, надеялся использовать этот акцент как асимметричный ответ на охлаждение отношений с ЕС после украинских событий, тем самым апеллируя к незыблемости послевоенного устройства мира, которое изначально легло в основу идеи общеевропейского дома.

Однако ситуация стала развиваться в обратном направлении. Президент Латвии заявила, что поедет Москву для оглашения особой позиции, а президенты Эстонии и Литвы отказались от поездки в Москву, что не только не привело к политической изоляции этих стран, но наоборот упрочило их международные контакты. Официальные органы Евросоюза отметили, что не могут оценивать решение глав суверенных государств, а лидеры Нидерландов, Великобритании, Ирландии отправили президенту Латвии письма поддержки ее решению открыть миру «правду о справедливой истории». Уже на следующий день после отказа приехать в Москву президент Эстонии, а также президент Латвии направили приглашение пре-

зиденту США Джорджу Бушу посетить Эстонию и Латвию, и МИДы стран начали подготовку к визиту. По одной из версий, визит состоится либо 8, либо 10 мая, что может расцениваться как прямая поддержка со стороны США реваншизма Прибалтики. По последней информации, Буш принял решение посетить 7–8 мая президента Латвии с целью ободрить ее перед демаршем в Москве, туда же, в Ригу, подтянутся и отказники — **Адамкус** и **Рюитель**. Стоит отметить и то, что МИД США начал работу по отмене визового режима для граждан Эстонии. Чуть ранее, 4 марта, выступая в Торговой палате США на встрече послов, государственных чиновников и деловых лидеров, заместитель государственного секретаря **Э. Энтони Уэйн** заявил, что администрация Буша и Государственный департамент США привержены улучшению торговых связей со странами Балтии — Эстонией, Латвией и Литвой. Уэйн призвал деловых лидеров «исследовать стратегические деловые возможности в регионе и, если вы еще этого не сделали, спланировать поездку в страны Балтии до конца этого года».

Естественно, в таком контексте говорить о какой-либо «международной изоляции» стран Прибалтики не приходится, более того, очевидно, что США выступили с активной поддержкой балтийского реваншизма и готовы содействовать их действиям по фашизации ЕС.

«Особенно важно осознать, что кроме официальной поддержки стран ЕС и США на стороне реваншистских сил Европы уже находится общественное и политическое мнение многих стран Европы, подвергшееся массовой антироссийской пропагандистской кампании.»

СМИ Европы и США практически единогласно обвинили Россию и Путина лично в приверженности к сталинизму за отказ признать оккупацию стран Прибалтики и совместную с нацистской Германией «ответственность Советской России за развязывание Второй мировой войны».

Среди результатов данной пропагандистской кампании по переоценке истории особенно настораживают еще два события. Одно из них произошло в стране, население которой, согласно данным социологических опросов, более враждебно, чем во всех странах мира, относится к России и русским.

Однако согласно не поддающейся здравому смыслу логике официальной российской дипломатии и политики относится к наиболее дружественным России странам. Речь идет о последних политических событиях в Финляндии. Финская общественная организация Pro Karelia, одна из многих организаций, выступающих за возвращение Финляндии земель, отошедших к СССР (России) после Второй мировой войны, обнародовала подробную карту «захваченных» территорий и план их передачи Хельсинки. Pro Karelia требует вернуть Финляндии часть приграничных районов Республики Карелия, а также Карельский перешеек с городом Выборг в Ленинградской области и район Печенги в Мурманской области. Финны также настаивают на возвращении контрибуций, которые Финляндия выплатила СССР после войны — примерно четырех миллиардов евро.

Фактически требования финнов — территориальных уступок и финансовой компенсации — идентичны эстонским, латвийским, а также частично литовским и польским претензиям, как и метод их обоснования — искажение истории и утверждение, что Россия как правопреемник СССР несет ответственность за развязывание Второй мировой войны. Согласно исторической версии Pro Karelia, «Зимняя война», в ходе которой к СССР отошла часть финских земель, была частью Второй мировой, в которой Советский Союз изначально выступал на стороне Германии. Они разделяют участие Финляндии в этой войне на три этапа — «Зимнюю войну», «Войну возмездия» (участие на стороне фашистской Германии и оккупация СССР), а также «Лапландскую войну», в которой финны, заключив перемирие с СССР, воевали с немцами. По заказу нескольких общественных организаций в Финляндии были проведены опросы общественного мнения относительно попыток выдвижения претензий к России, в ходе которых выяснилось, что данную идею поддерживает 38% населения страны. И так как Финляндия является парламентской демократией, можно смело утверждать, что на следующих выборах к участию во власти придут политические силы, подхватившие эту идею. Впрочем, реваншисты не хотят ждать, и в поддержку пересмотра границ собрано 100 тыс. подписей. 8 декабря 2004 года депутат

финского парламента от Социал-демократической партии Ристо Куйсма сделал письменный запрос в правительство страны, в котором, в частности, говорится: «Во время Второй мировой войны Советский Союз аннексировал часть территории Финляндии, в том числе Карелию. Сотни тысяч финских граждан потеряли свои дома и земли. Эта великая несправедливость до сих пор остается неисправленной».

Другое и более значительное событие — дебаты в парламенте Германии между ХДС/ХСС и СДПГ о том, как должен держать себя в России федеральный канцлер Германии **Герхард Шредер**. Представитель фракции ХДС/ХСС **Фридберг Пфлюгер**, отвечающий в бундестаге за внешнюю политику, заявил в беседе с «Шпигель Онлайн», что напутствовал Шредера пожеланием использовать «хорошие отношения с Путиным, чтобы прозвучала историческая правда», которая, по его мнению, состоит в том, что 9 Мая для Прибалтики — это не только конец национал-социалистической диктатуры, но и, как видно сегодня, в большей степени начало длительной оккупации тоталитарным Советским Союзом». Не забывает куратор внешней политики Германии и «советскую оккупацию» своей страны, выступая за то, чтобы, отметив роль Красной армии «в борьбе с национал-социализмом», канцлер Шредер должен открыто поднять вопрос о «тех страданиях, которые принесла тоталитарная оккупация восточной половины нашего континента и нашей страны». «Даже если 8 и 9 Мая являются днем освобождения от национал-социализма, тем не менее необходимо указать на то, что для многих людей, например беженцев или военнопленных, в эти дни страдания только начались», — считает член ХДС. Впрочем, реваншизм демократа и христианина Пфлюгера связан не только с историческими мотивами, например, он считает, что присутствие канцлера на военном параде в Москве «должно быть по возможности исключено». При этом он ссылается на два момента: «неперосмысленное прошлое Красной армии и конфликт в Чечне». Таким образом избранник народа Германии на парламентском уровне озвучил основные аргументы возрождения неонацизма в Западной Европе и смычки его с прибалтийским реваншизмом.

Учитывая все эти факты, можно утверждать, что пропагандистская атака нового Евросоюза против России, инициированная и спланированная премьером Эстонии, главой партии национал-демократического толка Res Publica Юханом Партсом более года назад, использовала хорошо подготовленную почву, и после реваншистского демарша новых европейцев 9 мая вступит в окончательную фазу. Очевидно, что будет ускорен процесс признания Европейским парламентом преступности советского строя и на базе этой юридической оценки к России будут применены санкции как к «нераскаившейся» преемнице сталинизма. Россию объявят ответственной наравне с фашистской Германией за Вторую мировую войну, окончившуюся, согласно новой истории, в 1991 году, после обретения независимости стран Балтии. Впрочем, вполне возможны и другие «зигзаги» истории, и дату окончания Второй мировой могут перенести, например, на день победы «оранжевой революции» в Киеве как на окончание постсоветской российской «оккупации» Украины или объявить ее продолжающейся до вывода «оккупационных» войск России из Грузии, что с точки зрения реванша вполне перспективно и позволит уже наверняка призвать современную Россию к ответственности как агрессора.

«Таким образом, можно говорить об уже сложившемся международном реваншистском блоке, который уже получил поддержку из центра однополярного мира и официально перейдет к активным действиям после очередного визита Джорджа Буша в Европу.»

Особо отметим, что если Россия будет действовать и далее в концепции общеевропейского дома, строительства общих пространств, то реальных внешнеполитических рычагов у нее для противостояния этому сценарию нет. Апелляции российских политиков к успешно складывающимся отношениям с Германией и Францией, а вернее с лидерами этих стран Шираком и Шредером, не выдерживают критики. Вопреки архаичному мнению российских дипломатов и политиков, эти страны уже не являются «ведущими» государствами Европы. В связи с усилением проамериканского и правого влияний на политику в ЕС роль Германии и Франции в

Евросоюзе сегодня — скорее роль стран-изгоев. Как пояснила portalу Страна.Ru эксперт парижского Фонда стратегических исследований **Изабель Факон**, сегодня Париж, Берлин и Мадрид вынуждены считаться с новыми, антироссийски настроенными членами Евросоюза во благо его единства. И Германия, и Франция подвергаются жесточайшему политическому давлению со стороны Европейской комиссии, контролируемой европейскими правыми и национал-демократами. Критике подвергаются и их бюджетная политика, и меры по защите национальной промышленности, стремление к созданию энергетической стабильности, внешняя политика, а за социально ориентированную внутреннюю политику, отраженную в макроэкономических показателях, не совпадающую с национал-демократическими либеральными стандартами ЕС, в прошлом году Германия и Франция с трудом смогли избежать крупных штрафов. Поражением бывших ведущих стран Европы стал и провал франко-германского варианта Конституции ЕС, и в результате существенное снижение их роли в принятии решений союзного уровня. Отметим и то, что непосредственно в Германии и во Франции и Ширак, и Шредер подвергаются общественному давлению и массивной критике за их «попустительство» Путину и осуждению за «предательство» процесса распространения демократизации на Россию, что может быть использовано для дискредитации поддерживающих их политических сил на ближайших выборах.

Видимо, как согласно доктрине Збигнева Бжезинского Россия должна быть «задвинута в угол Евразии», так согласно доктрине Буша, не простившего оппонирования Шредера и Ширака концепции однополярного мира, Францию и Германию ждет участь быть задвинутыми в другой угол Евразийского континента, на задворки национал-демократической Восточноевропейской империи. Уже сегодня образовавшуюся четверку Германия — Франция — Испания — Россия обвиняют в попытке раскола ЕС. Вполне возможно, что в случае продолжения курса на сотрудничество с Россией как с партнером, а не объектом политики ЕС, полем для «оранжевых революций» может стать не СНГ, а Германия или Франция.

Таким образом, захватив в ЕС политическую инициативу и изменив понятие общеевропейского дома, превратив европейскую интеграцию в инструмент колонизации постсоветского пространства, реваншисты посчитали возможным выставить России и условия колонизации. Поэтому после 9 мая 2005 года Россия окажется перед фактом нового Мюнхена. Только в этот раз целью сговора элит США и Великобритании с неонацистскими силами Европы и Азии станет изоляция России из западной цивилизации, направленная на разрушение ее территориальной целостности и государственности. Уже можно назвать условия, которые будут выдвинуты России за обратный прием в европейский дом. Кроме уже озвученных территориальных претензий Финляндии и Японии, часть территории Ленинградской и Псковской областей России придется передать Эстонии и Латвии, вопрос о независимости Чечни и возвращении Германии «оккупируемой» Восточной Пруссии также встанет на повестке дня. Кроме того, России будет необходимо компенсировать материальный ущерб, «нанесенный» странам Прибалтики, Восточной Европы и ГДР пребыванием на их территории «оккупационных» войск, и «моральный ущерб, нанесенный оккупацией». Такова будет цена вхождения России в общий европейский дом.

Впрочем, даже при наиболее удачном для реваншистов варианте развития политического давления на Россию «Европейский рейх» сможет только «оторвать кусок пожирнее», что, безусловно, ослабит Россию, но не обеспечит тотального контроля над страной. Модель примитивного внедрения механизмов «внешнего управления», которая будет достигнута в результате интеграции России в неонацистский общеевропейский дом, также не является гарантией удержания России в однополярном мире. Данная модель уже дала сбой в обеспечении «преемника» ельцинизма, и в результате даже абсолютно не радикальной политики президента Путина Россия за минимальные сроки смогла освободиться от основных механизмов осуществления «внешнего управления». Более надежным вариантом является замена самой России более удобными для контроля геополитическими образованиями. Возникновение такой опорной базы, как «Ев-

ропейский рейх», позволило бжезинистам перейти к «оперативным мероприятиям» по реализации на постсоветском пространстве геополитических проектов Киевской Руси и Великой Финноугрии. Эти образования, планируемые к созданию на месте России, будут использоваться в роли колониальных провинций доминирующей в Евразии, сателлитной США национал-демократической Восточноевропейской империи. Безусловно, в отличие от уже фактически реализованной модели «Европейского рейха» данные проекты находятся только в первоначальной стадии, и поэтому их очертания только проявляются, и о конкретике можно говорить только на основании сопоставления фактов с существующими теоретическими разработками.

В период распада СССР конструкторам демократизации удалось создать центр притяжения альтернативного Кремлю национального проекта непосредственно в Москве. Не проводя аналогий с современной политической ситуацией, напомним технологическую особенность процесса распада СССР — в 1991 году в Москве одновременно существовали центры двух альтернативных национальных проектов — горбачевского «обновленного СССР» на базе новоогаревского процесса и ельцинский проект суверенной «Новой России». Все помнят, что после избрания Ельцина президентом России под его эгидой в органах власти РФ консолидировались демократические оппозиционные силы, предложившие народу, уставшему от бессистемных горбачевских реформ, привлекательную идею демократической и суверенной России. То, что национальный проект «Новой России» смог стать точкой сборки активного политического класса, и определило победу Ельцина в путчевском и послепутчевском противостояниях. Победа концепции «Новой России» логически завершилась беловежским стовором и последующим введением на всем пространстве СНГ механизмов внешнего управления. Сегодня, в условиях путинской России, возникновение альтернативного Кремлю национального проекта непосредственно в Москве маловероятно, но вполне возможно в Киеве. Своеобразным политическим манифестом этого проекта можно считать историческую книгу **Александра Бушкова, Андрея Буровского** «Россия, которой не было-2. Рус-

ская Атлантида», в которой множество фактов из истории «русского мира» (формы существования русского народа вне России) творчески обобщено и интегрировано с многочисленными псевдонаучными изысканиями польских, украинских и белорусских сепаратистов-русофобов.

Хотя на данный момент уже существует достаточно обширная аналитика по Украине, которая вполне позволяет составить футурологическую картину киевоцентризма, авторы не позволяют себе прогнозировать распространение политического влияния Киева на Россию, что с точки зрения из «русского мира», к которой уже неоднократно прибегало ИА REGNUM для прогнозирования политических процессов в Восточной Европе, представляется серьезной ошибкой российских политологов. К сожалению, их прогнозы о том, что режим **Виктора Ющенко** замкнется в национальных рамках галицийского национализма, не оправдались, и целый ряд действий президента Ющенко показывает, что национальный проект, реализуемый им на Украине, будет не просто альтернативой России, но Киев станет альтернативой Кремлю и Москве в России. Не повторяя спектр современной украинско-российской проблематики, отметим только моменты, указывающие на эту тенденцию.

Назначение Б. Немцова советником президента Украины стало в некотором смысле фальстартом по распространению политического влияния Киева на Россию. Но этот факт дал прозападной оппозиции в России сигнал о возможности консолидироваться вокруг «демократического» «роевропейского» Киева против «тоталитарного путинизма» Москвы. Эффект от этого сигнала от Ющенко российским либералам можно ожидать в будущем, после получения результатов от реальных шагов киевского режима по созданию на Украине национального проекта «Киевской Руси» как альтернативы Российскому государству со столицей в Москве.

Первым шагом на этом пути стал указ президента, обязавший всех государственных чиновников использовать русский язык. Этой мерой Ющенко не только существенно «замирил» Малороссию, но и создал базу для консолидации вокруг Киева стран, национальное население которых использует русский как основной язык международного общения, — Молда-

вии, Грузии, Азербайджана, Эстонии, Латвии, Литвы. Кроме того, возможность свободно использовать русский язык делает Киев совокупно с европейской интеграцией Украины центром притяжения населения «русского мира» — более чем 5 млн. выходцев из стран СССР, живущих в Европе и сохраняющих принадлежность к русской культуре и ментальности, и примерно пятнадцати миллионов русских в странах СНГ. Отметим, что украинские электронные СМИ уже сейчас покрывают весь «русский мир» и часть России. Поэтому, в результате начала работы в Киеве таких медийщиков, как **Бадри Патаркацишвили**, **Борис Березовский** и, возможно, **Владимир Гусинский**, русскоязычный Киев за короткое время станет серьезной культурной и духовной альтернативой Москве. **Глеб Павловский** уже отмечал «общее убожество» российских средств массовой информации, на украинском фоне создающих «мерзкое варево, которое каким-то образом глотает российская аудитория, но которое просто... дискредитирует Россию за ее границами» и то, что, по его мнению, «передает наше телевидение в сфере масскультуры, тот образ криминальной и распевающей что-то непотребное России — может быть, мы можем себе позволить потреблять внутри, но мы забываем, что это смотрит весь Евровосток, вся русскоговорящая община с ужасом».

К этой точке зрения можем добавить сведения, что

«...попытки внедрения на рынке русской общины Эстонии сетевой ретрансляции российских радиостанций, таких как «Серебряный дождь» или «Русское радио», заканчивались провалом, так как эфирные продукты, создаваемые в России, были неконкурентоспособны по качеству с тем продуктом, который создают в Эстонии местные русские медиаспециалисты.»

Напротив, многие русские специалисты в сфере радиобизнеса из Эстонии привлекались для разработки радиопродуктов и руководства крупными радиостанциями — как в России, так и на Украине. Таким образом, вполне возможно, что медиапродукт, который сможет создать «русский мир» в Киеве, станет мощным средством распространения на территории России soft power Киевской Руси — идеи «демократического»

«русского мира» «без Москвы». Причем под влияние этого процесса попадет не только молодежь, но и российские пенсионеры, сагитированные, например, оранжевой революционеркой Софией Ротару. Конечно, СМИ «Киевской Руси» не смогут соперничать по охвату аудитории с российскими, но вполне смогут отработать на политически активную целевую аудиторию — 10–15% населения, которого, как показала новейшая история, вполне достаточно для реализации любой политехнологической разработки, будь то развал СССР или демократическая революция, подобная грузинской или украинской. Экспорт идеологической экспансии «русского мира» уже начался — и на весьма хорошем качественном уровне. В ближайшее время в Санкт-Петербурге состоится концерт под оранжевым знаменем — «Питерский майдан». Мероприятие проводит принадлежащее Березовскому «Наше радио», уже являвшееся ранее центром молодежной альтернативной, протестной культуры, к которой теперь приложена и идеологическая составляющая.

Следующий удачный шаг Ющенко был не менее эффективным и касался экономического влияния Киева на Россию. Встреча Ющенко с российскими олигархами в том формате, который ранее использовался только во встречах крупного бизнеса с президентом России, показала, что Киев намерен стать центром притяжения российского олигархического капитала и местом для инвестиций доходов, полученных в результате экспорта российских энергоносителей. Безусловным стимулом для переноса экономического центра из Москвы в Киев является стремительная ельцинизация экономики Украины. Термин «ельцинизация» в данном случае используется для обозначения экономической системы, подобной существовавшей в России в эпоху ельцинской «семьи», и обозначает создание особых условий для крупного олигархического капитала, по политической договоренности с властными элитами действующего вне законов страны и соответственно получающего сверхдоходы. В принципе ельцинизация на Украине существовала и при **Леониде Кучме**, но заявления премьера Тимошенко и президента Ющенко о реприватизации, фактический передел собственности, а также приватизация правительства Украины украинскими олигархами показывают, что

ельцинизация экономики при режиме Ющенко усилится. Создание в Киеве «инкубатора» российских олигархов вызовет отток капиталов из экономики России, в которой власти вынуждают крупный бизнес «играть по цивилизованным правилам», а более маленькая емкость украинского рынка будет компенсирована сверхдоходами по личной договоренности с Ющенко и **Юлией Тимошенко**. При этом возникает любопытная коллизия, касающаяся «патриотизма» российского крупного бизнеса и соответствия его интересов интересам России.

«*Сейчас можно уверенно прогнозировать, что в связи с тем, что Украина еще недостаточно стабильна и прозрачна для крупных западных инвесторов, основными претендентами на получение реприватизированной собственности станут именно российские олигархи, призванные Ющенко.*»

Талантливый ход украинского президента, призвавшего под оранжевые знамена российский бизнес, создаст из российских олигархов на Украине «третью силу». Эта сила на Украине всем будет обязана только режиму Ющенко — Тимошенко, что значительно снизит их зависимость от галицийских и киевских олигархов, которые привели этот режим к власти, и позволит использовать россиян как таран против пророссийско настроенной олигархии Восточной Украины. Таким образом капиталы, полученные в результате доходов от разработки российских недр, станут экономической базой для курса Ющенко — Саакашвили на уничтожение территориальной целостности и суверенитета России. **Михаил Погребинский**, директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии, косвенно подтверждает такой вариант развития событий, так как, по его наблюдениям, изложенным на портале Krem1.org: «До сих пор российский капитал ни в какой форме не был проводником российских политических интересов. И есть большие сомнения, будет ли он таковым в дальнейшем, в отличие, например, от корпораций США. Поэтому приглашение российских бизнесменов не следует рассматривать как проявление доброй воли в отношении восточного или северо-восточного вектора политики. Это жесткий прагматический интерес поддержания экономического роста, который требует внешних инвестиций. Инвестиции могут

прийти из России, и им обещана благоприятная инвестиционная среда. С другой стороны, это некий ответ на запрос со стороны российского капитала, интерес которого к Украине увеличился после выборов». Подтверждает подобный прогноз и ситуация в Прибалтике, где бизнес, принадлежащий или зависимый от российских олигархов из так называемых друзей Путина — **Алексея Мордашова** («Северсталь»), **Г. Тимченко** («Сургутэкс») и **В. Богданова** («Сургутнефтегаз»), ради получения прибыли от транзита нефти через порты Эстонии активно сотрудничает с реваншистскими силами, помогая им материально. Например, представители связанного с «Сургутнефтегазом» «Кинекс» даже ведут совместный бизнес с представителями национал-демократических сил по строительству порта в Силламяе, делающего бессмысленными попытки Путина диверсифицировать транзитные потоки в пользу России.

Вполне очевидно, что после консолидации в Киеве прозападных демократов, российской олигархии и интеллектуального ресурса «русского мира» оранжевый режим вполне будет в силах стать координационным центром революционных преобразований в России. Но кроме того Киев станет геополитическим центром притяжения для традиционных славянских регионов России, которые будут искать у Киева стабильности и защиты от национальной революции в финноугорских регионах Российской Федерации, которая возникнет в результате реализации европейскими реваншистами проекта «Великая Финноугрия». Однако для анализа данного проекта стоит вернуться к уже упомянутому ранее проекту «Османский ислам», который хотя и не является объектом пристального рассмотрения в данном тексте, но некоторые его движущие силы и аспекты важны для понимания процессов, которые могут возникнуть в финноугорском мире России.

Безусловно, общим местом этих проектов является распространение реваншистской идеологии путем переоценки исторических фактов. Обращает на себя внимание схожесть пропагандистской методики, которая использовалась в Эстонии для превращения эстонских эсэсовцев, осуществлявших геноцид русских, белорусов и евреев, в борцов за свободу Европы, как они официально теперь именуется в Эстонии, и методи-

ки по переоценке роли Турции в геноциде армян. Очевидно, что пересмотр этого факта откроет идеологическую основу для возвращения Турции реваншистской гегемонии в рамках максимальных границ Османской империи. Схожесть реваншистских политехнологий, используемых для пересмотра истории как в Прибалтике, так и в Закавказье, позволяет предположить, что они имеют единый источник. Подтверждает это предположение и то,

«...что действия по усилению роли США как в Прибалтике и финноугорских регионах России, так и Закавказье, происходят с участием одного и того же достаточно одиозного в своей нещерной русофобии персонажа — американского политехнолога Пола Губла.»

Шеф-редактор закавказской редакции ИА REGNUM **Виген Акопян** представил подробную справку о деятельности Губла в зоне нагорно-карабахского вооруженного конфликта. Отметим, что справка В. Акопяна фактически очерчивает многие контуры и стратегическую основу уже упомянутого нами геополитического кавказско-азиатского Османского ислама под эгидой «просвещенной» Турции и подтверждает предположение о временной «заморозке» этого проекта. Несмотря на то что в справке не отражены основные механизмы осуществления экспансии этого проекта на территорию России, она в полной мере дает представление о нем.

По мнению Акопяна, конфликт вокруг Нагорного Карабаха и события в странах Прибалтики, хотя бы исходя из хронологии, смело можно назвать катализаторами распада Советского Союза. Как он отмечает, на первый взгляд что может быть общего между армяно-азербайджанским противостоянием и тенденциями на побережье Балтики — ничего. Разве что историческая полемика да прибалтийские делегации, время от времени навещающие страны Южного Кавказа и предлагающие воспользоваться их путеводителем в Европу и НАТО. Есть, правда, еще один фактор, задающий в равной мере важную роль в политиках стран Южного Кавказа и Прибалтики, — это фактор соседства с Россией. Аналогично соседство со странами этих двух регионов создает задачи для российской политики. Тем не менее, мало кто из российских полити-

ков или технологов занимался в равной мере проблемами Кавказа и Прибалтики, мало кто из них рассматривал темы Кавказ — Россия и Прибалтика — Россия в связке или по очередности. Неудивительно, откинув досужие разговоры о региональном сотрудничестве, практической пользы для решения, допустим, карабахской проблемы или культурно-этнографических проблем Прибалтики такое совмещение вряд ли сулит. Другое дело — западные технологи, смело маневрирующие как на Южном Кавказе, так и в Прибалтике с одинаковыми лозунгами демократии и мирного сосуществования наций и народностей, но на самом деле имеющие объектом непосредственно Россию, а целью — деформацию российского фактора вне зависимости от местных нюансов и особенностей.

В самый разгар карабахского противостояния, в 1992 году, когда события грозили, а потом и вылились в крупномасштабные бои с применением бронетехники и тяжелой артиллерии, американский политолог, сотрудник Государственного департамента США Пол Губл выдвинул «собственный» план урегулирования конфликта, названный в честь творца «планом Губла». Идея П. Губла по сути сводилась к территориальному обмену между Арменией и Азербайджаном. Одним из принципов, которым руководствовалась и руководствуется Армения на всем протяжении переговоров по урегулированию карабахской проблемы, является недопустимость дальнейшего пребывания Нагорного Карабаха в состоянии анклава. Связь между Арменией и Нагорным Карабахом сегодня обеспечивается так называемым Лачинским коридором, который соответственно пролегает через населенный пункт Лачин. Как в период активных боевых действий, так и сегодня связь с Арменией через Лачинский коридор является важнейшей составляющей безопасности населения Нагорного Карабаха. Учитывая данную особенность, П. Губл предложил оставить за Арменией и Нагорным Карабахом Лачинский коридор, предоставив взамен Азербайджану коридор в сторону Нахичевани по территории южного Мегринского района Армении. Ключевой геополитической особенностью, обусловившей 10-летнее тиражирование плана Губла, стала государственная граница Армении с Ираном протяженностью в 42 км, пролегающая именно на

острие мегринского клина. Важно при этом отметить, что в отличие от Нагорного Карабаха Нахичевань не является анклавом, ибо, хотя и отрезанная от Азербайджана, она, помимо Армении, граничит также с Турцией и Ираном.

Чтобы понять подтекст инициативы Гоубла, достаточно напомнить, что начиная с 1991 г. Россия не оставляла активных попыток содействовать прекращению огня в зоне карабахского конфликта. Практически все инициативы Москвы в этом направлении пользовались поддержкой Ирана. Некоторая монополизация посреднической миссии Россией явно не устраивала западных игроков, которые прилагали определенные усилия, направленные на расширение формата посредничества — даже ценой торпедирования договоренностей сторон, достигнутых под эгидой МИД России. В данном контексте план Гоубла исключительно показателен, поскольку непосредственно раскрывает цели, которые преследуются или во всяком случае преследовались Вашингтоном в карабахской головоломке. Ключевое место в них отведено Ирану, а точнее контролю над его северной границей. Осуществление плана Гоубла предполагало бы помимо создания коридора между Азербайджаном и Нахичеванью и его охрану неким миротворческим контингентом, в состав которого обязательно (с поддержки того же Азербайджана, а еще вернее, Турции) вошли бы представители США или патронируемой ими организации, допустим, НАТО. По сути же, миссия этого контингента свелась бы не к обеспечению безопасности коридора, а к контролю за армяно-иранской границей. Во-вторых, коридор через юг Армении наконец связал бы Азербайджан с Нахичеванью, а значит и с Турцией, что мгновенно создало бы качественно иную региональную ситуацию. В-третьих, такой коридор наглухо бы прикрыл все перспективные планы по экспорту иранских энергоносителей в северном направлении, а заодно открыл бы возможность для прокладки нефтегазовых трубопроводов для прокачки каспийских ресурсов по оптимальному маршруту. И, наконец, в случае принятия плана Гоубла Армения оказывалась в окружении проамериканских государств, что неминуемо бы привело к снижению значимости стратегического партнерства с Россией. Все это в Ереване прекрасно понимали. Осуществлению плана Гоубла воспротиви-

лось как тогдашнее руководство республики, так и оппозиционные и общественные круги Армении.

Попытки протолкнуть план в той или иной модификации американцы не оставляли вплоть до ухудшения здоровья **Гейдара Алиева**. Его сын, пришедший к власти через погромы в Баку и под лозунгом «освободим Карабах от оккупантов», оказался связан предвыборными обещаниями, и реально не в состоянии подготовить азербайджанское общество к неминуемым компромиссам. Неправильно поймут и президента Армении Роберта Кочаряна, если он вновь оживит тему территориального обмена. Можно с уверенностью сказать, что план Гюбля до поры до времени вышел из оборота, а вместе с тем, не видя пока благоприятных перспектив, на время отошли в тень от процесса урегулирования и сами американцы. Однако это не мешает им планомерно наращивать напряжение вокруг возможного военного базирования в Азербайджане (некоторые источники утверждают, что такого рода мобильные группировки уже присутствуют на азербайджанской территории), а заодно зондировать оппозиционную почву в обеих странах на предмет обнаружения перспективных кадров. На время притихла и прыть американцев в направлении армяно-турецкого примирения. Последние заявления посла США в Армении демонстрируют всю серьезность американо-турецких разногласий.

Подводя итог, можно отметить,

«*...что инициатива Гюбля осталась невостребованной сторонами карабахского конфликта. По прошествии десяти лет вокруг переговоров сложились качественно иные реалии, а сам американский политтехнолог, по всей видимости, решил попробовать свои силы на другом поприще, не имеющем никакого отношения к карабахской проблеме, однако непосредственно затрагивающем интересы России, только уже в другом регионе.*»

Несмотря на то что, как указано в справке Вигена Акопяна, деятельность Гюбля в Закавказье по увеличению влияния Турции и США в этом регионе провалилась, в Прибалтике он приступил к новому геополитическому проекту, реализуемому уже непосредственно на территории России.

Данный проект, так же как и проект «Османского ислама», призван создать второй технологически необходимый фактор для распада России — противостояние и сепаратистское движение в национальных образованиях Российской Федерации. Старт этому проекту, так же как и компании по пропаганде реваншизма в ЕС, дал премьер-министр Эстонии **Юхан Партс**, выдвинув идею об использовании положения российских финноугров для дискредитации в глазах мировой общественности положения с правами национальных меньшинств в России. В качестве трибуны для антироссийских выступлений финноугров России был намечен IV Всемирный конгресс финноугорских и самодийских народов. На конгрессе были задействованы такие политические тяжеловесы, как президент Эстонии, рассказавший российским финноуграм о том, что они вымирают, и латвийский министр по особым поручениям в делах общественной интеграции **Нил Муйжниекс**, который сообщил, что традиционный образ жизни ливов — рыболовство — был уничтожен «советской оккупацией». Однако в итоговую декларацию конгресса антироссийские поправки, предложенные Эстонией, не были внесены в связи с позицией председателя Государственного совета Удмуртии **Игоря Семенова**, который не согласился оценками о якобы катастрофическом положении финно-угорских национальных меньшинств, данных венгерским профессором **Яношем Пустаи** в основном докладе конгресса. Семенов привел конкретные примеры развития и укрепления позиций удмуртского языка в республике, расширения его использования в удмуртской среде. Созвучен мнению Семенова был и доклад депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа, члена комиссии по региональной политике, члена Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера **Татьяны Гоголевой**, которая охарактеризовала современное психологическое самочувствие народа манси нормальным. Развитие национального самосознания народа манси продемонстрировали сенсационные данные о росте численности манси в России. По данным переписи населения 2002 года, приведенным Гоголевой, по сравнению с данными 1989 года численность манси возросла на 34%. Увеличение численности произошло, по ее мнению, в основном за счет искусственного прироста в связи

со сменой национальности в пользу манси лиц из смешанных семей. Таким образом, выступая на конгрессе, представители российских финноугорских народов убедительно доказали, что ни правовых, ни социальных, ни экономических предпосылок для антироссийских выступлений финноугорских народов в России нет. Впрочем, это не смутило премьера Эстонии Партса, выступившего на конгрессе с антироссийским итоговым докладом, который возмутил делегатов из России.

Однако выводы эстонские реваншисты из хода конгресса, на котором их русофобская атака не прошла, сделали. К расквашке национальной напряженности в финноугорском мире России приступили более опытные специалисты. Например, один из лидеров эстонской «поющей революции», положившей начало развалу СССР, экс-премьер Эстонии **Март Лаар**. Экс-премьер, входящий в топ самых влиятельных политиков мира, широко известен также как автор учебника по истории Эстонии для средних школ, состоящего из набора русофобских мифов и страшилок. Другим опытным участником проекта по дестабилизации финно-угорского мира России стал проживающий после карабахского фиаско в Эстонии Пол Гоубл. То, что Гоубл уже имеет опыт работы по нагнетанию напряженности в точках национальных конфликтов, который он получил в период развала СССР, заставляет отнести к его участию в проекте «Великой Финноугрии» с особым вниманием. Основываясь на данных, приведенных в справке Акопяна о роли Гоубла в карабахском конфликте, можно сделать вывод, что переброска политтехнолога такого уровня, как Гоубл, на «финноугорский фронт» доказывает, что он рассматривается американскими «ястребами» как более перспективный.

В качестве пробного шара американский технолог и эстонский революционер-руслофоб использовали региональный конфликт оппозиции и власти в Республике Марий Эл. Суть и перипетии этого конфликта достаточно освещались ИА REGNUM, и поэтому не стоит останавливаться на их описании, более важно то, что этот конфликт послужил отправной точкой в деятельности Гоубла и Лаара. В появившемся обращении финноугорской интеллигенции мира «в защиту народа мари», посвященном вышеупомянутому кон-

фликту, в его англоязычной версии подпись Гоубла стоит первой, что указывает на инициатора этого документа. Собрав под данным обращением более 6 тысяч подписей, среди которых, впрочем, как позволяет предполагать информация, полученная корреспондентом ИА REGNUM Екатериной Тиме, есть и поддельные, Март Лаар и Гоубл посчитали возможным представить проект по дестабилизации ситуации в финно-угорских регионах России **Джорджу Бушу**, что Лаар сделал во время встречи президента США с представителями стран «новой демократии». По словам Лаара, для представителей администрации президента США и самого Буша «это была новая тема, но, тщательно изучив данные, очень даже заинтересовались этим». М. Лаар также посоветовал эстонским политикам и дальше заниматься данным вопросом. В переводе с профессионального жаргона политиков и политтехнологов заявление Лара обозначает, что проект был фактически одобрен и будет получено финансирование. После благословления Буша прохождение данного вопроса на Интергруппе Европарламента уже было чисто техническим мероприятием и с одобрения интергруппы вопрос о положении финноугорских народов в России будет вынесен на повестку дня взаимоотношений России и ЕС с целью установления мониторинга Евросоюза в финноугорских регионах России.

Учитывая масштаб ресурсов, подключенных к созданию в России очагов этнической напряженности в финноугорских регионах, можно ожидать первых результатов деятельности тандема Лаар — Гоубл, в первую очередь в Карелии и в Марий Эл, в самое ближайшее время. Во всяком случае, **Игорь Олейник**, консультант главы землячества марийцев в Москве **М. Долгова** в беседе с корреспондентом ИА REGNUM Вероникой Шаровой отметил, что в молодежной среде марийцев, особенно в деревнях, растут экстремистские настроения, которых раньше не было, и считает это ответом на этот административный прессинг главы республики. По его мнению, глава Марий Эл **Леонид Маркелов** создает ситуацию, чреватую серьезным обострением межнациональной напряженности. Хотя Игорь Олейник считает, что пока марийский национализм существует только на уровне молодежных

группировок, этот факт должен вызывать не меньшее беспокойство, так как с технологической точки зрения ситуация в Марий Эл начинает приобретать тенденцию к повторению украинского варианта, где в первом эшелоне революции также шла националистическая экстремистская молодежь.

Налицо и подобная украинской патологическая неспособность властей к адекватному ответу и конструктивным действиям. **Яак Прозес**, президент Форума народов Эстонии и основатель Эстонско-Марийского общества, недавно побывавший в Марий Эл, в Эстонии рассказал, что «местных чиновников охватила массовая эпидемия: они сразу заболели, стоило попросить о встрече с ними. Он хотел разузнать о положении дел в области образования — но мелкий чиновник отвечал, что надо спросить разрешения у начальника сектора, начальник сектора — у замминистра, а тот должен сначала проконсультироваться с министром». Естественно, что на таком фоне утверждение Прозеса о том, что «страх захлестнул республику», не может быть опровергнуто.

Подняв национальный экстремизм в наиболее взрывоопасных регионах России — Карелии, где ведут активную работу финны, и в Марий Эл, курируемой эстонскими реваншистами, проект «Великая Финноугрия» выйдет на возможность реализации стратегических задач, которые намечены в одноименном труде канадского эстонца **Рейна Тагапере**. Однако Тагапере — не только теоретик, по сути его можно считать одним из архитекторов «Европейского рейха», например, как указывал **Уно Лахт**, его идея мягкого апартеида русского населения Прибалтики реализуется не только в Эстонии, но и в Латвии, где его труды пользуются большим уважением. Сам Тагапере непосредственно принимал участие в развитии национал-демократической идеологии Европы. Он считается «крестным отцом» сразу двух реваншистских партий, входящих в Эстонскую палату сотрудничества национал-демократических сил и Европейскую народную партию, — первоначально Тагапере принимал участие в создании партии «Союз Отечества», наиболее известным членом которой является Март Лаар. В качестве следующего политтехнологического проекта Тагапере основал партию Res Publica, лидером которой ныне является координатор пропа-

ганды реваншизма в Европе эстонский премьер Юхан Партс. Справедливости ради надо отметить, что в настоящее время Тагапере отошел от деятельности в этих партиях, так как они стали слишком радикальны даже для изобретателя «мягкого апартеида».

Соответственно идеи Тагапере, которые были изначально заложены в идеологию этих партий, стали жить своей жизнью в среде воспитанных им «неподкупных» национал-демократов, где они гипертрофировались и радикализировались.

«*Сегодня реваншистское наступление на Россию является национальным проектом эстонской политической элиты. Согласно точке зрения членов этих партий, Эстония сегодня показывает пример национальным меньшинствам России, что народ может добиться процветания, только освободившись от «русского гнета».*»

При этом эстонские реваншисты отмечают, что в отличие от Эстонии, не располагающей природными богатствами, финноугорские национальные меньшинства смогут самостоятельно реализовывать свои природные ресурсы.

В книге Рейна Тагапере этой идее уделено особое место. Наличие на национальных территориях финноугорских народов большей части российских месторождений нефти и газа (таких как «Юганскнефтегаз») и соответственно получение контроля за этими ресурсами можно определить как стратегическую цель эстонско-финского реванша в России. Исходя из этой стратегии концепция «Великой Финноугрии» от Балтийского моря до Ханты-Мансийска получает стройное геополитическое очертание. В ней органично сочетаются как нефтедобывающие районы Северо-Запада бывшей России и бывшей российской Западной Сибири, так и обеспечивающий экспорт в Европу узел, состоящий из Эстонии и возвращенного Финляндии Карельского перешейка. Не вписывающимся в данную концепцию фактором выглядит существование русского Санкт-Петербурга, но так как он расположен на исторических землях ижор и инкеров, «захваченных» Петром I, то к данной территории, по мнению эстонских реваншистов, должен быть применен процесс «деколонизации», на отработку методики которой в качестве эксперимента пока примени-

тельно к русским Прибалтики национал-демократы настойчиво добиваются разрешения у ЕС.

Совершенно очевидно то, что геополитический замысел, разработанный Тагапере в проекте Великой Финноугрии, ликвидирует единственный аргумент для Европы и США в пользу сохранения суверенитета России как государства, обеспечивающего поставку энергоносителей. Соответственно покровительство росту радикального национализма среди финноугорских народов России принесет покровителю в геополитической перспективе не меньший приз, чем военная оккупация нефтяных стран — таких как Ирак или Иран.

Таким образом, при реализации всех трех вышеописанных проектов внешние силы имеют возможность провести глобальный реванш против русской цивилизации и вернуть русский народ в исторические реалии эпохи легендарного Вещего Олега.

Революции не будет

На повестке дня в России — революция. Все общественные силы анализируют ситуацию в терминах «допущения-недопущения» оранжевых вариантов для России. Оппозиционные политики и СМИ говорят о неминувости оранжевого переворота сначала в недоперевернутых странах СНГ (Казахстан, Армения, Узбекистан, Белоруссия), а затем и в России. Участник и инициатор оранжевой активности в разных странах СНГ **Борис Березовский**, со свойственным ему энтузиазмом юродивого, уже обсуждает достоинства и недостатки «будущего президента **Михаила Касьянова**». Между тем никакой оранжевой революции в России не будет.

Глобус Киргизии

Кажущаяся неизбежность «революционного марша» по просторам СНГ порождена наложением внешних и внутренних обстоятельств. Внешние обстоятельства — это глобальный характер вполне технологичного, организованного и ресурсно обеспеченного процесса продвижения демократических услуг на сформированном и тщательно упакованном «всемирном рынке демократии». По сути своей этот процесс воспроизводит в условиях и на технологическом уровне XXI века феномен организации работы Коминтерна — всемирно-

го бюро по экспорту революций, координируемого и финансируемого из единого источника. И наличие в составе «мозгового центра» неоконсерваторов нескольких бывших троцкистов (круг **Пола Вулфовица**) — это, конечно, не причина, а что-то вроде символа преемственности метода.

Отличие между Коминтерном и Глобинтерном («Фондом поддержки демократии») — исключительно техническое. Коминтерн действовал в недрах индустриального мира, его инструментами были тотальная пропаганда и массивная организационная деятельность криминального (конспиративного) характера, опирающаяся прежде всего на механизмы идеологического управления. Постиндустриальная эпоха сегодняшнего дня — применительно к коминтерновской тематике — отличается исключительно конкретными механизмами. Вместо тотальной, массивной идеологической пропаганды — достаточно глубоко разработанные, многоуровневые и диверсифицированные PR-технологии, действующие на разных уровнях восприятия — не только рациональном, но и — прежде всего — эмоционально-психологическом, подсознательном: не только там, где убеждения или вера, а прежде всего там, где мода.

Отличаются эпохи, конечно, и уровнем многообразия технических возможностей распространения информации, а также наличием гораздо более внятных, отрефлексированных подходов в планировании, организации и финансировании работ — своего рода маркетинговых технологий, окончательно превращающих экспортно-революционную деятельность из организации революционного процесса в реализацию революционных проектов.

Однако общего у Коминтерна с Глобинтерном куда больше, чем различного. Во-первых, это — наличие мощного и ответственного набора методов эмоционально-психологической легализации агрессии, создающей массовую иллюзию этической оправданности враждебных действий («освобождение труда» в одном случае, «свобода и права человека» — в другом). Во-вторых, это — наличие предельно четкой системы конкретных интересов (борьба за власть, ресурсы и финансово-экономические возможности во всемирном масштабе). Наконец, в третьих, это — принцип «большевизма» (принципи-

альная установка на формирование агрессивного революционного меньшинства и узурпацию этим меньшинством права выступать от имени большинства и захватывать власть именем большинства). Следует отметить и еще одну важную общую черту двух интернационалов. Коммунисты называли ее «догматизмом и начетничеством». Современный Запад можно обвинить в глобалистской шаблонности, схематизме, стереотипности — которые на бытовом уровне находят свое проявление в смехотворном ханжестве «политкорректности».

«*Сводится сегодня эта черта к попыткам (пока что представляющимся успешными) ставить экспорт демократии на конвейер, реализовывать одну и ту же схему на самых разных территориях, игнорируя глубочайшее различие политических, экономических и культурных условий.*»

В общем, рисовать своего рода анекдотический «глобус Киргизии».

Во всех случаях технология экспорта демократии работает на 1) подрыв действующей государственной власти и разрушение стереотипов гражданского повиновения; 2) возбуждение агрессивных и эмоционально консолидирующих агрессивное и активное меньшинство настроений неповиновения; 3) захват — от имени молчащего и не имеющего ни ресурса, ни мотивации для активности большинства — власти силами недовольных (отставных, опальных) представителей местной номенклатуры в обстановке хаоса и анархии, вызванной публичными акциями возбужденных агрессивных активистов.

Однако в разных ситуациях объекты воздействия — разные. В Грузии и на Украине (а ранее — в Сербии) ситуация близка к канонической: достаточно высокий уровень общественной грамотности, действенность СМИ, наличие развитой и имеющей влияние образованной околономенклатурной прослойки (т. н. интеллигенции), а также наличие значительной группы недовольных выходцев из высших номенклатурных кругов, осмысленно выбирающих ориентацию на Запад как способ реализации собственных реваншистских устремлений. Одновременно важно отметить определенную компактность населения этих стран, его сравнительную однородность. Совершенно иная ситуация — в

Киргизии. Общественного мнения как такового нет (низкий культурный, информационный и экономический уровень подавляющего большинства населения). Элита и околоэлитные круги — при наличии концентрированного недовольства в отношении действующей власти — устроены совсем по-другому (иная структура экономических интересов, ориентация на иные источники влияния — в том числе связанные с азиатскими центрами наркоторговли и др.). В результате все механизмы технологии экспорта революции сработали — но включили неожиданные и неуправляемые процессы. Вместо протестов, имитирующих демократическое восстание большинства — «праздник непослушания», бунт против «начальства и богатых» в крайних, эмоциональных, неуправляемых проявлениях. Вместо захвата власти управляемыми и лояльными представителями вменяемых номенклатурных кругов, обладающих навыками и конкретными рычагами управления — втягивание элиты в непрекращающиеся, центробежные разборки, с неминуемым подключением к борьбе «внешних покровителей» (которых разрозненные игроки киргизской псевдоэлиты будут выбирать себе сами — кто-то в России, кто-то в США, а кто-то в Китае, Афганистане и Пакистане).

Однако схематизм (догматизм) менеджеров экспорта революций пока что игнорирует подобные проблемы, подрывающие самую основу глобалистского подхода к управлению миром. Те же технологии они пытаются реализовать и в Сомали, и в Афганистане, и в Ираке. Везде на первоначальном этапе технологии срабатывают — вырвавшееся из-под пресса авторитарных диктатур народное неповиновение сносит памятники и громит магазины. Но потом начинается тяжелейшая болезнь, в полной мере пережитая на излете коминтерновского проекта руководством СССР — при его попытке обустроить Афганистан (кстати говоря, вполне разумными методами и в борьбе против совершенно реального и опасного врага — источника будущих Бен Ладенов).

Недореволюция

Второй базовой причиной кажущейся неизбежности революционного крушения всех пока еще не свергнутых режи-

мов в СНГ является тяжелейший кризис, который можно назвать кризисом недореволюции. Революция, вопреки марксистской догме — это не смена экономической формации. Это — социально-психологическая катастрофа, крушение системы ценностей, господствующей в обществе, и возникновение на ее месте другой. Вот почему всякая настоящая революция — это прежде всего череда символических действий, будь то переименование министров в наркомы или 7 ноября в 18 брюмера. Она подводит черту под эпохой, которая изжила себя и в которой действующие общественные институты утратили способность к гармонизации общественных отношений.

1991 год стал годом несомненной и грандиозной революции, когда в отсутствие революционных организаций, под воздействием плохо координируемых общественных настроений в течение нескольких месяцев рухнула национально-государственная структура — СССР, — которая еще за пять лет до того воспринималась как нерушимая геополитическая данность, «перестраиваемая» для того, чтобы продолжить временно приостановленный процесс коминтерновской экспансии.

«Коминтерновский проект с его позднесоветскими модификациями надорвался на собственной экономической неэффективности, на пагубности номенклатурной системы элитообразования (начисто лишенной на исходе 1970-х механизмов оптимизации руководства), а также — что очень существенно — на сломе идеологических стереотипов, господствовавших в мире на протяжении пяти десятилетий. Эффективность словарной энергетики коминтерновского проекта в 1920–1960-х гг. безусловно выигрывала на фоне идеологической невнятности «капиталистического проекта». За исключением редких случаев, связанных с появлением харизматических вождей (прежде всего **Франклина Делано Рузвельта** и **Уинстона Черчилля**), западные политики принимали навязанные им Москвой роли «реакционеров», врагов «мира и прогресса», апологетов «капитализма». Социалистическая фразеология была модной среди профессоров, студентов и политиков, а эпохальные социально-экономические успехи «капиталистического общества» остава-

лись фактически не вербализованными и не адаптированными официальной идеологией — идеологией консервативно-охранительной, оборонительной, пассивной.

В массовом всемирном масштабе ситуация изменилась в 1970–1980 гг. — после прихода к власти **Маргарет Тэтчер** и **Рональда Рейгана**. Именно они отказались считать себя «защитниками старого мира», именно они прекратили обвинять коммунистов в том, что те «нарушают принципы коммунизма». «Неоконсервативная революция», вернее, контрреволюция, оказалась успешной, потому что сумела противопоставить изношенному идеологическому ресурсу «Коминтерна» новый словарь, новую логику, новые символы и новые лозунги.

А захиревшая, надорвавшаяся номенклатурно-тоталитарная система рухнула, отвергнув идеологию коммунизма, советскую власть и Союз Республик. Но рухнула, рассыпавшись лишь наполовину. Революция была искусственно приостановлена, заторможена, а население в результате ввергнуто в глубочайшую массовую фрустрацию. Иерархическое устройство советской номенклатуры сыграло с ней и с народом СССР злую шутку. Энергия распада системы была использована для перераспределения власти в пользу нижних эшелонов той же самой партийно-государственной номенклатуры — на ее республиканских и региональных этажах. Сплоченная, соединенная общими стереотипами власти и личными связями, номенклатурная прослойка оказалась не способной предотвратить идеологический крах режима, удержать наиболее одиозные внешние его символы — более того, приняла активное участие в развале «Союзного Центра» с предельно ясной целью: с целью захвата верховной власти, с целью перехода из нижнего и среднего в высший номенклатурный эшелон.

При этом повсеместно (почти) реализовался вариант «номенклатурного недопереворота» — вслед за отменой советских и коммунистических названий и введением элементов рыночной экономики последовали шаги, направленные на укрепление номенклатурного характера власти и недопущение внятной идеологической оценки происшедших событий. Из всех 15 республик СССР реальная десоветизация состоялась только в пяти — в трех прибалтийских, в Армении и в Грузии.

В Прибалтике реальная десоветизация стала результатом формирования новой национальной номенклатуры, сразу же сделавшей ставку на реальную независимость и отказ от советской идентичности. Именно поэтому в этих республиках не подвергались никакому сомнению не только переобразование милиционеров в полицейские, но и радикальные, шоковые реформы ЖКХ в первые же постсоветские годы. С первых же месяцев провозглашенной независимости были сформулированы единые ответы на ряд ключевых вопросов — о национальной государственности (по непрерывности от независимых республик 1920–1930 гг.), о советском периоде («оккупация»), о коммунизме и советской власти («преступный режим»). И самое важное, что на новый язык перешли все участники социально-политического процесса — от новых политических активистов из числа интеллигентов-«народнофронтовцев» до недавних членов ЦК компартий соответствующих республик.

Иные, но тоже последовательные формы десоветизация приняла в Грузии и Армении. Правда, в Грузии после нескольких месяцев бесчинств радикального гамсахурдистского режима осуществилась подлинно народная контрреволюция, и хунта в составе гамсахурдиевского премьера **Тенгиза Сигуа**, криминального авторитета **Джабы Иоселиани** и боевика **Тенгиза Кетовани** возвела на престол под овации народа и интеллигенции многолетнего руководителя советской Грузии **Эдуарда Шеварднадзе**.

«*Но в целом над постсоветским пространством вместо какой-нибудь собственной Статуи Свободы общим для всех символом нависла Фигура Умолчания. Отсутствие внятных, единообразных оценок прошлого, отказ от формирования внятных национальных проектов будущего стали причиной того, что возникшие постсоветские режимы пытались опираться на фантомы, маскирующие идеологическую пустоту.*»

Азиатские режимы в той или иной форме пошли по одному и тому же пути — декоммунизации традиционных номенклатурно-клановых систем власти с сохранением прежних структур, фигур и стиля руководства. В целом «азиатские ре-

волюции» на рубеже 1991—1992 гг. стали контрреволюциями, направленными на искоренение и недопущение впредь любых попыток возрождения «гдьяновской крамолы» — попыток установления централизованного силового контроля над всевластием коррумпированных кланов.

Но и другие режимы — в Грузии, в Молдавии, в Белоруссии, на Украине — не смогли сдвинуться с места прежде всего в подведении осмысленной черты под прошлым. Новые режимы сразу же подверглись атаке «скелетов в шкафах» (в Приднестровье и в Абхазии, в Крыму и в Южной Осетии), но ничего не смогли противопоставить этим атакам, кроме апелляции к нерушимости советских межреспубликанских границ. Следует отметить, что аргументация «сепаратистов» черпала энергию исключительно в той же, советской, символике (и даже **Джохар Дудаев** говорил, что у него остается советский паспорт и что в СССР «свободная Ичкерия» войти бы не отказалась). На попытке отчетливого и последовательного советского реваншизма основал свою власть один из самых устойчивых лидеров в СНГ — **Александр Лукашенко**.

Что касается России, которая до недавнего времени воспринималась в СНГ и в мире в качестве несомненного интеллектуального и политического лидера на постсоветском пространстве, то и там фантастические по своему масштабу социально-экономические и политические перемены совершились как бы исподтишка, по принципу «черное—белое не называть, да и нет не говорить». Символом идеологической нерешительности и шараханий ельцинского режима, запрещавшего КПСС и освобождавшего цены, но так и не решившегося снести Мавзолей и тысячи идиолов-Лениных во всех городах и весях огромной России, стала путинская реформа государственной символики — сталинская старая музыка гимна, номенклатурно-приспособленческий — сталинский же по своему цинизму — обновленный текст, «белогвардейский» флаг, двуглавый орел и — отдельно — армейское красное знамя без серпа и молота.

Потребность населения в денежном и пищевом довольствии — это важная потребность. Но история — и прежде всего русская — знает множество примеров консолидации народа

в бедности и лишениях, долготерпения в трагических условиях войны и послевоенного восстановления. Та же история знает множество примеров, когда в целом неплохо живущий народ, подводя итоги успешного 300-летия при династии **Романовых** или 20-летия экономического роста при шахе **Реза Пехлеви**, единомоментно дуреет в атмосфере идеологического раздора, надрывается от невнятности собственной элиты, ее неспособности к осмысленному с этим народом общению. И вдруг вздымается во всеразрушающем массовом озверении.

Вместо революции

Однако революции в России пока что не будет. Точнее, не будет той «оранжевой революции», которую уже примерили на нее все — от руководителей путинской администрации до лондонских герценов-самозванцев.

Глобинтерновский проект в целом близок к выходу на «режим насыщения». Конвейерное применение отработанных технологий на самом деле обеспечивает один-единственный гарантированный результат — подрыв народного повиновения, всплеск бунта. Однако неотроцкисты-догматики (как и их идейный праотец — идеолог перманентной мировой революции) рассчитывают на единообразность последствий — как и в европеизированной (за долгие годы СФРЮ) Сербии, как в привилегированной советской республике Украине, они ожидают, что вслед за «праздником непослушания» успокоившийся и довольный народ перейдет в режим лояльности к новой власти, к окончательно десоветизированной номенклатуре, эффективно заточенной под выполнение традиционных обязанностей колониальной администрации, сформированной «из местных» (так было и при советской власти — только там для присмотра вторым секретарем ЦК назначали русского, а здесь первой леди — американку или голландку).

Но даже на Украине и в Грузии идет вовсе не как по маслу. Отвергнутая, но не осмысленная советская реальность выплескивается в тихих погромах: в юридических, экономических, дипломатических эксцессах, чреватых новыми сокрушительными взрывами массовых протестов.

Куда более мрачные перспективы — у эрзац-революций в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Азербайджане. Неспособные разобраться даже с ослабленным и нищим Афганистаном и вынужденные делать вид, что его как бы и нет (а то, что есть — это всего лишь марионеточный «двор» в Кабуле), глобинтерновцы не имеют ни организационного, ни финансового, ни политического ресурса для того, чтобы справиться со всеми теми джиннами, которых они уже навострились выпустить из центрально- и среднеазиатских бутылок. Российская же ситуация — совсем особая.

С одной стороны, в стране, несомненно, наблюдаются самые острые признаки «недореволуции». Настроения фрустрационного озлобления, массовой неудовлетворенности фиксируются во всех слоях общества. Протестная реакция неадекватна — несколько лет назад люди годами терпели невыплату зарплаты, теперь рвутся на улицы из-за сотни рублей транспортных льгот.

С другой стороны, специфика властно-общественной конфигурации в России делает «оранжевый» вариант невозможным в принципе. Казалось бы, политическая сцена устроена примерно так же, как и в других постсоветских странах — есть номенклатурная «партия власти», есть несколько номенклатурных же оппозиционных проектов (вроде «Родины»), есть «либеральная» и «левая» оппозиция. Однако их структура и роли своеобразны.

Во-первых, «партия власти» и «номенклатурная оппозиция» действуют в реально моноцентричном режиме — они действительно управляются из единого центра, более того, только эта управляемость и является единственным их реальным политическим ресурсом. Конфликт между разными ложноножками «партии власти» — это борьба за ресурс, за право называться «настоящей партией власти», причем в случае утраты лояльности всякая возможность бороться за этот ресурс исчезает, а значит, утрата лояльности невозможна. Это существенно отличает ситуацию от номенклатурных драк в братских республиках — там значительные пласты номенклатуры выбрасывались из власти буквально на улицу, лишались всякого доступа к ресурсу и превращались в мощный инструмент антисистемной активности.

Во-вторых, та оппозиция, которую можно было бы назвать политической, более-менее реальной, оказывается оппозицией по существу реваншистской, при этом маргинальной. Из кого она состоит? Из КПРФ, СПС, «Яблока» и политических проектов опальных олигархов, то есть, из сил, которые в результате политики нынешней власти потеряли все — но не через «выброс» с политического поля, а через реальную утрату влияния и властных возможностей (КПРФ стала возрастной партией, чей электорат сокращается естественным путем, СПС и «Яблоко» — проектами-лузерами, обреченными и неспособными на возрождение в силу личностной специфики соответствующего человеческого материала, что касается «лондонской фракции РСПП», то даже на фоне своих многочисленных и многим недовольных собратьев по цеху опальные олигархи все больше воспринимаются как очень высокооплачиваемые городские сумасшедшие). Что может противопоставить власти этот конгломерат, кроме мстительной ненависти и безнадежной мечты о реванше? Это как если бы в Грузии единственной угрозой для Саакашвили оставались полубезумные гамсахурдистки («черные колготки»).

Конечно, эта политическая структура не может считаться стабильной.

«Угрозу стабильности прежде всего несет нарастание реальной психологической напряженности в обществе — напряженности, которая при неблагоприятных обстоятельствах может «рвануть»»

Какие это обстоятельства?

Во-первых, кризис в недрах «партии власти». Организационно-политическая слабость «Единой России», нехаризматичность ее руководства, отсутствие идеологии и жесткий кризис политического словаря (язык «ЕР» — убогий и раздражающий деидеологизированный канцелярит), очевидная для всех манипулируемость партийной структуры и жесткая связь «ЕР» в массовом сознании с непопулярными решениями (монетизация, рост тарифов ЖКХ) — все это вместе взятое существенно затрудняет эффективное использование партии в качестве электорально-политического механизма обеспечения преемственности власти.

На таком фоне вполне возможно развитие сюжета «бюрократического бунта». Этот вариант может носить децентрализованный характер. Он может включать: утрату контроля в результате активизации аппарата «ЕР», его перехода к «самообеспечивающим» действиям, не согласованным с властью; конфликты между различными представителями «ЕР» на региональном уровне, формирование внутриэлитной региональной оппозиции на базе экономических конфликтов; аппаратный раскол на высшем уровне с попытками противопоставить «ЕР» другой, «более президентский» партийный проект.

При подобном развитии событий неизбежно резкое ослабление политического руководства, нарастание информационно-политических проблем, осмысление и озвучивание ситуации оппозиционными силами и СМИ, резкое снижение престижа власти и полная утрата управляемости.

Во-вторых, не просто возможной, но полностью предсказуемой является попытка реализации «реваншистской оппозицией» традиционного «оранжевого проекта». Эта попытка будет включать в себя кумулятивную информационную атаку, создание молодежных инфраструктур «непризнания победы власти на выборах», запуск иных механизмов разрушения стереотипов гражданского повиновения.

«С учетом существующих социально-психологических проблем такое развитие событий вполне может привести к резкому, неуправляемому нарастанию массовых протестов против власти, срыву общества в стихийно-бунтарскую реакцию.»

Однако «оранжевый процесс» в России не может завершиться узурпацией победы на выборах его инициаторами. В силу специфики протестных настроений в России, особенно в регионах, можно ожидать, что инициаторы «оранжевого бунта» станут первым объектом социальной агрессии, более ненавистным, чем партия власти.

В обоих случаях свержение «партии власти» ведет к хаосу, к кризису безвластия, к утрате управляемости с непредсказуемыми последствиями. Наиболее вероятными результатами такого развития событий становятся: «самоорганизация» протеста по погромному варианту (самозахват власти

представителями маргинальных сил фундаменталистского толка) — или дезинтеграция страны, вызывающая неминуемое, из соображений самозащиты от неконтролируемой ядерной угрозы, вмешательство внешних сил по варианту оккупационному.

Такова общественно-политическая реальность путинской России за три года до завершения второго президентского срока ее лидера, что вменяемая альтернатива варианту «преемственность» не просматривается. Никакой реальной базы для формирования в ближайшие годы системной оппозиции, которая могла бы обеспечить обновление политического класса и эффективный перехват власти, нет; социальной базы и ресурсных возможностей для ее формирования тоже нет. Поэтому единственной альтернативой катастрофическому прогнозу (будь то оккупационный оранжевый, будь то фундаменталистско-погромный «черный») становится реальное восстановление властно-общественного диалога, отказ от схематизма, от шаблона, перехват информационно-политической инициативы.

В частности, одним из немногих эффективных «выходов» из кризиса недореволюции мог бы стать вариант использования энергетики массового недовольства через включение механизмов «управляемой революции», «революции сверху» — вариант, системно воспроизводящий схему победы в 1999 г. При этом власти не обойтись без радикального кадрового обновления (в первую очередь без замены безликих «андроидов» во главе властных политпроектов), без радикализации политического словаря, без перехвата эмоциональной, популистской риторики с выводом на первый план тематики национального достоинства и социальной защиты. Данный вариант мог бы быть реализован при наличии политической воли и жесткого проектного планирования через слом существующих общественных настроений и снятие социально-психологической напряженности — хотя и представляется достаточно маловероятным в силу инерции политического мышления и ограниченности кадрового ресурса.

Содержание

<i>Россия как болезнь, геосанитария как бизнес</i>	3
Фронт против России: «санитарный кордон» и «внешнее управление»	5

Оранжевые политтехнологии

<i>Виген АКОПЯН, Арменика КИВИРЯН.</i> <i>Революции-клоны:</i> <i>чем Армения отличается</i> <i>от Грузии и Украины</i>	13
<i>Дмитрий КОНДРАШОВ.</i> <i>Оранжевый «национал-демократизм»</i> <i>против «русского мира»: взгляд из Прибалтики</i>	23
<i>Дмитрий ЮРЬЕВ.</i> <i>Оранжевые политтехнологии Украины:</i> <i>управление свободой</i>	37

Прибалтика: стремление к реваншу?

<i>Новая дипломатия Эстонии:</i> <i>оправдание нацизма</i>	55
<i>Михаил ДЕДУРИН.</i> <i>Как противостоять фронту</i> <i>против России: несколько сюжетов</i> <i>из опыта Прибалтики</i>	67

<i>Виктор ОЛЬЖИЧ.</i>	
<i>Будет ли Литва воевать с Россией:</i>	
<i>тенденции и причины противостояния</i>	73
<i>Виктор ОЛЬЖИЧ.</i>	
<i>Концепция «абсолютного зла»:</i>	
<i>разгадка профашистской</i>	
<i>идеологической Прибалтики</i>	87
<i>Пропагандистская война</i>	
<i>Эстонии против России:</i>	
<i>итоги политического сезона 2003–2004</i>	97

Кавказский синдром

<i>Виген АКОПЯН, Арменика КИВИРЯН.</i>	
<i>Экспансия США и «топорная политика»</i>	
<i>России на Южном Кавказе</i>	109
<i>После Беслана: конкретная Грузия,</i>	
<i>комплементарная Армения</i>	
<i>и молчащий Азербайджан</i>	121
<i>«Революционный аромат»</i>	
<i>карабахского фактора</i>	129
<i>Россия — США на Кавказе:</i>	
<i>«Запад — Восток» —</i>	
<i>параллельный перпендикуляр</i>	143

Восток — Запад: новое противостояние

<i>Виген АКОПЯН.</i>	
<i>Последний козырь Буша,</i>	
<i>азиатская «черепаха» и российский «разворот»</i>	153
<i>Дмитрий КОНДРАШОВ.</i>	
<i>Фронт против России: направления агрессии</i>	167
<i>Дмитрий ЮРЬЕВ.</i>	
<i>Революции не будет</i>	195

Серия «Евровосток»

Россия и «санитарный кордон»
Сборник информационного
агентства REGNUM

Редактор *Т. Рапопорт*
Литературный редактор *А. Пряжникова*
Корректоры *О. Кандидатова, В. Кишша*
Оформление *С. Захаров*
Верстка *П. Борисова, А. Монахов*

Подписано в печать 20.05.2005. Формат 75X100 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург». Печать
офсетная. Усл. печ. л. 9,56 Тираж 500 экз.

Издательство «Европа»
119180 г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1
тел. 745-52-25, факс 725-78-67

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Момент»
Заказ №280